
А. Т. САЛАДИН
ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
МОСКОВСКИХ
КЛАДБИЩ

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЯ МОСКВЫ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

А.Т. Саладин, опирающийся на памятник В.В. Пассеку
на кладбище Симонова монастыря

А.Т. САЛАДИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ КЛАДБИЩ

Издательство «Книжный сад»

Москва
1997

ББК 85.101
С 16

Под общей редакцией Юрия Кувалдина

Художник Александр Волошин

Издание осуществляется при содействии Московского фонда «Наука»
по программе правительства Москвы
в честь 850-летия Москвы.

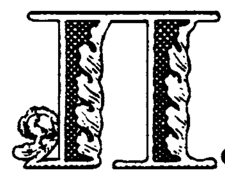
Саладин А. Т.

С 16 Очерки истории московских кладбищ. — М.: Издательство «Книжный сад», 1996. — 352 с. ил.

Рукопись книги Алексея Саладина (1876–1918) дожидалась своего издателя 80 лет. Подготовленная в то время (1916) для издательства Сабашниковых, в связи с переворотом 1917 г. не была издана. Это уникальный памятник времени. Многие кладбища, описанные А. Саладиным, стерты с лица земли. Сам автор назвал свою работу «Прогулки по кладбищам Москвы».

Книга снабжена фотографиями, сделанными Саладиным в 1916 году.

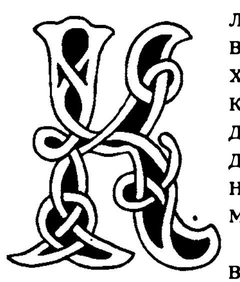
ISBN 5-85676-040-9

ОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ:

Всем, кто будит в людях словом,
Кистью, звуками, резцом
Красоты и правды чувства...

А. Плещеев.

Всем им, покоящимся на московских кладбищах.

ладбища — это особый мир, полный воспоминаний, полный острых или тихих примиренных сожалений о тех, которые жили и которых уже нет. Родные, друзья, ушедшие "по ту сторону добра и зла", какими-то невидимыми нитями привязывают живых к своим могилам.

Великий химический процесс превращает тело человека в ничто, и ничего уже не остается в могиле, что составляло "я" человека. Но как-то невольно у могилы близких встает их образ, оживают воспоминания о них. Как будто они где-то рядом и только какая-то легкая завеса скрывает их от мира живых.

Кладбища — полны мистических настроений, полны призраков...

Смерть стоит там и руками
Ледяными принимает
Рой теней, воспоминаний
О любви земной и злобе.

Тщетных грез, страстей минувших
И семян, убитых снегом,

И листов поблекших, алых,
Словно кровью орошенных.

Белых роз и нежных лилий,
Что у юных дев завяли
На груди благоуханной
Или в кудрях золотистых.

(Энрико Ненчони. Перевод
С. Н. Головачевского).

Какие богатые темы для размышлений, какой глубокий смысл в них и какой урок ожидающим своей очереди попасть в обитатели этих вечных поселков!..

Посетителей кладбищ можно разделить на два разряда: одни ходят на могилы своих близких, другие, не имея близких, ходят, чтобы вызвать известное настроение. Еще есть третий, пока очень малочисленный, разряд посетителей кладбищ, которые ходят к близким не по крови, а по духу, ходят на могилы тех, о которых поэт говорит:

Не забудьте также, братья,
Добрым словом помянуть
Тех, навек от нас ушедших,
Что, свершив свой трудный путь
И до гроба сохранивши
В сердце преданность добру,
Произнесть могли с поэтом:
"Знаю: весь я не умру".

(А. Н. Плещеев).

Там, у свежих и старых могил, забытых и подновленных чьими-то заботливыми руками памятников этих людей, так хорошо, так уместно сказать:

Мир праху их! Они здесь жили не бесплодно,
И светоч, что зажгли их честные умы,
Нас ободрял не раз среди глубокой тьмы,
Сияя нам звездою путеводной.

(А. Н. Плещеев).

Жизнь обыкновенного человека, живущего лично для себя, и жизнь общественного деятеля, работающего, мыслящего на общее благо, — неодинаковы. Полагают, что и память о них должна быть разная: в первом вспоминают самого человека, во втором — его деятельность. Но, если дороги труды человека, близки его убеждения, то дорог и близок он сам, как человек. Родство духа — то же самое, что и родство крови.

Могилы таких людей — это тоже родные могилы. В Москве немного таких могил, да и они посещаются мало.

Похороны общественных деятелей у нас пока еще не обязанность общества, а забота родственников. Поэтому только редко и случайно известные люди погребаются в одном месте. Чаще литераторы, художники, ученые хоронятся на разных кладбищах или в разных уголках их. Как на исключение, можно указать на кладбище Данилова монастыря, где собрались в тесный кружок видные представители славянофильства и деятели крестьянской реформы, а также на Ваганьковское кладбище — последний приют артистов и литераторов.

Отыскивать даже недавние могилы известных деятелей на обширных и запущенных московских кладбищах — дело довольно трудное. Кладбищенская администрация часто отзывается неведением, а могильщики больше знают могилы состоятельных людей, за уборку которых получают плату.

Распланировка старых частей кладбищ самая неудобная, к некоторым могилам невозможно даже пробраться, а на некоторых нельзя прочесть надписей; густая трава совершенно скрывает низкие надгробные камни. При таких условиях очень трудно отыскать могилу, даже зная, где она приблизительно находится.

Быть может, отчасти поэтому паломничество к могилам великих людей, погребенных на кладбищах Москвы, не так развито, как этого можно было бы ожидать в культурном центре.

Нелишне посмотреть старые и современные надгробные памятники более или менее художественной работы. Это доставит большое эстетическое удовольствие. Интересно сравнить, как развивалось искусство, как менялись формы. Простейший крест и плита — примитивы надгробий — бесконечно изменялись и наконец превратились во второстепенные дополнительные части. На плите встала

гробница, в ней укрепилась колонна, утвердился конус, крест принял маленькие размеры и завершил пирамиду или урну. Барокко, готика, классический стиль — все отразилось на кладбищенских памятниках. Ученым мастерам стали подражать простые каменотесы, — отсюда ряд курьезных, наивных надгробий.

Теперь на кладбищах безопасно можно ставить мрамор и бронзу, кладбища обнесены прочными оградами и надежно охраняются. Не то было в прежние годы, когда кладбища отделялись только рвами, когда среди могил ночевал всякий темный люд столицы, а днем происходили веселые поминовения с попойками. Тогда погибло много украшений, поломаны части скульптур и даже бесследно исчезли целые памятники.

Кладбища ожидают своего исследователя, для него там будет большая и благодарная работа. Хотелось бы, чтобы поскорее явился такой исследователь, пока не погибло обреченное гибели.

Настоящая книга — далеко не исследование. Это только поверхностные указания любителя, по которым можно найти хоть часть того, что имеется на московских кладбищах.

В конце концов мы все, хотя и невольно, пойдем на кладбища; там

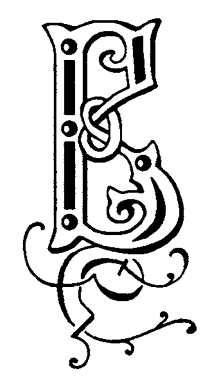
...в долине скорби в мирную обитель
Нас земля приемлет:
Мира бедный житель отдохнуть приляжет
На груди родимой.
Скоро мох покроет надпись на гробнице,
И сотрется имя;
Но для тех бессильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузит в раздумье и из сердца слезы
Сладкие исторгнет.

(А. Н. Майков).

Так прежде сходим же туда добровольно, посетим могилы тех, чье имя, избежавшее тления, заствит нас задуматься и, быть может, лучше прожить остаток дней.

26-го августа 1916 года.

ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

древней Москве особых кладбищ не существовало, хоронили покойников около приходских церквей, а кто был побогаче, тот старался успокоить свои кости под защитою святых монастырских стен. Церквей в Москве тогда было если не "сорок сороков", то все-таки очень много. Поэтому-то так часто при земляных работах открываются древние кладбища, иногда с уцелевшими от тления гробами.

Такой порядок существовал до половины XVIII века. Нечего и говорить, что при свирепствовавших тогда эпидемиях хоронить покойников в центре города было опасно. Но об этом до Петра Великого мало кто думал, помышляя больше о загробной жизни, а не о земной и полагая, что своя приходская церковь есть первая ступень в райские обители.

Петр посмотрел на дедовский обычай иначе и указом 1723 года властно приказал "в Москве и других городах мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутри городов не погребать".

В 1758 году открылось на окраине Москвы, в Марьиной роще первое московское общественное кладбище для бедных — Лазаревское. Состоятельный класс по-прежнему продолжал хоронить в городе по монастырям.

На Лазаревское кладбище перевели "убогий дом", существовавший там, где теперь стоит церковь св. Иоанна Воина, на Божедомке, близ Екатерининского парка. Всех умерших насильственной смертью, а таких в то время грубых нравов было немало, — стали хоронить на "буйвище" или "гноище" Лазаревского кладбища. Такое соседст-

во, да, вероятно, и близость Немецкого "басурманского" кладбища, конечно, пугали суеверных москвичей, и только действительная беднота стала населять понемногу первое московское общее кладбище за городом.

В богатой лесом Москве камень был дорог, бедняки не могли ставить прочных надгробий, обходясь деревянными голубцами. Вот почему даже на старейшем кладбище камни с датами конца XVIII века встречаются только единицами.

Окружавшая Лазаревское кладбище Марьина роща была густым лесом, местами непроходимою чащобою. И хотя в ней устраивались гулянья в Семик, но, несомненно, что в сравнительно низкой местности, здесь было мрачно и угрюмо, да и теперь Лазаревское кладбище далеко не ласкает взгляда.

В существующем виде Лазаревское кладбище окружено глухою кирпичною стеною, возведенной в 1889 г., и это далеко не лишнее, так как с трех сторон оно застроено жилыми домами, и только к Виндавскому вокзалу, у Крестовской заставы, местность пока еще не застроена.

Спрятавшись от всякого шума за прочными стенами, кладбище покрылось буйной растительностью. Трава — выше пояса — скрывает даже высокие гробницы, и к некоторым могилам можно подойти только с трудом, обжигаясь о крапиву. Вековые березы, липы и тополя, а больше ветлы, дают густую тень. Пни исчезнувших великанов в несколько обхватов, седой мох на стволах старых берез, полусумрак аллей — все это создает из старого "буйвища" своеобразный уголок, не лишенный привлекательности. Здесь так хорошо можно забыться от суетливой действительности и уйти в прошлое, когда кругом были не жалкие домишки столичной бедноты, но глухо шумела задумчивая Марьина роща, а в ее темно-зеленом сумраке пробиралась в удобные места охотничья свита Тишайшего царя.

У алтарной стены церкви нельзя не заметить огромный полуразвалившийся мавзолей с круглыми и готическими окнами во всю стену. Рамы в этих окнах давно прогнили, стекла выбиты и отверстия наглухо заколочены досками; на провалившейся крыше растут березки.

Одна из досок в двери оторвана, и через отверстие можно хорошо видеть интересную гипсовую группу высокой художественной работы. На смертном ложе припод-

нялся отец и обеими руками старается прижать к себе в последний раз двух маленьких дочерей. Группа производит сильное впечатление, чувствуется какая-то драма, на которую талантливый скульптор только намекнул, но не пожелал ее рассказать в подробностях. К сожалению, у обеих девочек отбиты ручки, а отцу кто-то вымазал известкой лицо. Не разъясняет загадки надпись на гробнице: "Под сим погребен г. подполковник Михаил Родионович Хлебников и две дочери его в нежных летах во едином м-це марте 1796 года скоро одна за другою следующих чисел скончавшиеся из них меньшая Авдотья Михайловна 6 числа имея от роду 2 года и 11 дней, вторая Марья Михайловна 8 числа 5 лет и 8 дней".

Тут же, немного левее, надгробный памятник Новосильцевой, работы известного московского скульптора И. Витали *.

В большой без украшений арке-нише, на простом четырехгранном пьедестале, поставлена сложная группа, изображающая ангела, обнимающего двоих детей, а над ними женская фигура, закутанная в хитон, указывает на небо. Группа богата обработкою деталей, отличительное свойство Витали, но сделана из непрочной цементной массы, и многое уже попорчено непогодою, у женщины отбита рука и безобразно торчит ржавый железный кусок каркаса. На пьедестале сделана надпись: "Здесь покоится прах Настасии Павловны Новосильцевой. Родилась 12 сентября 1789 г., скончалась 21 августа 1830 г. От неутешных мужа и детей". Ниже — обычная стихотворная эпитафия.

Еще левее, на самом краю дорожки, под деревянным белым крестом похоронен преподаватель истории С. И. Кедров, получивший воспитание в Московской духовной семинарии и напечатавший много исторических исследований, из них наиболее существенны: "Авраамий Палицын" и "Русь Петра Великого за границей". На кресте надпись:

Преподаватель Московской Духовной
Семинарии и Александровского Института
Сергей Иванович КЕДРОВ
сконч. 23 августа 1914 года.

---

* Витали Иван Петрович (1794-1855), русский скульптор. Представитель классицизма (фонтан на Театральной пл. в Москве, 1835). Точные по характеристике портретные бюсты (А. С Пушкин, 1837). — *Примеч. ред.*

От церкви в глубь кладбища ведет Сандуновская дорожка. В средине ее с краю — могилы актера С. Н. Сандунова, профессора Н. Н. Сандунова, их отца Н. М. и матери М. С. Сандуновых.

Н. М. Сандунов происходил из какой-то благородной грузинской фамилии, имел некоторый достаток, позволивший ему дать своим детям образование. Из них Николай избрал ученую карьеру и был профессором гражданского права. На его могиле — высокий памятник серого гранита, с обычными казенными надписями:

Под сим крестом погребено тело
ординарного профессора
Императорского
Московского университета
действительного статского советника и кавалера
Николая Николаевича
САНДУНОВА
Родился 31 октября 1749 года.
Скончался 7 июня 1832 года.

Н. Н. Сандунов занимал кафедру практического судопроизводства. Это был низенький коренастый старичок. В своей отрывистой речи он как бы отчеканивал каждое слово. Лекции свои он иллюстрировал делами, взятыми из сената, где служил когда-то обер-секретарем. Разбор этих дел сопровождался остротами и анекдотами, и потому его лекции были полны жизни и движения. Грубый на вид, он имел доброе сердце и по простоте отношений того времени обращался иногда к студенту по-отечески: “Эх, батенька, ты какой. Обычай-то бычий, а ум-то телячий. На антресолях-то, батенька, у тебя видно маловато”. Тогда такое обращение не считалось недопустимым, и студенты не обижались на старика. Римского права Сандунов не переносил и профессора по этой кафедре называл “Римскою попадьею”.

Памятник его брата, избравшего тернистый путь актера, заключен в тесную решетку. Это колонна серого гранита, перебитая кубом. Надписи сделаны со всех сторон куба:

Под сим камнем почиет
прах придворного актера

Силы Николаевича
САНДУНОВА.

Другу и благотворителю
от сердец ему преданных
и им сблаготворенных.

Родился в Москве в 1756
году, а скончался в 1820
году марта 27 дня.

О личности и свойствах таланта Сандунова, со слов его современников, А. Ф. Кони записал следующее: "Сандунов действительно был актер необыкновенный по уму гибкому и просвещенному, по таланту сценическому и по стойкости характера. Все то, что пленяет нас в Бомарше, досталось в удел Сандунову: та же пылкость души, тот же пламень воображения, та же язвительная острота и изворотливость ума. На сцене он был, как дома — смел, развязен и ловок. Сандунов был en vogue, т. е. актер модный. Ему старались подражать в обществе, так приемы его были благородны и приятны. Необыкновенный ум Сандунова приобрел ему столько же друзей в свете, и преимущественно между знатью, сколько талант завоевал сердец с подмостков сцены. Он был роста небольшого, но прекрасно сложен; говорил, прищуривая глаза, но сквозь эти щелки век вырывались язвительные молнии; он высматривал каждое движение того, с кем говорил, и, казалось, проникал его насквозь. Сандунов кажой роли давал свой колорит и превосходно оттенял характеры. Он был весел, жив, игрив, рассыпался мелким бесом и всегда был в движении на сцене. Он так глубоко вникал в характер своей роли, что совершенно отдавался своему увлечению; во время игры весь мир для него не существовал: он знал только людей, которых автор поставил для него на сцене".

В конце восьмидесятых годов, в эпоху полного расцвета своего таланта, Сандунов встретился с воспитанницей театрального училища Лизой Урановой. Готовился брак. Но на Лизу соблаговолил обратить свое внимание государственный канцлер А. А. Безбородко. Молодая, неопытная и легкомысленная артистка не устояла перед могуществом и бриллиантами Безбородко, а его соперник был уволен с придворной сцены.

Но Сандунов не сдавался и перед отъездом из Петрограда в Москву, играя на частной сцене, обратился к публике с прощальными стихами:

Служа комическим и важным господам,
Не им я был слугой, а был я вам,
Терпел пощечины от них, нападки, брани -
Усердья моего к вам были это дани.
Я вздоры разные сносил колико мог!
Заплатит, говорил, за это мне мой Бог.
Хотя и видел он, что мне немного тесно,
Но миловану им быть, право, очень лестно.
Кто ж этот царь мне был? Кто знает, что актер
Тот ведает и то, что царь мне был партер.
О ты, талантов царь, душа деяний славных,
Который требует всегда жрецов исправных.
Прости, что твой алтарь оставить должен я,
Меж мной и бар моих будь сам ты судия.
Служил я рабски, был я гибок, как слуга;
Но что ж я выслужил? Иль брани иль рога.
А девушки мои, пренежные служанки,
Любили верность так, как истину цыганки.
В угодность авторов, забывший страшный стон,
Попотчевал меня рогами Купидон.
Хоть силой авторов то сделано невольно,
Но, право, от того мне было очень больно,
И я, не вытерпев обидных столь досад,
Решился броситься отсель хотя б во ад.
Моя чувствительность меня к отставке клонит,
Вот все, что вон меня отсель с театра гонит.
Теперь иду искать в комедиях господ,
Мне б кои за труды достойный дали плод,
Где б театральные и графы, и бароны
Не сыпали моим Лизетам миллионы
И ко сердцам златой не делали бы мост,
На то, что щегольским Кристонов сделан рост.
Сыщу ли это я иль поиск мой напрасен,
Но знаю, но со мной всяк будет в том согласен,
Что в драме той слуга не годен никуда,
Где денег не дают, да гонят лишь всегда.

Произошел скандал, артист долго оставался в опале, всячески стараясь добиться справедливости и восстанов-

ления потерянных прав. Настойчивость увенчалась успехом, он был возвращен на придворную сцену и даже женился на Лизе Урановой. Но раз нанесенная сердечная рана не заживает. Пошли дрязги, какие-то материальные счеты, супруги наконец разошлись, а в 1810 году Сандунов покинул сцену. Красиво начатая жизнь закончилась совсем прозаически. Сандунов построил бани на Неглинной, и теперь носящие его имя. "Кто помнит, кто знает теперь Сандунова? — говорит биограф его Сиротинин. — Известны одни Сандуновские бани. Бани, выстроенные актером, оказались памятником более прочным, чем то искусство, которым он волновал сердца, благодаря которому, может быть, многим из зрителей открылась тайна понимания изящного, возможность тех высоких, прекрасных наслаждений, выше которых нет наслаждений".

Могила отца Сандунова пользуется среди местного простого народа большой известностью. Оставляя без всякого внимания надгробия профессора и актера, посетители кладбища подолгу стоят у могилы их родителей. Привлекает их внимание изваяние двух больших змей, обвивающих крест. Эти-то змеи и служат источником самых страшных легенд.

Памятник представляет высокую чугунную плиту, вернее, массивный ящик из тяжелых чугунных плит, под которым покоятся Николай Моисеевич САНДУНОВ и Марфа Силишна САНДУНОВА.

На плите укреплен простой крест; сверху и снизу его обвивают две большие змеи. Памятник много пострадал от времени, не уцелело никаких украшений, отвинчена медная доска с эпитафией, отбиты части у змей.

Змеи, несомненно, изображают какой-то символ, но расположение их необычно — встречающиеся на надгробиях змеи почти везде свернуты в кольцо, символизируя вечность; змея, как символ мудрости, употребляется обыкновенно только одна. Здесь что-то другое. Быть может, что змея, обращенная снизу кверху, означает тайну рождения человека от земли и полет его духа к небу, а змея, обращенная сверху вниз, — тайну смерти, возврат в землю, к небытию, символизируя таким образом альфу и омегу бытия человека. Быть может, это что-либо другое — символ без текста — человек, лишенный речи.

Народ, питающий инстинктивное отвращение к змеям, не допускает никаких символов. Он видит надпись "отцу

и матери от сына их" и решает дело по-своему. Отец умер богачом, не пожелал оставить деньги и спрятал их в подушку, которую приказал положить себе в гроб. Когда дети узнали, куда исчезли деньги, разрыли могилу, открыли гроб, из него, шипя, выползли змеи, а денег там не было.

Интересно заметить, что приблизительно такой же памятник находится на том же кладбище, около алтарной стены церкви, но его не замечают. Это — грузная колонна, перебитая кубом и увенчанная урной, с обвившейся вокруг нее, не в замкнутое кольцо, большой змеей. Здесь также имеется надпись: "Чадолюбивому отцу от трех его сыновей". Памятник поставлен на могиле "протоиерея и кавалера Федора Авксентьевича Малиновского", ум. 1811 г. Малиновский был преподавателем Московского университета, и символ мудрости на его могиле вполне уместен.

Левее от могил Сандуновых, между Сандуновской и Федосеевской дорожками, можно отыскать совершенно забытую могилу известного в свое время профессора словесности и древностей Р. Ф. Тимковского. На ней высокая цилиндрическая колонна, увенчанная черной мраморной урной. Надписи на памятнике сделаны полатыни и по-русски:

Здесь погребено тело коллежского
советника Императорского
Московского университета
Греческой и Латинской
словесности
Профессора и Кавалера Романа
Федоровича ТИМКОВСКОГО, скончав-
щегося 1820 года января 16 дня,

Праху
Незабвенного Наставника
благодарные ученики студенты
Императорского Московского
университета

Jn memoriam beneficiorum
viri incomparábilis
professoris optimi atque dilectissimi

Pomani Theodoris
TIMCOWSKII
hos monumentum
super ejus reliquis
gratissimi
suae disciplinae alumni
posuerunt.

(Перевод: В память благодеяний мужа и несравненного профессора лучшего и любимейшего Романа Федоровича Тимковского, этот памятник над его останками воздвигли признательные его ученики).

Тимковский славился познаниями своего предмета, издал Федра со своими примечаниями, имевшими в то время большую ценность, написал классическое рассуждение о дифирамбах. Наружность он имел важную, неприступную, никуда не ходил, кроме лекций, и никого не видал, кроме студентов. Какое значение имели профессора прежнего времени у студентов и какое влияние оказывали на них, можно судить по следующему факту, приведенному М. П. Погодиным. "Объяснив первую оду из второй книги Горация, Тимковский поручил написать журнал студенту Кубареву, впоследствии также профессору. Это поручение показалось всем нам знаком особенного благоволения к Кубареву, и он, не помня себя от радости, по дороге домой из университета, попал вместо Сухаревой башни, подле которой жил, на Елохов мост в Преображенское, где уже вечером опомнился".

Направо от церкви, напротив колодца, выделяется обломок серой гранитной скалы, окруженный цепями на могиле надзирателей Бутырской тюрьмы, убитых заключенными в ней каторжниками.

Памятник поставлен "русской женщиной", придававшей этому печальному случаю какое-то особое значение, что невольно сказывается даже в надписи:

Беззаветным стражам долга
мужественно павшим на постах
от руки дерзких убийц
21 января 1911 года.

Надзирателям пересыльной тюрьмы,
Трофиму ШКЛЯЕВУ,

Герасиму ИВАНОВУ,
Василию РУЧКИНУ,
Александру КУРДЕЕВУ
От русской женщины.

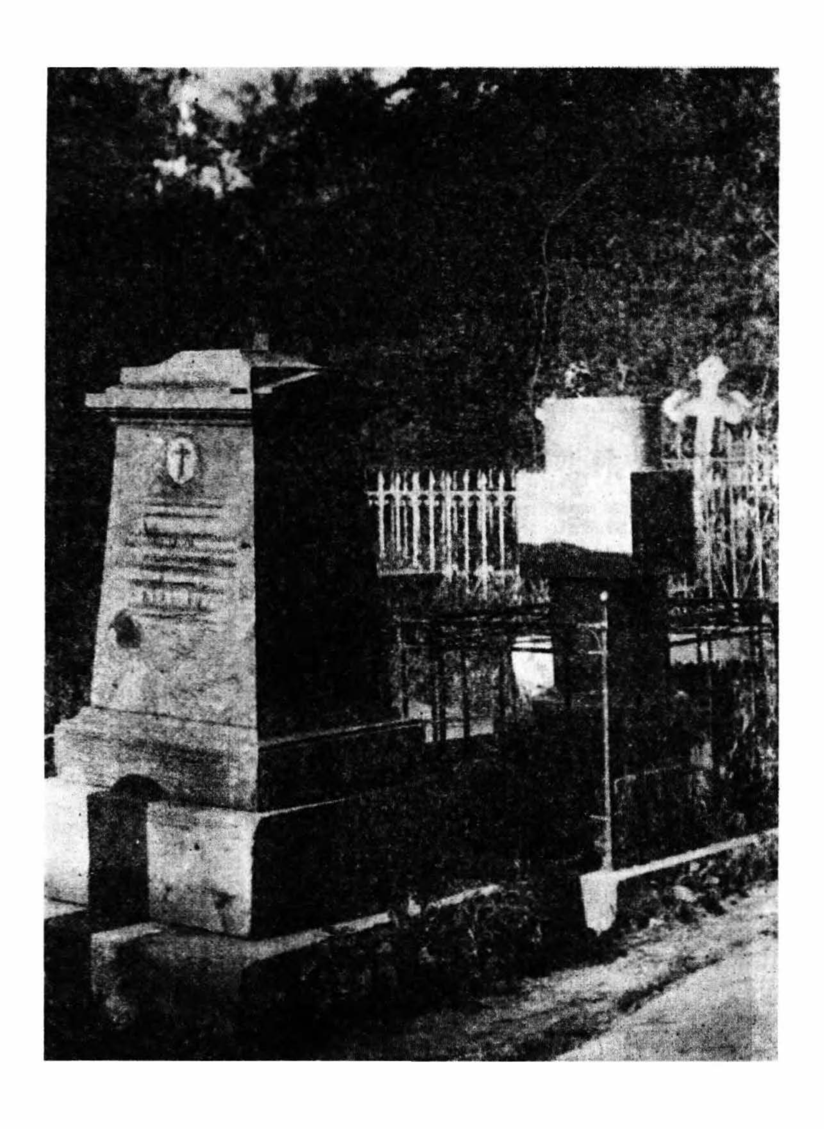
Прямо за церковью, недалеко от нее, под обширным защитным шатром с фамильными могилами, погребен И. Н. Кушнерев, основавший в Москве большое типо-литографское дело, начав его почти с ничего, добившись успеха исключительно личным трудолюбием и энергией. Он писал очерки и рассказы. На могиле плита с надписью:

Иван Николаевич
КУШНЕРЕВ*
скончался 10 февраля 1896 года.

Вправо от церкви, за колодцем, немного пройдя по дорожке, с левой стороны обращает внимание крест из крыльев пропеллера. Это памятник А. А. Мухину, погибшему 9 мая 1914 года на Ходынском аэродроме, при пробе аппарата системы "Дюпердюссен". Мухин был первой жертвой московского аэродрома.

* Кушнерев Иван Николаевич (1827-1896), очеркист, редактор-издатель. В числе первых выступлений в печати — рассказ "Современный случай" (сб. "Раут", кн. 1, М., 1851). Сотрудничал в "Рус. мире", "Веке", "Петерб. вест.", "Современнике", "Сыне отечества", "Искре", "Гудке". В 1860 г. выпустил сб. "Очерки и рассказы" (ч. 1-2, СПб), который, дополнив новыми произведениями, переиздал незадолго до своей смерти — "Сочинения" (т. 1-3, М., 1895). В 1869 г. он основал собственное типографско-издательское дело — известную "Кушнеревку", выпустил около 60 названий книг. — *П имеч. ред.*

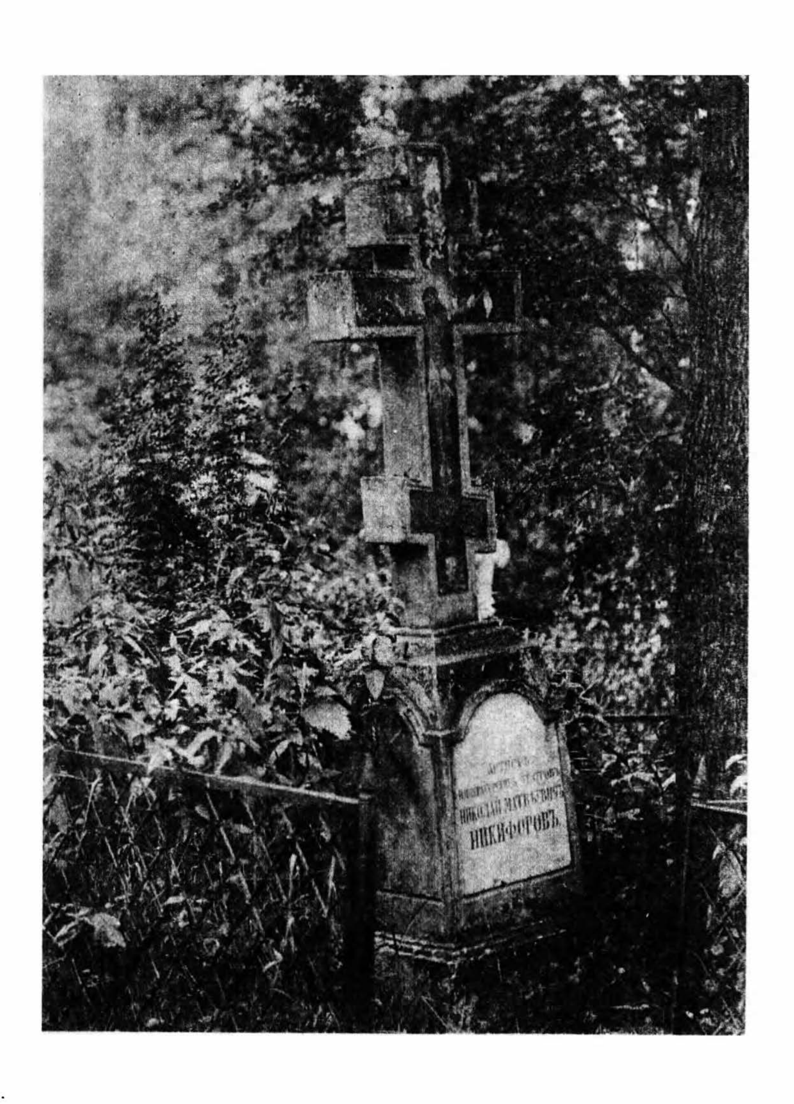
Могила Н.Н. и С.Н. Сандуновых

Могила М С Сандуновой

Могила Ф.Б. Миллера

Могила Н.М. Никифорова

СТАРОЕ ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

а Лазаревским кладбищем, в Марьиной слободке, там, где 2-я улица пересекается 2-м правым проездом, есть незастроенная площадь, с разбросанными по ней кое-где могильными плитами. Это и есть старинное Лютеранское, или Немецкое, как его называют местные жители, кладбище.

Окруженная со всех сторон домами площадь кладбища ничем не огорожена, она поросла редкой, выжженной солнцем и затоптанной травой, на могильных плитах играют чумазые ребятишки, сидят и скучают бездомовные люди, тут же гуляет скот. Заброшенная площадь представляет унылую картину.

Насколько можно судить по сохранившимся датам на плитах, кладбище заселялось со второй половины XVII до начала XVIII века.

В прошлом веке, когда еще не было Марьиной слободки, а существовала зеленая и тенистая Марьина роща, Лютеранское кладбище было огорожено, и плит на нем находилось гораздо больше, потом их понемногу растаскали первые поселенцы слободки, да и теперь, по-видимому, расхищение продолжается, это видно их подкопов под некоторые плиты.

Когда в Семик Марьина роща, как тогда говорили, была именинница, веселье и разгул смело врывались на заброшенное Немецкое кладбище, могильные плиты превращались в столы, за которыми до глубокой ночи бражничали веселые москвичи, располагаясь тут же и на ночлег, так как уже не в силах были дойти до дому. Впрочем, такую же картину представляло в то время и соседнее православное Лазаревское кладбище.

Многое видели и многое испытали эти насчитывающие не одну сотню лет плиты. Никто их не охранял, напротив, все и шаловливая рука ребенка, бессознательно царапающего надписи камнем, и копыта домашних животных, и непогода — все способствовало их разрушению. Но они выдержали все это и сохранили до нас имена живших за 200 лет тому назад фрау, фрейлейн, полковников, докторов медицины.

Издалека, не рубеже преобразований России, пришли к нам эти люди, неся с собою и высокие заветы западной культуры, и ненужную мишуру. Промелькнула их жизнь, как бессловесный выход статистов на сцене, и закончилась, замерла в сугробах суровой страны, над которой только что стала заниматься предрассветная заря.

Быть может, среди этих полковников, фрау и фрейлейн были замечательные люди, у которых многому хорошему научились наши предки. Несомненно, они были, но полустертые надписи на жалких остатках плит ничего не рассказывают о них.

Таким достойным памяти потомства иноземцем, погребенным на этом кладбище, был Эрнст Глюк, но ни на одном из уцелевших камней нет его имени.

Мариенбургский пастор, одержимый идеей просвещения темных масс, Эрнст Глюк при взятии Мариенбурга в 1702 году попал в плен и был доставлен в Москву. Петр I сразу оценил, какую пользу может принести темной России этот ученый пастор, и приказал под его наблюдением открыть первую в Москве гимназию для детей разночинцев. Гимназия была открыта на Покровке, близ церкви Николы в столпах. Этот первый директор русской гимназии, положивший в основу новой школы гуманистическую программу, прожил в России недолго и умер в 1705 году, а без него суровыми условиями еще стойких дореформенных порядков скоро была задавлена неокрепшая молодая школа.

В семействе пастора Глюка выросла Марта Скавронская, понравившаяся Петру I и сделавшаяся из простой неизвестной иноземки русской императрицей Екатериной I.

По форме почти все плиты этого древнего кладбища на вид одинаковы. Продолговатые, массивные, из тесаного белого камня, они несколько расширяются в верхнем конце. Все надписи, в большинстве на немецком языке, врезаны глубоко в камень и потому даже через сотни лет

могут быть прочитаны без особого труда. Несколько надписей сделаны по-латыни и одна по-славянски. Только на редких плитах есть скромный орнамент. Часть плит треснули сверху вниз, часть поперек и развалились на две части, много отколотых кусков.

Надписи на латинском языке лаконичны, на немецком приведены длинные тексты. Как на образец первого рода можно указать на наиболее сохранившуюся, почти свежую надпись; по датам это одна из позднейших:

Franciscus Kranke
doctor medicinae
natus
MDCCXXIX IX April
obut
MDCCLIX XX........

Если Лютеранское кладбище в Марьиной слободке будет находиться в таком же состоянии, то скоро от него не останется и следа. А хотелось бы сохранить эти древние плиты, как памятники старины, таких нигде нет на московских кладбищах. Не мешало был скопировать и эпитафии, быть может, окажутся известные имена. А пока придется отнести к древнему кладбищу грубоватые стихи Жуковского:

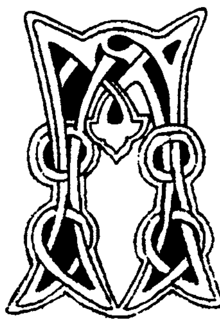
Забвенье здесь со смехом говорит:
Они мои. Я их пожрало.
Воспоминанье здесь оковы разорвало.

Плита с кладбища

ПЯТНИЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

ятницкое кладбище удобно соединено с городом трамваем, останавливающемуся у Крестовских водонапорных башен. За ними надо только пройти мост через линию Николаевской железной дороги и спуститься вниз, где в ограде устроена боковая калитка.

Кладбище не может похвалиться благоустройством. Расположено оно в какой-то мрачной низине, заросшей лиственными породами и густою травою. Дорожки неровны, вымощены кирпичом, узки и неудобны для ходьбы. К некоторым памятникам невозможно подойти — так много здесь всяких оград и решеток. Часто попадаются даже двойные ограды: памятник окружен небольшой решеткой, а та заключена в более обширную ограду.

Недалеко за кладбищем, через огороды, видна Сокольничья роща, а близ церкви торчат безобразные вышки и трубы заводов, отравляющих воздух зловонием.

Как ни удобно сообщение, а Пятницкое кладбище посещается слабо. Между тем здесь есть могилы таких людей, к которым должны быть отнесены слова Некрасова:

Вам же не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Но это будет, если только будет, в то гадательно отдаленное будущее, когда наш народ

Белинского и Гоголя
С базара понесет.

А пока не только лапти народные, но и городские сапоги не проторили тропы на Пятницкое кладбище, где погребены Т. Н. Грановский, И. З. Суриков, М. С. Щепкин, А. И. Урусов.

От калитки к церкви, среди новых могил, идет Оранжерейная дорожка. На ней справа, на краю, свежая могила с желтым дубовым крестом, увешанным венками. Здесь погребен Аркадий Андреевич Соснинцкий [1], род. 1 августа 1845 г., ум. 7 апреля 1916 г., — старейший московский педагог, отличавшийся преданностью своему делу, большою гуманностью и мягким, доверчивым отношением к учащейся молодежи. Он оставил после себя несколько литературных трудов и сборников.

Свернув с Оранжерейной дорожки направо и пройдя по одной из боковых тропинок на самый край кладбища, к сторожке, увидим высокий обелиск из красноватого гранита. Это могила Т. Н. Грановского [2].

Обелиск стоит в центре обширной ограды, заключившей в общий кружок могилы людей, состоявших и при жизни членами "кружка Грановского" или близких к нему. Тут нашли последний приют Н. Х. Кетчер, Ф. Е. Корш, М. С. Щепкин.

На обелиске надписи:

Тимофею Николаевичу
ГРАНОВСКОМУ
10 мар., 1813 — 4 окт. 1855.
студенты
Московского университета

С другой стороны:

Елизавета Богдановна
ГРАНОВСКАЯ
11 декаб. 1824 — 19 апр. 1857

Человек незнатного рода, вышедший из провинциальной чиновничьей семьи, Грановский сделал великий вклад в историю родного просвещения, был апостолом гуманности в тяжелые для русского общества времена.

В пьесе "Межвежья охота" Некрасов посвятил ему такие строки:

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ, чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты все познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее. Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...
Да, славной смертью, смертью роковой
Грановский умер...

Публичные лекции Грановского по истории средних веков собирали в Московский университет огромную аудиторию. На этих лекциях воспитывались широкие слои общества, не только одно студенчество. На кафедре Грановский никогда не читал, а всегда импровизировал. Как мыслитель и художник, он увлекал слушателей, очаровывал их.

"На последней лекции, — рассказывает Герцен, — аудитория была битком набита. Когда он в заключение стал говорить о славянском мире, какой-то трепет пробежал по аудитории, слезы были у всех на глазах и лица облагородились. Наконец он встал и начал благодарить слушателей — просто, светлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазах, щеки горели, он дрожал: "Благодарю тех, — так кончил он, — которые с симпатией слуша-

ли меня и разделяя добросовестность моих ученых убеждений, благодарю и тех, которые, не разделяли их, с открытым челом, прямо и благородно высказывали мне свою противоположность. Еще раз благодарю вас". После заключительных слов Грановского вся аудитория поднялась с восторженными рукоплесканиями, раздались крики: браво, прекрасно; треск, шум; дамы махали платками, другие бросились к кафедре, жали руки преподавателю, требовали его портрета. Он хотел уйти из аудитории, но толпа преградила путь ему. Он стоял бледный, сложа руки и склоня голову, хотел произнести несколько слов и не мог".

Грановский умер... По воспоминаниям слависта Бодянского,"ничья смерть так сильно не поражала университета с незапамятного времени, как смерть его: все без исключения были под гнетом ее; с утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись. Только на третий день вынесли его в университетскую церковь. Торжественность была полная, но и того полнее была она на следующий день, когда хоронили. После обедни, совершенной ректором семинарии Леонидом, и панихиды, профессора историко-филологического факультета, при помощи некоторых из других факультетов, а также и самого попечителя (Назимова) вынесли гроб его из церкви до сенных дверей и сдали студентам, которые понесли его гроб на своих руках через весь город на Пятницкое кладбище, расстоянием верст шесть. Путь был усыпан цветами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала таких похорон, давно она никого так славно, так единодушно не чтила".

"Каждому понятно,— писал преемник Грановского профессор П. Н. Кудрявцев,— в нем свое, кто не может довольно наговориться о его профессорской деятельности; кто с особенной любовью вспоминает его задушевную беседу в тесном дружеском кругу; кто задумывается над чувствительною потерею, которую понесло в нем целое общество; кто, наконец, оплакивает в нем просто человека, которого нельзя было не любить, зная его лично. Любили же его все мы — друзья, товарищи и ученики разных возрастов и поколений, и потому все мы охотно присоединяем наши голоса к счастливому напоминанию о нем стихом древнего поэта, которое как будто само собою сказалось во время застольной беседы, бывшей после погребения, у одного из присутствовавших,так оно шло к покойному Грановскому:

Quis desiderio sid pudor, aut modus
Tam cari capitis?" *

Огарев, посетивший свежую могилу Грановского, написал прекрасные стихи:

То было осенью унылой...
Средь урн надгробных и камней
Свежа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали —
Рукой твоих учеников
На ней рассыпаны лежали
Венки из листьев и цветов.
Над ней, суровым дням послушна,
Кладбища сторож вековой,
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И речка, берег омывая,
Волной бесследною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая,
Вдоль несмолкаемой стези...

Прошло больше полвека, высох ручей, воспетый Огаревым, от сосны остался только один голый остов. Могила содержится прекрасно, но что-то сухое современное чувствуется в этом уголке. Это не забвение, нет... Но... придут ли сюда лапти народные?..

Подруга Грановского при жизни, Елизавета Богдановна, тесно соединившаяся с ним и после смерти, была сестрою профессора Мюльгаузена. "Высокая, гнущаяся, как ветка, молчаливая, влюбленная и счастливая", она пережила своего друга только двумя годами.

"Без Лизы,— писал ей Грановский в 1849 г.,— мне незачем было бы жить. Лиза моя, право, без тебя не стоило бы жить на свете. A la longue я начинаю догадываться, что я слишком рано или поздно родился. Мне нечего делать на этом свете. Я люблю жизнь только потому, что встретил тебя. Без тебя я не любил бы жизни и равнодушно простился бы с нею".

---

* Гораций. Какая мера или стыд может быть скорби по столь милой главе? — *Примеч. А. Т. Саладина.*

На могиле Кетчера[3] стоит серый полированный камень, с белым крестом и надписью:

Николай Христофорович
КЕТЧЕР.
Родился в 1806 году.
Скончался 12 октября 1886 г.

Врач по профессии, вечный студент по нраву, всему своему облику внешнему и внутреннему, он переводил Шекспира, увлекался Шиллером, всю жизнь был мечтателем.

Герцен окрестил его "Робинзоном в Сокольниках", где он "утром копался в саду, сажал и пересаживал цветы и кусты, даром лечил бедных людей в околотке, правил корректуру "Разбойников" и "Фиаски" и вместо молитв на сон грядущий читал речи Марата и Робеспьера".

Герцен относился к Кетчеру с теплым чувством, но всегда шаржировал эту оригинальную личность:

"Вот высокий молодой человек, с лицом последнего могикана; он сел на маленький стол (парни тотчас же подломили ножки жизни этого стола), стенторский голос его, как Нил при втечении в Средиземное море, далеко вдается в общий гул, не потеряв своей самобытности. Это упсальский барон, он живет в двух шагах от природы, в Преображенском. Там у него есть и сад, и домик, у которого дверь не имеет замка. В этом доме барон прячется и вдруг, как минотавр или татары, набегает на Москву неотразимый и нежданный, собирает книги и тетради и исчезает. Он похож и на bon homme patience Жорж Занд, и на самого Карла Санда, если хотите, а всего более на террориста. Он как-то гильотинно умеет двигать бровями. Барон начал свою жизнь переводами Шиллера, а кончил переводом на жизнь одного из лиц, которые Шиллер так любил набрасывать, в которых нет ни одного эгоистического желания, ни одной черной мысли, но которых сердце бьется для всего человечества и для всего благородного и которые никогда не выйдут из своей односторонности, как exemples gratia Менцеля".

И. С. Тургенев написал на Кетчера шутливую эпиграмму:

Вот еще светило мира.
Кетчер, друг шипучих вин;

Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.

На могиле Е. Ф. Корша 4 поставлен небольшой серый памятник с надписью:

Евгений Федорович
КОРШ
27 декабря 1810.
6 октября 1897.

Занимая официальное место библиотекаря Румянцевского музея, Е. Ф. Корш много времени отдавал литературе, сотрудничал в "Московских Ведомостях", издавал журнал "Атеней", перевел несколько капитальных произведений по истории искусств и литературы.

В самом углу обширной ограды "места Грановского" скромно приютился черный волнистый камень с надписью:

Михаилу Семеновичу
ЩЕПКИНУ.
артисту и человеку.

Родился 6 ноября 1788 г.
Умер 11 августа 1863 г. [5]

Гениальный актер, отец русского сценического реализма, был близким человеком Грановскому и завещал похоронить себя рядом с ним.

Щепкин происходил из крепостных помещика Курской губернии гр. Волькенштейна. Образование получил только в губернском училище, но исключительный природный талант поставил его в ряд с лучшими представителями современных ему науки и искусства. Щепкин глубоко ценил это общество и приписывал ему свои заслуги.

"Все, что вы находите во мне достойным какой-либо оценки, — сказал он перед отъездом за границу в 1852 г., — все это принадлежит Москве, т. е. тому избранному высокообразованному обществу, умеющему глубоко понимать искусство, которым Москва всегда была богата. Это общество, при самом моем появлении на московской сцене, приняло меня в свой круг. В этом кругу было все,

и литераторы, и поэты, и преподаватели Московского университета; тридцать лет находился в в этом кругу. Правда, я не сидел на скамьях студентов, но с гордостью скажу, что я много обязан Московскому университету в лице его преподавателей; одни научили меня мыслить, другие — глубоко понимать искусство. Беседы об искусстве собственно для меня не умолкали, и я с глубочайшим вниманием вслушивался в них".

Традиции Щепкина в русском театре живут и доныне, а Малый театр, стены которого видели его в коронных ролях Фамусова и Городничего, недаром называют "Домом Щепкина".

Недалеко от "места Грановского", прижавших к углу кладбищенской сторожки, находится могила талантливого народного поэта И. З. Сурикова [6].

Небольшой серый камень с крестом окружен бедной железной решеткой. С одной стороны на камне надпись:

Поэт-крестьянин
Иван Захарович
СУРИКОВ
родился 25 марта 1841 года
скончался 24 апреля 1880 года

С другой — стихи:

Мы родились для страданий,
Но душой в борьбе не пали:
В темной чаще испытаний
Наши песни мы слагали.

В этих песнях миллионы
Мук душевных мы считаем,
Наши песни, наши стоны
Мы счастливым завещаем.

Суриков родился в крестьянской семье, в Ярославской губернии. С 9 лет был взят отцом в Москву, где у того была мелкая торговля. Вся жизнь Сурикова прошла в тяжелом труде, и даже перед самой смертью, в злой чахотке, он должен был сидеть в своей лавчонке на Миусской площади, чтобы продажею угля и старого железа поддерживать жалкое существование. Сам поэт так отзывается о своей

жизни: "Жизнь моя сложилась гадко, то был гнет отца, то гнет нужды". Думал Суриков издавать журнал, открыть библиотеку, но денег не было; удалось ему только объединить кружок писателей из народа, да и тогда против него началась травля, генералы от литературы не признавали это явление за серьезное. К ним обращается поэт с упреком —

Наше сердце полно было
К человечеству любовью;
Но от мук оно изныло,
Изошло от боли кровью...

Честны были в нас стремленья,
Чисты были мы душою,
Так за что ж кидать каменья
В нас, измученных борьбою...

Песни Сурикова вошли в народ. С особенным чувством поются две:

Эх ты доля, моя доля,
Доля бедняка,
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька.

Сиротой я росла,
Как былинки в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.
Я с тринадцати лет
По людям ходила,
Где качала детей,
Где коров доила...

Часто поется также "У могилы матери" —

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой,
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской...

Могила матери Сурикова, Феклы Кондратьевны, тут же. На ней красный рыночный камень, надпись почти стерлась.

Дорожки, на которых находятся могилы Грановского и Сурикова, носят их имена.

Немного не доходя до церкви, направо, в глубь кладбища к большой каменной часовне ведет Ростопчинская дорожка.

За часовней, под защитной кровлей, находятся могилы фамилий Ростопчиных, почти все с низкими черными плитами, без всяких украшений.

Такая же плита лежит на могиле графа Ф. В. Ростопчина, главноначальствующего Москвы в тяжелый 1812 год. На плите надпись:

Федор Васильевич
Граф РОСТОПЧИН
обер-камергер.
Родился 1765 года
Марта 12 дня
скончался 1826 года
Генваря 18 дня.
Посреди своих детей
Покоюсь от людей [7].

Любимец Павла I, любезно названный Екатериною II "сумасшедшим Федькою", Ростопчин больше известен по эпохе Александра I, как патриот, не задумавшийся на благо России сжечь Москву, впрочем, по этому поводу идут бесконечные споры.

Ростопчин, как литератор, почти неизвестен, если не считать его знаменитых афиш к народу. Но он заслуживает внимания и с этой стороны. Его записки о путешествии по Пруссии показывают в авторе недюжинного наблюдателя и мыслителя. Посетив Сан-Суси во время смерти Фридриха Великого, Ростопчин записал: "На дороге все осталось в тишине. Крестьяне работали; дети в селениях играли; скотина ходила спокойно в поле. Что было более Великого Фридриха на свете? Бытие его пресеклось, но нимало вокруг его не нарушило порядка дневного. Сколь мало существо человека! Землетрясение, гром, дождь, вихрь приводят все в беспорядок, а смерть Великого Фридриха ничего не расстроила".

В 1807 году Ростопчин написал "Мысли вслух на Красном крыльце", быстро разошедшиеся в 7000 экземплярах, — редкий тираж в то время. В "Мыслях" Сила Андреевич Богатырев — идеал русского человека —

рассуждает о французах с большим негодованием. Интересно, что Ростопчин не любил французов инстинктивно, еще задолго до 1812 года. “Что понаделали в эти двадцать лет! все истребили, пожгли, разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца. Головы рубили, как капусту: все повелевали; то тот, то другой злодей”. Так рассуждал на Красном крыльце ростопчинский Сила Андреевич...

Двухстрочная эпитафия на плите сочинена самим Ростопчиным, любившим такие коротенькие посвящения самому себе, например на портрете —

Он в Москве родился
И ей пригодился.

С отрицательной ли, с положительной ли стороны относиться к личности графа Ростопчина, все же надо согласиться в Пушкиным, что —

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.

Тут же и под такою же черною плитою погребена поэтесса —

Графиня
Евдокия Петровна
РОСТОПЧИНА
Род. 1811-го года декабря 23-го дня
Сконч. 1858-го года декабря 3-го дня [8].

Муза графини, по оценке Белинского, отличалась наклонностью к рассуждениям и светскости, к служению “богу салонов”. Но публике почему-то больше были известны ее не лирические, а официальные излияния казенного патриотизма, навсегда отодвинувшие от нее симпатии прогрессивной части общества.

Женщина должна быть женщиной, ее культ — любовь и красота, так пела муза Ростопчиной.

Мы посредницы меж божеством и светом,
Нам цель — творить добро, нам весело любить,

И женщина, любовь отвергнувши обетом,
Не вправе более сестрою нашей быть!

Странно прозвучали бы в наши дни обращения поэтессы к самой себе:

А я, женщина во всем значеньи слова,
Всем женским склонностям покорна я вполне;
Я только женщина... гордиться тем готова
Я бал люблю!.. отдайте балы мне!..

Но кончились балы... Слетела радужная пыль с крыльев красивой бабочки... Кто помнит о ней под этой тяжелой плитой на угрюмом кладбище? Она забыта...

Недалеко от "места Ростопчиных", почти рядом с часовней, на Соколовской дорожке, могила другой русской женщины, иначе смотревшей на жизнь и... тоже забытой.

За решеткой стоят два деревянных белых креста. На одном из них надпись:

Спи спокойно
моя родная.
Писательница
Александра Ивановна Соколова [9].
Скончалась в Петербурге 10 февраля 1914 года.

Соколова родилась в 1836 году, в семье богатых помещиков Рязанской губернии Денисьевых. Образование получила в Смольном институте. Увлеклась и вышла замуж за простого человека. Муж рано умер, и смольнянке, променявшей большой свет на трудовую жизнь, пришлось вынести на себе одной все заботы о семействе. Литературный талант помог ей в этом. Она сотрудничала в "Московских Ведомостях" Каткова, "Русских Ведомостях" Скворцова, "Современных известиях" Гилярова-Платонова. Нужда загнала ее в мелкую прессу; ее псевдонимы "Синее домино", "помещица Анфиса Чубукова" появились в "Московском листке" Пастухова и "Новостях Дня" Липскерова. В 1875-1876 годах Соколова издавала "Русский листок", иногда целиком заполняя всю газету за передовика, фельетониста, рецензента и корреспондента. Работала в петроградской прессе; некоторые романы ее вышли отдельными изданиями, например, "Москва конца

века", "На смену былому", "Бездна", "Без следа" и др. В последние годы писала мемуары.

Старший сын Соколовой, известный публицист В. М. Дорошевич, выросший по некоторым обстоятельствам не с матерью, в № 34 "Русского слова" за 1914 год так обрисовал ее облик:

"По-французски, на старом французском "языке Корнеля и Расина", она даже сыну говорила "вы". Какой-то странной старинной музыкой звучала эта гармония русского "ты" и французского "вы".

И старым, давно отжитым, умершим временем веяло от этой "старой барыни", сохранившей все причудливые особенности старого барства и проработавшей, протрудившейся всю свою жизнь.

— Вот и напишите когда-нибудь, — улыбаясь, говорила она, — как в России умеют работать даже барыни. А говорят, — страна лентяев.

Действительно силы и характеры встречаются среди русских женщин!

В первые дни Рождества, мучительно, невыносимо страдая от прохождения желчных камней, покойная работала над окончанием своего фельетона-романа. Потому что его надо было окончить в газете к Новому году. И не допускала мысли, чтобы кто-нибудь из литературных друзей окончил за нее, полуумирающую.

"Мне кажется, что эта вещь мне удалась. Другой испортит."

Она скончалась семидесяти восьми лет от роду, а в февральской книжке "Исторического вестника", — за девять дней до ее кончины, — появились еще ее "Воспоминания смольнянки".

Спокойно и ясно она:

— Уходила.

Так она, любившая красиво мыслить и красиво говорить, называла смерть.

И просила:

— Напишите только: она ушла из жизни очень, очень усталая".

Позади церкви, на перекрестке Московской и Ростопчинской дорожек, погребен князь А. И. Урусов [10]. На его могиле — высокий крест из черного полированного мрамора, окруженный массивной чугунной решеткой. На кресте надпись:

Присяжный поверенный
князь
Александр Иванович
УРУСОВ.
Родился 2 апреля 1843 г.
Скончался 16 июля 1900 г.

На заре русской адвокатуры, когда в первый раз прозвучали смелые слова представителей общественной совести, Урусов занимал одно из первых мест. Впервые он обратил на себя внимание в 1867 году, защищая Волохову, обвинявшуюся в убийстве своего мужа.

"Им овладело,— вспоминает А. Ф. Кони,вдохновение судебной борьбы, развитое и обостренное убеждением в правоте дела. Умное, но некрасивое лицо его, с широким носом, засветилось внутреннею красотою, а сознание своей личной силы и влияния на слушателей окрылили Урусова, и речь его летела, ширясь, развиваясь и блистая яркими вспышками находчивости и остроумия, публика довольно долго сидела тихо и молчаливо, как будто зачарованная".

Но для таких деятелей скоро стал вреден столичный воздух, и Урусова выслали в небольшой город Лифляндской губернии Венден, где он и должен был прозябать в несвойственной ему среде. Из Вендена его перевели в Варшаву товарищем прокурора, но и там для его таланта было слишком тесно. "Условия моей жизни, — жаловался Урусов в одном частном письме,— могут быть формулированы словами: болезнь, бездомовность, порабощение способностей и — нужда".

Богато одаренная натура Урусова предохраняла его от заключения в узкие рамки специальности. Он интересовался литературой и искусством, сотрудничал в периодической печати, собирал редкие книги, картины, вокруг него группировался кружок писателей, артистов, художников. Урусову принадлежит наделавший много шума афоризм: "Армия без дисциплины — есть опасное для общества скопище вооруженных людей".

Вблизи церкви, с левой стороны, на 3-й Садовской дорожке, находятся могилы артистов П. М. Садовского и М. П. Садовского. За простой железной оградой, под огромным тополем, на могиле П. М. Садовского стоит большой крест черного мрамора на постаменте с надписью:

Пров Михайлович
САДОВСКИЙ
Скончался 16 июля 1872 г. [11]

На могиле М. П. Садовского — деревянный крест с надписью:

Михаил Провович
САДОВСКИЙ
родился 12 ноября 1847 г.
скончался 26 июля 1910 г. [12]

Пров Михайлович Садовский не получил общего образования, своей славе он обязан исключительно выдающемуся таланту. Его игра была стихийна, никакой художественной обработки он не допускал и играл по вдохновению. Вне сцены Пров Михайлович держал себя простым мещанином, ходил в длиннополом сюртуке, в высоких сапогах, совершенно не признавал крахмального белья. Однажды, по желанию Александра III, Пров Михайлович прочитал ему роль Любима Торцова, и государь с глубоким чувством сказал артисту: "Я вижу перед собой, как живого, этого несчастного бродягу с возвышенной и чистой душой".

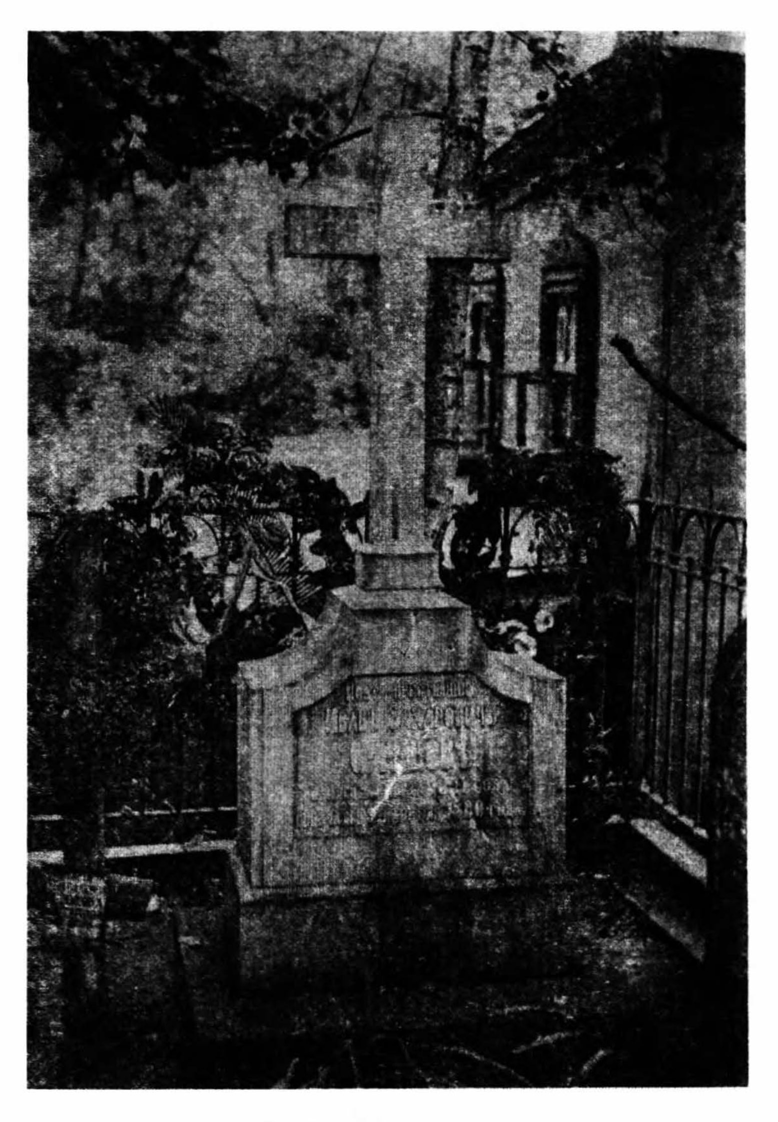
Михаил Провович Садовский, тоже талантливый актер, известен и как переводчик, он перевел "Севильского цирюльника" Бомарше, "Федру" Расина, "Эдипа" Софокла и др.

Следует еще отметить любопытную могилу на крайней Вельтищевской дорожке, налево за могилами Садовских. Здесь на самом видном месте возвышается большой черный обелиск, такой же, как у Грановского, с бронзовым барельефным медальоном. История этой могилы написана на самом обелиске: "Здесь погребена голова инженера путей сообщения Бориса Алексеевича Верховского, казненного китайцами-боксерами в Маньчжурии в городе Ляояне, в июле 1900 г., останки привезены в Россию в 1901 году" [13].

Сколько-нибудь выдающихся в художественном отношении надгробий на Пятницком кладбище не заметно. Следует посмотреть разве только красивую чугунную колонаду на Ростопчинской дорожке, недалеко от церкви. Колоннада около 1 сажен высотою, с урной внутри ее, служит надгробием П. А. Мансуровой, ум. в 1849 году [14].

Могила М.С. Щепкина

Могила И.З. Сурикова

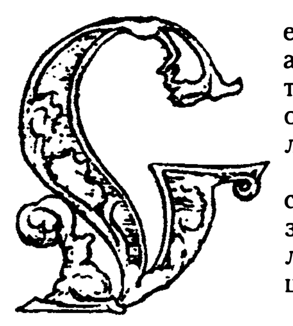

Могила П.М. и М.П. Садовских

Могила Б.А. Верховского

КЛАДБИЩЕ В ЧЕРКИЗОВЕ

ело Черкизово было прежде патриаршей загородной резиденцией, но теперь оно, начинаясь от самой Преображенской заставы, совсем слилось с городом.

Около версты от заставы, с левой стороны, блестит большой пруд, а за ним на холме, рядом с митрополичьим поместьем, стоит небольшая церковь.

Вокруг этой приходской церкви расположилось маленькое кладбище, весьма интересное, как пережиток того времени, когда в Москве около каждой приходской церкви было свое кладбище. Религиозные прихожане тесно связывали свою жизнь со своей приходской церковью. В ней таинством крещения начинался их длинный путь жизни, к ней прибегали они усталые за подкреплением и около ее стен ложились на вечный отдых и покой.

Родные и знакомые, посещая церковь каждый праздник, заглядывали на могилки, а духовенству было близко и удобно служить панихиды. Да и самая церковная служба, казалось, доходила до покойников. Наверное, они слышали то грустный унылый перезвон в великий пост, то торжественный ликующий трезвон на светлую Пасху.

Велика была любовь к приходской церкви, и даже указ Великого преобразователя не в состоянии был сразу отменить погребение у приходских церквей.

В 1771 году, во время чумы, категорическое запрещение архиепископа Амвросия было одною из главных причин бунта народа и убийства самого архиепископа.

Черкизовское кладбище представляет еще интерес од-

ною из первых могил направо при входе в ограду. Здесь два креста под защитной кровлей, на опрятных, покрытых живыми цветами холмиках.

Литая дощечка на простом желтом кресте показывает, что здесь погребен "Иван Яковлевич КОРЕЙША, родился 1783 г. 8 сент., скончался 1861 г. 6 сент. в Московской Преображенской больнице".

В свое время слава об Иване Яковлевиче, московском пророке и чудотворце, гремела далеко за пределами Москвы. Пророчества Ивана Яковлевича как-то всегда сбывались. В Москве он около 50 лет прожил в Преображенской психиатрической больнице, где у него была своя отдельная комната. Стены ее были уставлены иконами, стоял большой подсвечник, на котором приходящие ставили свечи.

Сам Иван Яковлевич почти всегда лежал в постели, тут же ел и совершал все отправления. Ел все руками, как супы, так и твердое, не признавая ни ложек, ни вилок. Трудно, конечно, при этом соблюсти опрятность, но он был особенно не опрятен.

От приходящих принимал в подарок только калачи, яблоки и нюхательный табак, раздавая все это посетителям, находившим, что табак помогает от наружных болезней, а калачи и яблоки — от внутренних.

Врачующую силу Иван Яковлевич передавал самыми курьезными способами: обливал и обмазывал разными мерзостями, раздирал платье, дрался и ругался, смешивал из остатков своего обеда какую-то бурду и кормил ею с своего грязного пальца посетителей, которые с благоговением все это глотали. Как тип юродивого прорицателя, Иван Яковлевич использован и в литературе, например, Семен Яковлевич в "Бесах" Достоевского*. Так или

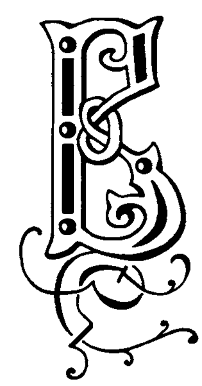
---

* В "Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского" ("Академический проект", СПб, 1994, т. 2, с. 336) читаем: "Января 1873 г. после 15. Статья С. С. Шашкова о "Гражданине", посланная В. С. Курочкину для публикации в "Искре" (не напечатана), содержит ряд расхожих выпадов против Достоевского как автора "Дневника писателя": "Дебютировал в роли преемника покойного Ивана Яковлевича Корейши, анафемствуя Белинского, доказывая нравственную спасительность каторги, нападая на русских присяжных, сочиняя панегирик своему патрону, князю Мещерскому, и называя свиньями всех его противников. До какой степени расстроено умственное хозяйство г. Достоевского, можно видеть уже из одного того, что он считает роман "Кто виноват?" произведением г. Чернышевского. Редакторская деятельность г. Достоевского повела за собою окончательное нравственное слияние "Гражданина" с "Домашней беседой". — *Примеч. ред.*

иначе, он оставил о себе память, и пройти молчанием крикливое явление юродчества, считавшегося каким-то посланием свыше, было бы нельзя.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ

1771 году, во время чумы, старообрядцы-федосеевцы просили правительство разрешить устроить карантинный дом с кладбищем. Им отвели для этого землю за Хапиловским прудом, близ Преображенской заставы. Так возникло старообрядческое Преображенское кладбище. В то же время и при таких же условиях основано и другое старообрядческое кладбище в Москве — Рогожское.

Под умелым руководством энергичного и умного наставника федосеевцев Ильи Алексеевича Ковылина Преображенское кладбище быстро застроилось и скоро превратилось в огромную Преображенскую общину. Теперь в целом Преображенское кладбище состоит из обширных богаделен со своими храмами, Никольского единоверческого монастыря, отобранного у федосеевцев в середине прошлого века. Богадельни и монастырь заключены в свои отдельные каменные стены, а между ними расположилось кладбище.

Вход на кладбище — со стороны Кладбищенского переулка.

При входе налево, в ограде богаделенных домов, следует посмотреть входные ворота, перенесенные Ковылиным из Измайловской царской вотчины. Ворота представляют ценный памятник декоративного искусства "каменной рези", относящийся к концу XVII века. От времени резьба отчасти стерлась, отчасти засорилась, но рельеф все еще богат светотенями.

Кладбище распланировано длинными продольными березовыми аллеями, поперечных дорожек нет, да они и не нужны, так как могилы расположены по две в ряд и

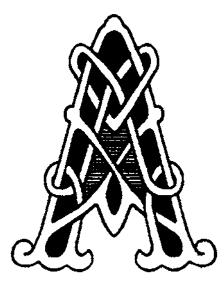
каждая выходит на одну из продольных дорожек. Это — очень удобная и редкая в Москве распланировка кладбищ.

Свежая зелень берез и простор придают кладбищу приветливый вид, а свободные полянки, на которых еще косят сено, напоминают о деревне, ею и была еще не так давно эта отдаленная окраина Москвы, на берегу Хапиловского пруда.

Надгробные памятники здесь все скромны и однотипны, в форме обычных старообрядческих гробниц или восьмиконечных крестов. Выделяются только две часовни-усыпальницы: одна, без всяких надписей, в начале кладбища, другая в конце его — на краю. Последняя принадлежит известному фабриканту Викулу Елисеевичу Морозову (ум. 1894 г.). Это величественная и красивая часовня с волютами, беломраморными крестами, врезанными в стены, с бронзовыми украшениями [1].

КЛАДБИЩЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

лексеевский монастырь раньше находился у Пречистенских ворот и был перенесен в Красное село, на Красносельскую улицу, в 1837 году, для освобождения места под постройку храма Христа Спасителя. Поэтому обширное и богатое монастырское кладбище совсем не имеет старых могильных памятников. Все кладбище, исключая небольшие участки близ церкви, разрезано многочисленными дорожками на длинные ленты, так что почти каждая могила оказывается на краю какой-либо дорожки.

Ни на одном из московских кладбищ не ласкает глаз такое обилие цветов, как на Алексеевском. Несмотря на недавнее сравнительно происхождение, кладбище заселено очень плотно, могильные памятники тесно жмутся друг к другу, и только в самом конце, за кладбищенской церковью, есть еще небольшие клочки свободной земли.

На кладбище Алексеевского монастыря погребено много денежной аристократии, здесь повсюду попадаются фамилии Перловых, Ланиных, Шустовых, Оловянишниковых, Абрикосовых и др. представителей торгово-промышленного мира, много военных, есть литераторы, художники, ученые.

За второй церковью, налево, находится огромный бронзовый крест с распятием в натуральную величину, утвержденный на бронзовой же скале. Надпись короткая:

Михаил
Никифорович
КАТКОВ
1818 – 1887.

Под этим крестом погребен публицист и ученый, вышедший на литературную дорогу рука об руку с Белинским и окончивший путь с счастливым убеждением, что "печать в России и, быть может, только в России, находится в условиях, дозволяющих ей достигать чистой независимости". Demortius aut bene, au nihil — достаточно будет сказать лишь, что Катков издавал "Московские Ведомости", мнения которых принимались в соображение официальными кругами, покровительство которых обеспечивало успех в жизни, что Катков усердно насаждал в России классическое образование. За церковью, немного влево, с краю дорожки, — черный крест с надписью:

Александр Александрович
ШАХОВ
род. 20 января 1850.
сконч. 5 ноября 1877.

Молодой приват-доцент по кафедре истории всеобщей литературы оставил после себя сочинения: "Французская литература в первые годы XIX в.", "Гете и его время", "Очерки литературного движения в первую половину XIX в." и пр.

В этой же части кладбища, немного пройдя за могилу Каткова, на краю дорожки, там, где собрались богатые усыпальницы-часовни, находится могила А. Я. Кожевникова, профессора специальной патологии и терапии при Московском университете. На его могиле большой крест белого мрамора, окруженный цепями на гранитных столбиках. Рельефная надпись окаймлена дубовыми листьями, перевитыми змеями:

Профессор
Алексей Яковлевич
КОЖЕВНИКОВ
род. 5 марта 1836 г.
сконч. 10 янв. 1902 г.

Сзади Кожевникова — красивая часовня над могилой основателя Московского городского народного университета А. Л. Шанявского. Надпись находится внутри часовни:

Генерального штаба

генерал-майор
Альфонс Леонович
ШАНЯВСКИЙ
родился 9/21 февраля 1837 г.
скончался 7/20 ноября 1905 г.

В № 256 "Русских Ведомостей" за 1915 год памяти А. Л. Шанявского посвящена статья Н. Сперанского, тепло рисующая личность этого больного, доживавшего последние дни идеалиста 60-х годов.

"Прекрасный закат жизни. А. Л. давно готовился с ней расстаться. Он знал, что при тяжелой сердечной болезни, которой он страдал, он может умереть каждую минуту. Поэтому он заключил все свои жизненные счеты и дал уже посмертное общественное назначение тем крупным средствам, которыми распоряжался. В книге его земного существования казалась дописанной последняя страница. Но поднялось освободительное движение, и под его дыханием А. Л. снова почувствовал себя жильцом на этом свете, способным к новому общественному служению. Та редкая энергия, которой он раньше отличался, вспыхнула в нем опять с молодой силой. Идею свободной высшей школы он, правда, давно в душе своей лелеял, однако, лишь на правах мечты, не облекая ее ни в какие осязательные формы, ввиду преград, которые старый порядок ставил всякой попытке ее осуществления. И вот, когда почувствовалось веяние свободы, А. Л. не стал печалиться, что для него оно явилось слишком поздно. Сознание близости кончины для него было лишь побуждением к тому, чтобы вести работу самым горячим темпом, и длинный переход от платонической мечты до определенного конкретного проекта был совершен с поразительной быстротой. Ее едва хватило. Последний шаг для обеспечения будущего развития своего создания А. Л. сделал всего за несколько часов до прихода смерти. Но в состязании со смертью победа все-таки осталась за ним, и с тихим чувством удовлетворения отошел он в вечность".

Если от алтарной стены второй церкви направиться в глубину кладбища и на третьем повороте свернуть налево, то с трудом, но все же можно отыскать малозаметный 4-гранный столбик черного мрамора с барельефным изображением богоматери на могиле Ф. Ф. Вигеля. На памятнике написано:

Тайный советник
Филипп Филиппович
ВИГЕЛЬ
родился в 1786 году
скончался 20 марта 1856 года.

От благодарных сердец

Покаяние и милосердие ми двери отверзи,
Отче и прими мя в обители твои.

Вигель известен как мемуарист. Его "Воспоминания" много могли бы дать ценного материала, так как он много видел и знает: "Я родился при Екатерине, записан в службу при Павле, действительно и деятельно продолжал оную при Александре и оканчиваю ее при Николае". Но много видевший человек мало уделяет места фактам и портретам, чаще сбиваясь на длинные отвлеченные рассуждения, не представляющие никакого общего интереса. Некоторые современники весьма неодобрительно отзывались о личности Вигеля. Известно, что после напечатания в 1836 году в "Телескопе" "Философического письма" Чаадаева Вигель послал донос митрополиту Серафиму.

В начале кладбища, с правой стороны, на самой крайней дорожке, погребены два типичнейших полицейских преобразователя Москвы — генерал-майор Николай Ильич Огарев (1820-1890), прослуживший полицеймейстером 33 года, и полковник Александр Александрович Власовский, прослуживший обер-полицеймейстером лет на тридцать меньше своего старшего собрата.

Вот отрывок из "Жизни торговой Москвы" И. А. Слонова (Ист. Вестн., XI, 1913). "Это был простой добродушный человек и веселый собеседник. Его высокая типичная фигура с громаднейшими запорожскими усами часто появлялась на страницах юмористических журналов. Среди московского населения он пользовался большой популярностью. Из приказов Огарева особенно был известен следующий: он приказал, чтобы в каждой будке на столе лежала книга, в которой должны расписываться квартальные во время ночных обходов. Но так как в то время на улицах не было такого движения и суеты, как теперь, и вообще нравы были проще, то квартальные обходы делали очень редко, предпочитая им спокойный

сон. Взамен ночных обходов будочники ежедневно утром приносили книги для подписи в околоток. Про эти проделки квартальных узнал Огарев и приказал находящиеся в будках книги припечатать к столам. Но это нисколько не изменило дела. После этого приказа можно было видеть на московских улицах будочников со столами на головах... которые таким образом представляли в околоток столы с припечатанными книгами для подписи начальства".

Власовский распоряжался уже в другие времена и, сделавшись настоящей грозой мелких чинов полиции, дворников, извозчиков, разносчиков, действительно привел было неряшливую Москву в европейский вид, но его сразила Ходынская катастрофа, вскоре после которой он и умер.

Почти в самом центре кладбища стоит небольшой черного мрамора памятник с распятием и надписями:

Сергей Андреевич
и
Прасковья Михайловна
ЮРЬЕВЫ.
— — -
С. А. сконч. 26 декабря 1888 г.
П. М. сконч. 4 декабря 1890 г.

С. А. Юрвев — писатель, поборник "народной правды", основал в 1871 году журнал "Беседа", с 1880 по 1885 год был редактором "Русской Мысли", читал литературу на Московских Высших женских курсах, был председателем общества драматических писателей, переводил Шекспира. Тепло проводили его останки на кладбище:

Старик, мир праху твоему,
Весна в груди твоей дышала,
Она и грела и блистала
Сквозь лет печальную зиму.

"Свобода человека,— говорил С. А.,— есть возможность для него личного самоопределения во имя правды, и право на свободу равносильно праву на то, чтобы быть вполне человеком.

Он рассказывал нам днем и ночью светлые сказки о том, что есть мир добра и правды, что были и есть борцы против

мира зла и неправды, что жили-были и теперь еще живут храбрые паладины добра и бросают эти паладины свои железные перчатки с вызовом колдунам, чародеям и людоедам.

Слушаешь, бывало, эти сказки, в которых, пожалуй, больше правды и смысла, чем во многом из того, что бесспорно существует, слушаешь-слушаешь, да и станут из глубины души подниматься давно заглохшие чувства, слова и мысли тех людей, которых мы потеряли за последние годы, начинают ярче и ярче выступать на нашей памяти. Под обаянием увлекательной речи старого деда звучат лучшие наши душевные струны и все громче и громче гремят в них вечные песни". (Речь кн. Сумбатова).

Подальше — могила известного художника И. М. Прянишникова. На ней большая глыба темного гранита, с высеченными крестом, палитрой и надписью:

1840. 1894.
Художник
Илларион Михайлович
ПРЯНИШНИКОВ
действ. член
Императорской Академии Художеств.

Наиболее знаменитые его картины "Гостиный двор" ("Шутники") и "Порожняки" находятся в Третьяковской галерее. Картина "Гостиный двор", написанная в 1865 году, считалась тогда выдающимся образцом русского жанра. В Третьяковской же галерее находятся и другие его картины, написанные просто, тепло и с большим знанием быта, таковы: "Жестокий романс", "Спасов день", "Чтение письма в овощной лавке", "Жертвенный котел в престольный праздник" и др.

В том же ряду — могила малоизвестного художника Сергея Ивановича Васильева (род. 1865 г., ум. 1897 г.). На ней узорный чугунный крест, окруженный красивой по рисунку оградой.

В этой же части кладбища — черный крест на могиле архитектора Александра Степановича Каминского (род. 1829 г., ум. 1897 г.), строителя Биржи на Ильинке и Софийской детской больницы.

Приблизительно тут же — белый мраморный крест на могиле профессора Московского университета Федора

Алексеевича Слудского (1841-1897) и небольшой белый памятник на могиле академика архитектуры Василия Николаевича Карнеева (ум. 1895).

С самого края левой стороны кладбища, не доходя кладбищенской церкви, погребен профессор Ф. Е. Орлов. На его могиле черный мраморный памятник с белым крестом и надписью:

Профессор
Федор Евплович
ОРЛОВ
1843 – 1892

Орлов известен по кафедре прикладной механики как выдающийся ученый. В Московском университете и Техническом училище он поставил свой предмет на высокую степень совершенства, оборудовал механические кабинеты при этих учебных заведениях. По его инициативе возникло Политехническое Общество, вице-президентом которого он оставался до самой смерти.

Недалеко от кладбищенской церкви, с правой стороны, выделяется огромный черный камень с полированным большим крестом. На камне надпись:

Профессор Московского университета
Михаил Сергеевич
КОРЕЛИН
1855 – 1899

Корелин занимал кафедру всеобщей истории, читал лекции на Высших женских курсах проф. Герье, в Лазаревском институте и др. Его главная работа "Ранний итальянский гуманизм и его историография", за которую он получил степень доктора всеобщей истории, отличается не только научными достоинствами, но и полнотою, выявляя много неизвестного до того времени ценного материала.

Из памятников более или менее ценной в художественном отношении работы заслуживают внимания следующие.

С левой стороны, между первою и второю церковью – усыпальница Карнеевых, с несколькими памятниками, богато украшенными мозаикой и бронзой.

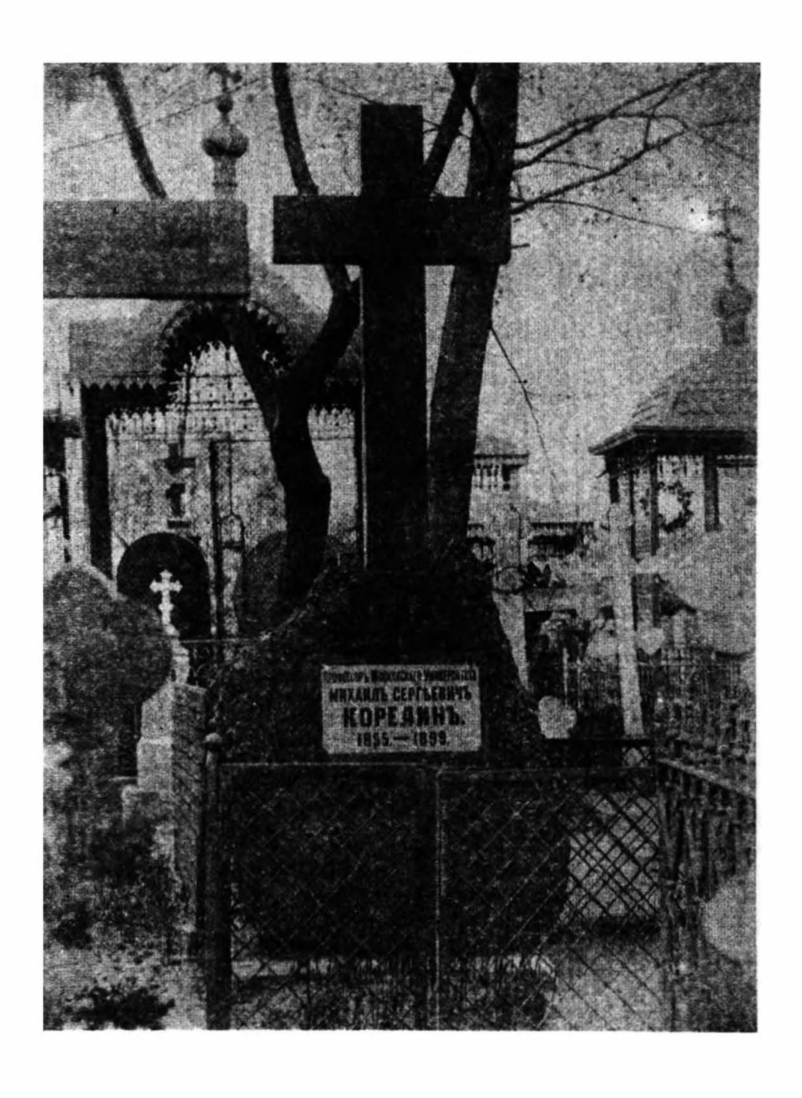
Немного подальше — памятник М. С. Юдину (ум. 1910), в защитной витрине большая группа в натуральную величину из белого мрамора работы A. Eeduzzi, изображающая в свободной трактовке снятие со креста.

За второй церковью налево — памятник С. В. Алексееву (ум. 1893), в мраморной нише прекрасное мозаичное изображение Богоматери.

Немного не доходя до кладбищенской церкви, на широкой центральной дорожке, в открытом готическом павильоне стоит хороший бюст из бронзы Делла-Воса (ум. 1890), первого директора-организатора Императорского Технического училища.

За церковью, на новом кладбище, есть еще несколько хороших новых памятников, оригинально задуманных, например, часть белоснежной мраморной колоннады, но все это надо отнести к работам обыкновенных ремесленников.

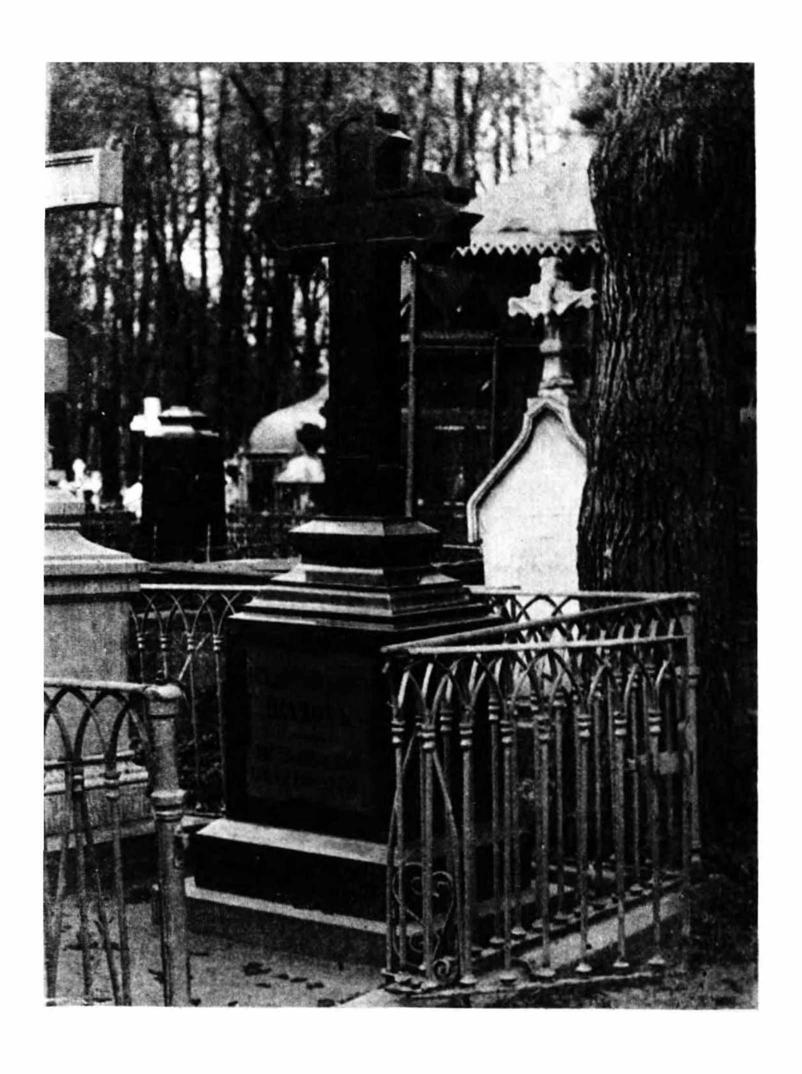

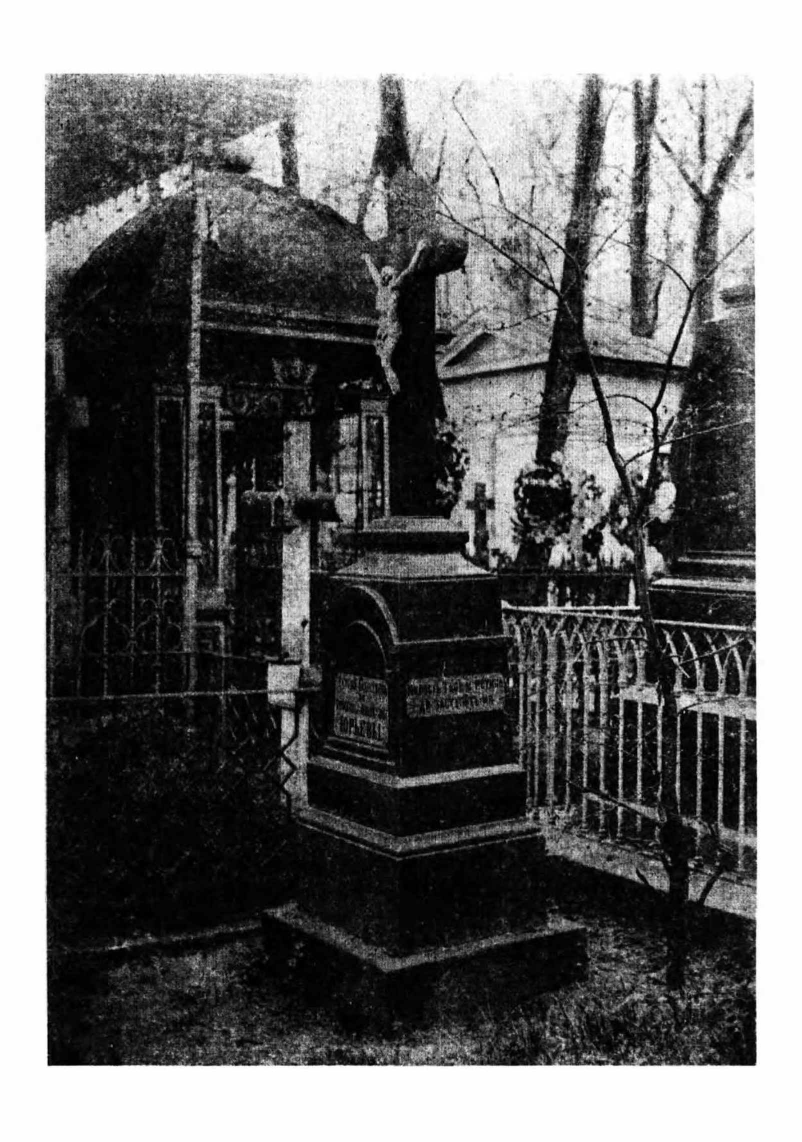
Могила М.С. Корелина

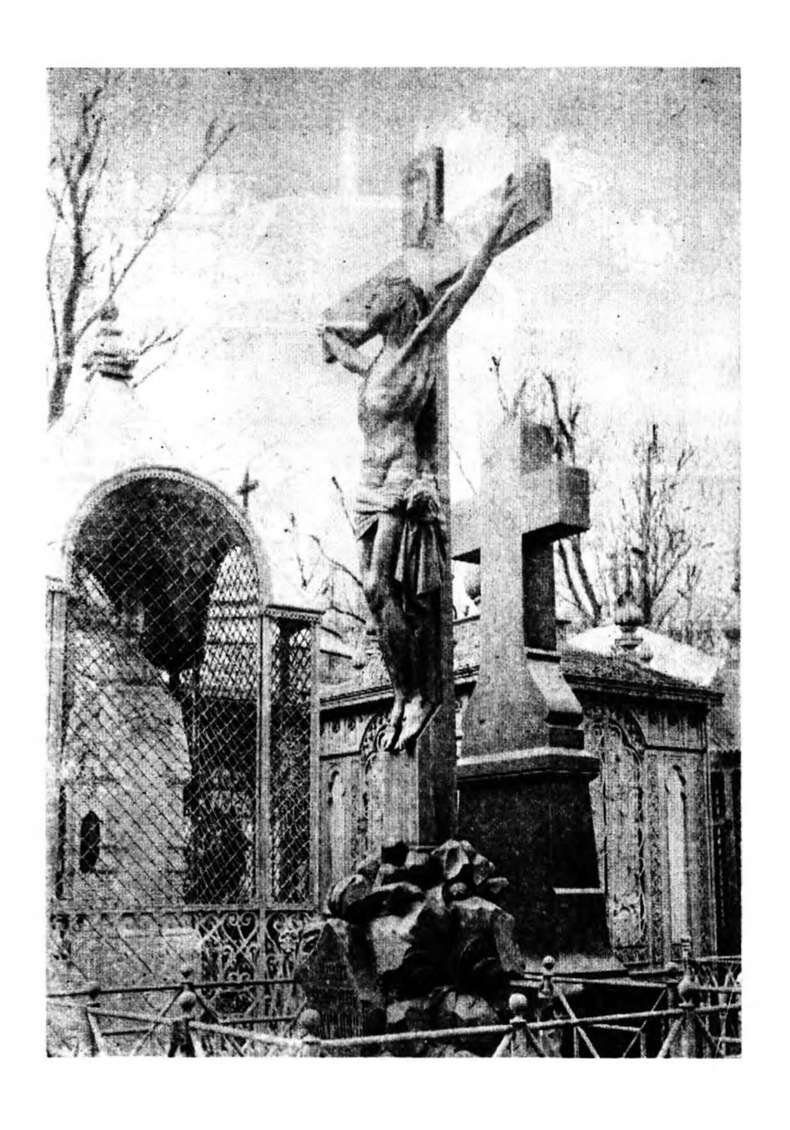
Могила Ф.Ф. Вигеля

Могила А.А. Шахова

Могила С.А. Юрьева

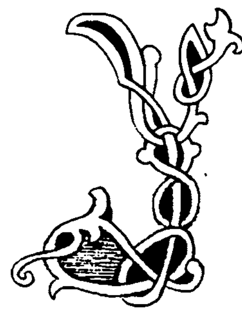

Могила М.Н. Каткова

Могила И.М. Прянишникова

Семеновское кладбище

самой Семеновской заставы, рядом с ее оригинальными караулками начала XIX века, существует прекрасный парк — Семеновское кладбище. Это именно парк, с красивыми густыми аллеями, шпалерами подстриженного кустарника, из-за которого крестов почти не видно. Первая половина кладбища, где в густоте шпалер скрываются даже большие памятники, не похожа ни на одно из московских кладбищ.

Могилы здесь не теснятся друг к другу, а свободно располагаются на обширных площадях, как клумбы на газонах.

В конце кладбища шпалеры кустарника исчезают, и простые деревянные кресты утопают там в высокой душистой траве.

Старые березы и сосны дают густую тень, разливающую приятную прохладу по всему кладбищу. Всюду царит тишина, нарушаемая только слабым шелестом листьев. Редко, редко по дорожке пройдет задумавшийся посетитель “мертвого сада”.

Памятники Семеновского кладбища более чем просты, почти бедны, надписи на них не будят никаких воспоминаний. Все были люди незаметные, люди неизвестные. Они жили, умирали, замкнув маленький круг личной жизни, не оставив о себе на память ничего, кроме недорогих камней и деревянных крестов.

И скромный памятник в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их леты, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

(Жуковский.)

Впрочем, есть камень не только с одним именем и библейской моралью, а и с целым завещанием философа. Он находится на главной аллее от церкви, за колодцем, с краю левой стороны. Вот буквальное содержание надписи:

Знание уменьшает страданье людей. Дух без знанья и тело без пищи и чистого воздуха умирают.

При здоровой пище делайте движения на чистом воздухе.

Во время отдыха, т. е. ночи, имейте спальню с открытым окном.

Перестаньте лечиться.

Бросьтесь в объятья природы и — будете здоровы.

Аполлон Григорьевич
БЕЛОПОЛЬСКИЙ
родился 1820 декабря 14
умер 1883 сентября 29.

На Семеновском кладбище погребен поэт А. И. Полежаев (1805-1838), но указать его могилу здесь не могут.

Эта жизнь началась случайно и окончилась безвременно по прихоти капризной судьбы. Полежаев был внебрачным сыном богатого саранского помещика Струйского, а умер простым солдатом, в солдатской больнице.

Пылкий душою, одаренный большим талантом, Полежаев попал в такую атмосферу, в которой не мог жить и должен был сгореть. Он чувствовал это и сам.

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел.

Зная человеческую душу, он, как заболевший врач, ставил диагноз самому себе.

Убитый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей...
Я зрел: надежды луч прощальный
Темнел и гаснул в небесах,
И факел смерти погребальный
С тех пор горит в моих очах...
Любовь к прекрасному, природа,
Младые девы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня.
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день.

Полежаев умер в Военном госпитале, и, “когда один из друзей его явился просить тело для погребения, никто не знал, где оно; солдатская больница торгует трупами, она их продает в университет, в Медицинскую академию, вываривает скелеты и проч. Наконец, он нашел в подвале труп бедного Полежаева, он валялся под другими, крысы объели ему одну ногу”.

Так умер затравленный николаевским режимом студент Полежаев, но как поэт — он живет, он продолжает бичевать людей —

Люди, люди развращенные,
То рабы, то палачи,
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи.

Как уместны бы были на его могиле стихи А. Н. Плещеева:

Спи, бедняк! Без сожаленья
Ты расстался с этим миром,
Что бросал в тебя каменья,
Оттого, что на служенье
Лжи его — его кумирам
Ты себя не обрекал.

Семеновское военное кладбище

Что-то особенно грустное охватывает на этом кладбище, где все могилы, как солдаты в строю, вытянулись стройными рядами, где все кресты сделаны по одной форме и даже надписи на них все одного образца. Только в центре, в офицерской части кладбища, замечается некоторое разнообразие памятников, но и там все просто и бедно.

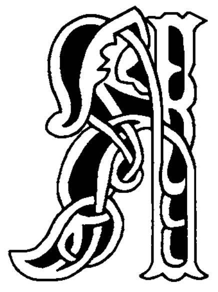
Оторванные от близких людей, от родных полей и деревень, одиноко умирали в Военном госпитале и лазаретах больные солдаты. Печальная весть доходила наконец до деревни, там оплакивали потерю, а на окраине Москвы прибавлялась новая могила, которую в большинстве никогда не посетит близкий человек. Где уж тут ехать в далекую столицу бедному крестьянину.

И растет с каждым годом рать наскоро сколоченных солдатской же рукой четырехконечных крестов со скатными кровельками. В особенности увеличился этот рост во время войны, со второй половины 1914 года. Могилы роются одна за другою в последовательном порядке, почему даты на крестах получаются хронологически правильными. Эта наглядная картограмма нарисована уже почти до конца кладбищенской черты, и скоро придется искать нового места.

Здесь нет цветов, не видно посетителей, да мало кто и подозревает о существовании этого кладбища, устроенного в поле, примкнувшего одною стороною к стене Семеновского кладбища, а с другой едва отделенного от пустырей и свалок проволочной изгородью.

Не сразу найдешь и вход на кладбище, со стороны линии Моск.-Казанской жел. дор., там, где мимо его ворот проезжают только одни обозы на свалки.

ИНОВЕРЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ НА ВВЕДЕНСКИХ ГОРАХ

мы, образовавшиеся на месте высохшего Синичкина пруда, и плохие строения Всехсвятской слободки портят подъезд к красивым готическим воротам Иноверческого кладбища, этого московского “Pere Lachais’a” со стороны Владимирской улицы. В другие ворота, со стороны летних бараков Военного госпиталя, обыкновенно не ходят и ворота эти заперты, вероятно потому, что там трудно подъехать через речку Синичку по довольно крутому подъему.

Основание Иноверческого кладбища на Введенских горах относится к 1771 году. В настоящее время — это единственное в Москве кладбище для погребения иноверцев-христиан. Раньше, кроме кладбища в Марьиной роще, существовало при Иоанне Грозном кладбище для чужеземцев за Москвою-рекою, где были слободы иноземного войска.

В прежние годы Введенское иноверческое кладбище резко отличалось от православных московских кладбищ своей чистотою и благоустройством. Теперь, когда многие православные кладбища стали содержать тоже очень заботливо, такого резкого отличия уже нет. Но все же большая разница существует и теперь. Начиная с привратника, аккуратно сделанных указательных надписей объявлений, обилия водоразборных колонок, цветов — все это придает иной вид кладбищу. Памятники на первый взгляд ничем, кроме, конечно, надписей, не отличаются от православных, и, только обойдя кладбище, можно убедиться, что здесь не заметно тех грубых гробниц и аналоев из песчаника с украшениями и фигурами, которых так

много на православных кладбищах. Большинство памятников скромны и просты. Среди них нередко встречаются произведения настоящего современного искусства. Все это надгробия московских коммерсантов-иностранцев, людей, обладающих значительными средствами. Фамилии Кноп, Вогау, Иокиш, Эйнем, Бодло, Пло, Мюллер, Эрлангер и т. д. здесь пестрят на многих памятниках, напоминая вывески Мясницкой улицы и Кузнецкого моста.

Прежде всего следует пройти к могиле знаменитого доктора-филантропа Ф. П. Гааза [1]. Она почти посредине кладбища на главной аллее, с краю, направо. Большая гранитная глыба с крестом окружена красивою чугунной решеткой, с факелами по углам и бронзовым барельефом Гааза. По верхней части решетки развешены "гаазовские" кандалы. Надписи на памятнике сделаны по-латыни:

Fredericus Josephus
HAAS
natus die X augusti MDCCLXXX
denatus die XVI augusti MDCCLIII
Beati servi illi! quos cum venerit
Dominus, invenerit vicilantes.
Lucas XII. 37.
"Спешите делать добро".
Ф. П. Гааз.

Как выразительны слова Евангелия на этом камне: "Блаженны рабы тя, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими". Вот человек бодрствовавший на благо своего ближнего всю жизнь. И какого ближнего! отверженца общества, преступника, каторжника...

Сын пастора из Мюнстерфеля, окончивший курс медицинских наук в Вене, Гааз попал в Россию случайно — его привез удачно вылеченный им пациент князь Репнин. В Москве Гааз официально стал тюремным доктором, а неофициально для одних "утрированным филантропом", а для других "святым доктором" и "божьим человеком".

Постоянно воюя с администрацией, Гааз добился уничтожения нанизывания арестантов на прут и введения облегченных "гаазовских" кандалов.

Путешествие на пруте в Сибирь, вдоль по Владимирке, было страшною пыткой. "На толстый аршинный железный прут с ушком надевалось от восьми до десяти запястьев (наручней) и затем в ушко вдевался замок, а в каждое

запястье заключалась рука арестанта. Ключ от замка клался вместе с другими в висевшую на груди конвойного унтер-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальником этапного пункта. Распечатывать ее в дороге не дозволялось... Прут соединял людей, совершенно иногда различных по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дети), росту, походке, здоровью и силам... Топочась около прута, наступая друг на друга, натирая затекавшие руки наручнями, железо которых невыносимо накалялось под лучами степного солнца и леденило зимою, причиняя раны и отморожения, ссыльные не были спускаемы с прута и на этапном пункте, без крайней к тому нужды. Эта нужда наступала лишь, если товарищи по пруту приволокли с собой умирающего или тяжко больного, на которого брань, проклятия и даже побои спутников уже не действуют ободряющим образом. Иначе все остаются на пруте, опять прикованные к нему, и при отправлении естественной нужды каждого присутствуют все остальные" (А. Ф. Кони).

Гааз провожал партии из пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах за заставу, несмотря ни на какую погоду, — он сам хотел видеть, как пошли арестанты и все ли его распоряжения исполнены. За заставою он прощался с ними, как с братьями, даже целовал их.

Все, что получал, от отдавал бедным; никогда не просил материальной помощи, но радовался, когда ее оказывали несчастным. Жизнь вел одинокую, целомудренную. Скромность его простиралась до того, что единственный портрет с него пришлось написать тайно, открыто он на это не соглашался, как его ни уговаривали.

А. И. Герцен нарисовал в "Былом и думах" трогательный образ Гааза. "Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, в коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался только что вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия. В этом grand gala похорон и свадеб, и в приятном климате 59 сев. шир., Гааз ездил каждую неделю в этап на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств — грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боящихся благотворением сделать удовольствие,

боящихся больше благотворить, чем нужно, чтобы спасти их от голодной смерти и трескучих морозов. Но Гааз был несговорчив и, кротко выслушивая упреки за "глупое баловство преступниц", потирал себе руки и говорил: "Извольте видеть, милостивый государин, кусок хлеба, грош им всякий даст, а конфетку или апельсину долго они не увидят, этого им никто не даст, это я могу консеквировать из ваших слов; потому я и делаю им это удовольствие, что оно долго не повторится". Гааз жил в больнице. Приходит к нему перед обедом какой-то больной посоветоваться. Гааз осмотрел его и пошел в кабинет что-то прописать. Возвратившись, он не нашел ни больного, ни серебряных приборов, лежавших на столе. Гааз позвал сторожа и спросил, не входил ли кто, кроме больного? Сторож смекнул дело, бросился вон и через минуту возвратился с ложками и пациентом, которого он остановил с помощью другого больничного солдата. Мошенник бросился в ноги доктору и просил помилования. Гааз сконфузился.

— Сходи за квартальным,— сказал он одному из сторожей.

— А ты позови сейчас писаря.

Сторожа, довольные открытием, победой и вообще участием в деле, бросились вон, а Гааз, пользуясь их отсутствием, сказал вору: "Ты фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть, Бог тебя рассудит, а теперь беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... Да постой, может, у тебя нет ни гроша, вот полтинник; но старайся исправить свою душу: от Бога не уйдешь, как от будочника".

Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый доктор толковал свое: воровство — большой порок; но я знаю полицию, я знаю, как они истязают — будут допрашивать, будут сечь; подвергнут ближнего розгам — гораздо больший порок; да и почем знать, может, мой поступок тронет его душу".

Когда Гааз умер, после него не осталось никакого имущества, но до 20 тысяч человек шли за его гробом на Введенские горы.

Проповедник любви, уважения к человеческому достоинству, он оставил заветы служения ближнему. Вот его обращение к женщинам из рукописи "Appel aux femmes": "Вы призваны содействовать перерождению общества и этого вы достигнете, действуя и мысля в духе кротости,

терпимости, справедливости, терпения и любви. Поэтому избегайте злословия, заступайтесь за отсутствующих и беззащитных, оберегайте окружающих от вредных увлечений, вооружаясь твердо и мужественно против всего низкого и порочного, не допускайте близких до злоупотребления вином, до увлечения картами... Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы иметь силы помогать ближним, оно — дар Божий, в растрате которого без пользы для людей придется дать ответ перед своею совестью. Содействуйте, по мере сил, учреждению и поддержанию больниц и приютов для неимущих, для сирот и для людей в преклонной старости, покинутых, беспомощных и бессильных. Не останавливайтесь в этом отношении перед материальными жертвами, не задумывайтесь отказываться от роскошного и ненужного. Если нет собственных средств для помощи, просите кротко, но настойчиво у тех, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условиями и суетными правилами светской жизни. Пусть требование блага ближнего одно направляет ваши шаги. Не бойтесь возможности уничижения, не пугайтесь отказа. Торопитесь делать добро!.. Умейте прощать, желайте примирения, побеждайте зло добром".

С. П. Шевырев написал стихотворение "На могилу Ф. П. Гааза" —

"В темнице был и посетили"
Слова любви, слова Христа,
От лет невинных нам вложили
Души наставники в уста.
Блажен, кто, твердый снес в могилу
Святого разума их силу,
И, сердце теплое свое
Открыв Спасителя ученью,
Все состраданьем к преступленью
Наполнил жизни бытие!

Давно сошли в могилу люди *, с которыми жил Гааз, но

* В ночь на новый 1852 г. Гоголь, выходя из своей комнаты, нечаянно встретил на пороге доктора Ф. П. Гааза. Тот, желая приветствовать Гоголя, сказал ему на ломаном русском языке, что желает ему такого *нового года*, который даровал бы ему *вечный год.* Слова эти произвели на Гоголя невыгодное впечатление и как бы поселили в нем уныние. Через полтора с небольшим месяца Гоголь перешел в мир иной, обретя, по словам Гааза, вечный год. — *Примеч. ред.*

память об этом фанатике добра, наполнившим "сострадньем к преступленью все жизни бытие", жива и долго будет жить в потомстве.

Недалеко от могилы Гааза, на перекрестке стоит большая усыпальница с колоннами-Эрлангер [2]. Сзади нее погребен профессор Московского университета и натуралист Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм [3] (род. 1771 г., ум. 1853 г.), написавший более 200 сочинений по естествознанию. Императорским Московским обществом испытателей природы ему поставлен дорогой памятник — высокий обелиск розового гранита, с барельефным портретом из белого мрамора.

На главной же аллее, дальше памятника Гаазу и ближе к вторым воротам, находится могила ботаника Н. Н. Кауфмана, автора известной книги "Московская флора". На могиле высокий черный обелиск с белым крестом и надписью:

Профессор Императорского
Московского Университета
Николай Николаевич
КАУФМАН
Родился 8 февраля 1834 года
Скончался 15 декабря 1870 года [4]

На левом краю кладбища, ближе к началу его, под горою, стоит ряд обломков черных цилиндрических колонн. Среди них выделяется прекрасной работы из темной бронзы бюст красивого пожилого человека с большой бородой; внизу памятника лежит бронзовая виолончель. Это могила известного виолончелиста и композитора Карла Юльевича Давыдова (род. 1838 г., ум. 1889 г.). Рядом памятник с портретом-барельефом его брата Августа Юльевича Давыдова (род. 1823 г., ум. 1885 г.) — профессора математики Московского университета, составившего ряд учебников для средней и низшей школы, между прочим, популярную в гимназиях "Алгебру". По происхождению Давыдовы — из гольдингенской еврейской семьи [5].

На этом же краю кладбища, около большой белой часовни высится большой грубо обтесанный обелиск розового гранита, окруженный цепью, подвешенной на столбах из стволов орудий. Это общий памятник воинам

великой французской армии, погибшим в снегах России в 1812 году. На памятнике надписи:

Militaires
Francais
morts
en
1812.
Erige par
la colonie
Francaise.
1889 6.

На главной аллее ближе к входу, немного отступя от края правой стороны, невольно обращает внимание памятник на могиле Х. Х. Мейена [7] (ум. 1875), основателя Комиссаровской технической школы и железнодорожного деятеля. Это огромный крест, составленный из рельсовых полос, с 4 настоящими вагонными колесами у подножия и вагонными буферами по углам, соединенными сцепными приборами. Как ни удачна компоновка всех этих частей, общее впечатление получается странное, но идея близкого отношения покойного к железной дороге выражена вполне.

На первой широкой аллее, пересекающей главную, налево за усыпальницей Эрлангера, выделяется красивый памятник без надписей, в духе хороших современных надгробий Западной Европы, заполняющих парижское "Pere Lachaise". Это — выдержанный по формам склеп, с сидящей у входа женской фигурой белого мрамора. В белоснежном мраморе чувствуется живое тело, угадывается острая тоска, надрывающая душу [8].

Рядом -- павильон на могиле Леона Пло (ум. 1905) с бронзовой женской фигурой у входа, как бы приглашающей переступить порог жизни и смерти, но эта фигура маловыразительна [9].

Подальше, в самом конце этой же боковой аллеи, красуется колоннада с роскошной мозаичной картиной, изображающей ограду, по-видимому, кладбища на острове, за которой гнутся высокие кипарисы. К воротам подплывает лодка. Впереди гребца стоит закутанная в белое женщина. Картина полна настроения "Острова мертвых" Бёклина [10].

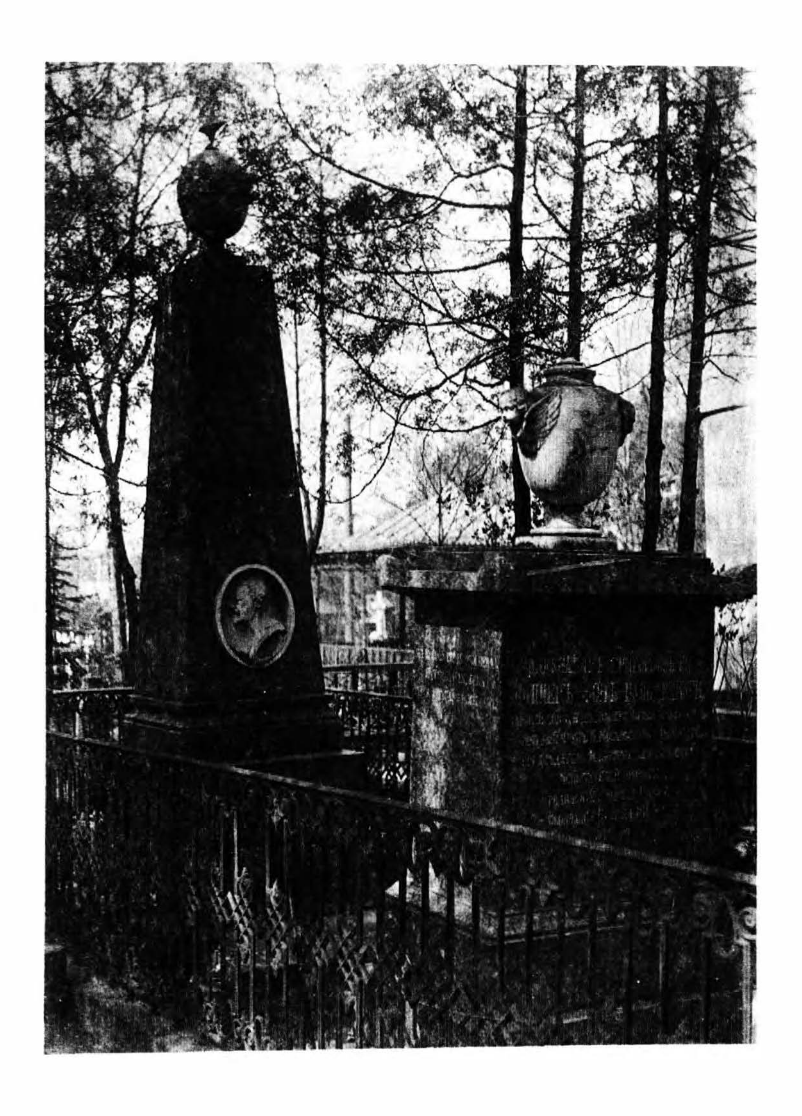
Недалеко от вторых ворот, с краю главной аллеи, хороша “статуя печали” на могиле Ал. Бавастро (ум. 1910), рельефно вырисовывающаяся античными формами женщины на сером фоне обломка гранитной стены [11].

В той части кладбища, которая террасами спускается к речке Синичке, есть еще несколько художественных памятников. Здесь есть прелестные уголки для таких памятников, но не везде они использованы для этой цели.

Наиболее ценным и цельным по выражению идеи является памятник семейства Вогау, на правой стороне кладбища, там, где боковая аллея отделяет старое кладбище от новых могил с деревянными временными крестами, утопающими в цветах.

Огромная продолговатая площадка с оградой в греческом вкусе, с вазами на столбах, замыкается руинами античного портика. У входа на ступенях во весь рост стоит бронзовое изваяние Христа работы prof. R. Romanelli. Невольно останавливаешься перед этим памятником. Исчезают вдруг окружающие его могилы, оживает Христос, движется его рука, указывая на вход, и слышится тихий голос: memento mori! [12]

Могила А.Г. Фишера фон Вальдгейма

Могила Н.Н. Кауфмана

Могила К.Ю. Давыдова

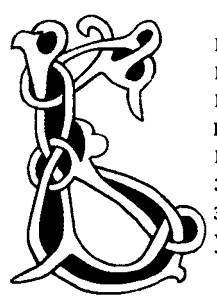

Памятник над могилой Леона Пло

Мозаика с картины Бёклина на памятнике Георгу Лиону

КЛАДБИЩЕ СПАСО-АНДРОНИЕВА МОНАСТЫРЯ

ыло время, когда Спасо-Андрониев монастырь находился вне города, красуясь на высоком холме реки Яузы. Теперь город охватил монастырские стены плотным кольцом, а фабрики Сыромятников закоптили своим дымом, загрязнили всю эту местность. В Яузе вместо воды давно уже течет смесь красок и нефти.

Старое кладбище монастыря сохранилось плохо, исчезли древние надгробные плиты, стерлись надписи с камней и затерялись могилы таких людей, память о которых продолжает жить и не умрет до тех пор, пока живет родное искусство.

К таким затерянным могилам принадлежат могилы иконописца Андрея Рублева (ум. 1430 г.) [1] и отца русского публичного театра Ф. Г. Волкова (род. 1729 г., ум. 1763 г.)[2].

Андрей Рублев был иноком Спасо-Андрониева монастыря. Он и еще Даниил Черный, по свидетельству летописца, «были чуднии пресловущии иконописцы», которые «никогда же в земных упражнятися, но всегда ум и мысль возносяще к невещественному и божественному свету». Писанию икон у них было посвящено все время без остатка и даже в Светлое Христово Воскресение, когда работа, хотя бы и иконописная, была грешна, они отдыхали не иначе, как «пред собою имуща божественные иконы и на тех неуклонно зряще». Иконы письма Рублева теперь большая редкость, ценность их очень велика. У старообрядцев на Рогожском кладбище есть иконы этого мастера.

Волков происходил из костромского купечества, но получил хорошее по тому времени образование. Пристрастившись к театру, он сам стал актером, режиссером,

антрепренером, переводчиком, словом, ничто театральное не было ему чуждо. Сумароков написал на его смерть такую элегию:

Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы:
Преставился мой друг, прости, мой друг любезный!
На веки Волкова пресеклися часы.
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов подо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о россы, вам!
Богиня, я тебе поставил пышный храм!
В небытие сей храм теперь перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды!
Се века целого прилежность и труды!
Дмитревский! что зачнем мы с сей теперь судьбою!
Расстался Волков наш со мною и тобою,
И с музами на век. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас потомство не забудет,
Переломи кинжал, котурна уж не будет,
Простись с отторженным от драмы и от нас,
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним игранучи прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькия струи из смутных глаз:
Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости на веки!

На старом кладбище монастыря есть несколько художественных надгробий.

У самой алтарной стены собора, с краю дорожки, обращает внимание тщательная обработка деталей на гробнице В. Я. Жигарева (ум. 1802 г.). Гробница из белого мрамора, стоит на высоком постаменте, вся она изящно убрана мелкими гирляндами и украшена барельефом-миниатюрой с портретом покойного. Работа приписывается скульптору Замараеву [3].

Тут же, но несколько направо в глубь кладбища, стоит чугунная готическая часовенка с урной посредине на могиле кн. Я. Д. Бибарсова (ум. 1833 г.). По замыслу и исполнению — это оригинальный красивый памятник, испорченный только густою ржавчиной [4].

Несколько правее памятника Бибарсова — два грузных массивных памятника под защитною кровлею. Доски с надписями давно уже исчезли. Это массивные гробницы из тесаного серого камня, увенчанные урнами. В основе своей они не оригинальны, в них только комбинируются гробницы с вертикальными памятниками, но по приемам обработки и по грузности масс, это очень интересные надгробия, подобных которым не встречается на других московских кладбищах [5].

Все в той же части кладбища, но левее от собора, под длинным защитным шатром с несколькими гробницами, находится гробница девицы графини Анны Марковны Булгари [6] (ум. 1841 г.), с беломраморным барельефом работы Витали. Гений смерти сидит с опрокинутым пылающим факелом, указывая левой рукой на урну. Хороша работа Витали, но...

Мил и прекрасен с своим угасающим факелом гений;
Смерть же сама, господа, право, не так хороша.

(Шиллер).

Рядом, над гробницей П. П. Нарышкина [7] (ум. 1841) изящна, хотя и шаблонна, склонившаяся женская фигура небольших размеров, из белого мрамора.

С левой стороны собора разрушается памятник на могиле князя И. Д. Трубецкого [8] (ум. 1831 г.), тоже работы Витали, о чем свидетельствует уже с трудом разбираемая надпись на пьедестале: «Сочинил и из камня высекал Иван Витали 1833 г.». Это прекрасно исполненная из серого камня большая группа Веры и Надежды, совершенно одинаковая с такою же группою, отлитою из металла на могиле Бекетова в Новоспасском монастыре. Время и дожди покрыли группу темно-серым налетом, некоторые части разъединились, мелкие детали стерлись.

Рядом возвышается простая и величественная пирамида из чугуна на могиле А. А. Кикина [9] (ум. 1809), вся изъеденная ржавчиной. Как простой, но монументальный и прочный памятник, она вполне удалась мастеру.

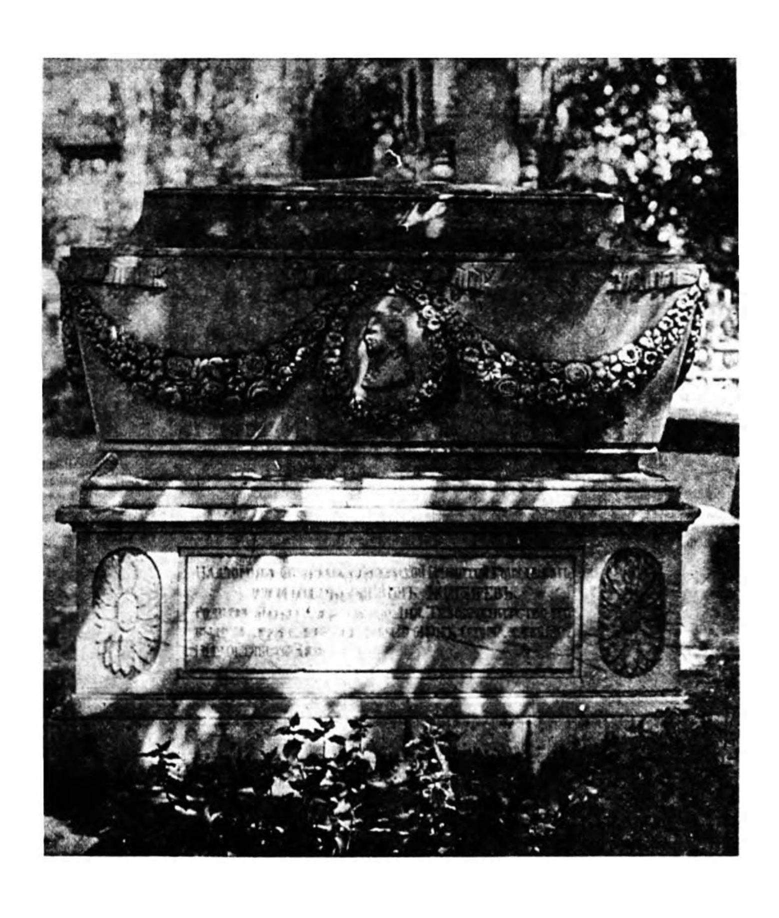
Ближе к монастырской стене обращает внимание большой памятник современной работы на могилах семейства Лебедевых. Это — античный уголок, с колонной, скамейкой, украшенный бронзовыми барельефами, изображаю-

щими «колесо жизни». В центре уголка возвышается огромная грубой лепки группа Христа и двух приникших к его ногам обнаженных фигур [10].

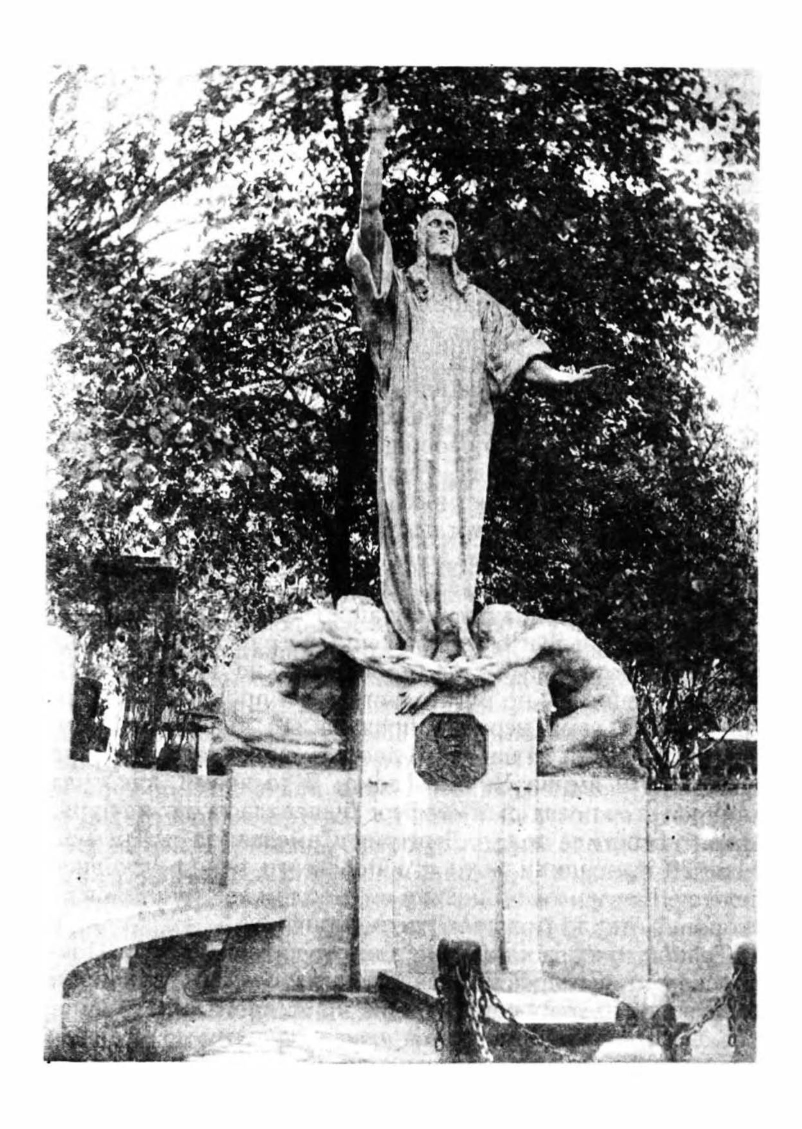
На старом кладбище много гробниц XVIII и начала XIX века, по которым можно проследить эволюцию общеупотребительных надгробий от пышного рококо, неимоверно расширившегося и округлившего бока гробницы, до готики, старающейся подняться над гробницей в виде башенки.

На новом, сравнительно небольшом кладбище ничего интересного не заметно.

Могила В.Я. Жигирева

Усыпальница Лебедевых

КЛАДБИЩЕ ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

адолго до основания Покровского монастыря царем Михаилом Феодоровичем, здесь на пустом поле существовал убогий дом, куда свозились трупы умерших насильственной смертью и поднятых на улице неизвестных людей, а таких тогда было немало, вообще всех бездомовных и несчастных, у которых не было ни родных, ни знакомых, которые бы позаботились отдать им последний долг на земле.

«В мае 1606 г. конные стрельцы и толпа черни следовали сюда за навозною телегой, которую тащила кляча; в телеге лежал обнаженный и обезображенный труп молодого еще человека, который толпа провожала не молитвами и благословениями, но ругательствами и проклятиями, потому что и сама церковь предала его анафеме. Этого опального везли из царского дворца, с царского престола в смрадный ямник Убогого дома. В то время, как туда тянулся этот поезд, в атмосфере бушевала такая же буря, какая встретила въезд Дмитрия Самозванца в Кремль. Мая 28 присудили труп его перевезти в подмосковное селение Котлы, там сожгли и его пеплом выстрелили в ту сторону, откуда пришел Лжедмитрий».

Теперь, вместо кладбища для отверженных, при Покровском монастыре существует одно из самых больших и богатых монастырских кладбищ в Москве. По распланировке его, пожалуй, можно признать лучшим московским кладбищем. Оно все изрезано густою сетью правильных продольных и поперечных дорожек, как шахматная доска, почти к любой могиле можно пройти, не приминая травы. На дорожках, чисто выметенных и посыпанных песком, везде расставлены скамейки. Березки, рябины,

белые стены монастыря, просвечивающиеся сквозь зелень, вызывают какое-то тихое примиряющее настроение.

Здесь не видны, как на других кладбищах, фабричные трубы, не попадаются режущие глаз топорные гробницы, нет и грандиозных глыб гранита и мрамора или падающих истлевших крестов. Здесь все гармонично: ровные деревья, скромные монастырские стены, скромные, но хорошие памятники.

Войдя на кладбище и повернув налево за колокольню, на ближайшей же дорожке, в самом начале кладбища, встретится большая глыба темного гранита, с грубо высеченным лежащим на ней крестом и надписью:

Доктор медицины
Николай Андреевич
БЕЛОГОЛОВЫЙ.
Род. 5-го окт. 1834 г. ум. 6-го сен. 1895 г.

Этот простой, но прекрасный памятник, исполненный по рисунку художника И. С. Остроухова, указывает могилу одного из выдающихся общественных деятелей, либерала-шестидесятника, соединившего со своею специальностью — медициной и занятия литературой.

Белоголовый родился в Иркутске и учился под руководством находившихся там в ссылке декабристов Юшневского и Поджио. Впоследствии, занимаясь медицинской практикой в Петрограде, он заслужил широкую известность, как врач-гуманист, одинаково внимательно относившийся к богатому и бедному. Простой фабричный и чиновное лицо были для него только больные. Вращаясь в литературных кругах, он лечил Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Тургенева. Освободительная эпоха, в которую жил и работал доктор Белоголовый, обязывала каждого чуткого и отзывчивого человека принять участие в устройстве новой жизни: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»... Белоголовый соединил то и другое, оставаясь врачом, был и гражданином.

Его «Воспоминания» о декабристах отличаются большой теплотою и литературными достоинствами, они имели в свое время большой успех.

Тут же, на несколько шагов дальше по дорожке, с левой стороны ее находятся многочисленные могилы Боткиных, купеческого семейства, насчитывающего среди своих членов несколько талантливых людей. Из этого семейства

вышли братья: Сергей Петрович — медицинская знаменитость, друг Белоголового, Михаил Петрович — академик исторической живописи и Василий Петрович — деятель сороковых годов, член кружка Грановского.

На этом кладбище из них похоронен только Василий Петрович. На его могиле стоит белый мраморный памятник с надписью:

Василий Петрович
БОТКИН
род. 27 дек. 1811
ск. 10 окт. 1869.

Не получив систематического образования, Василий Петрович Боткин остался дилетантом, но дилетантом, близко стоявшим к Грановскому и Белинскому. Неопределенность положения его тяготила: «Моя жизнь, — говорил он, — не удалась, мне бы надо быть профессором». Его «Письма об Испании» пользовались заслуженной известностью. Занявшись серьезно изучением искусств, он начал было писать книгу по истории искусств, но захватившая его болезнь помешала ему. По совету врачей он уехал на юг, в Италию, но, почувствовав там приближение конца, не захотел остаться на чужбине и вернулся в Россию, чтобы умереть на родине.

«Не стало, — говорит некролог СПБ. Ведомостей от 13 октября 1869 г., — одного из самых деятельных и близких членов того известного московского кружка передовых людей, который горячо ратовал за дело развития и образования в самое неблагоприятное для литературы время. Людям, знакомым с иторией нашей литературы, известно то почетное место, которое занимает в ней Боткин, как автор многих статей по искусствам; но не меньшее, если не большее значение имеет покойный, как один из выдающихся членов московского кружка, как ближайший приятель Белинского, которому он помогал и своими советами и знанием, а иногда даже просто личным трудом».

Напротив памятника В. П. — могила отца многочисленных талантливых братьев, Петра Кононовича Боткина (1781-1853) — организатора оптовой чайной торговли с Китаем.

Могилы остальных братьев Боткиных — Владимира Петровича (1837-1869), Николая Петровича (1813-1869), Ивана Петровича (1819-1878), Петра Петровича (1781-1853), Дмитрия Петровича (1829-1889) и Павла Петрови-

ча (1827-1885) -- все собрались в тесный кружок. Из них Дмитрий Петрович основал в Москве картинную галерею, Петр Петрович развил торговую деятельность отца и укрепил солидную репутацию фирмы, Николай Петрович, по воспоминаниям Белоголового, «хотя и был человек очень способный, но скорее в стиле широких русских натур, большой весельчак, славившийся остроумием, много путешествовавший и во время своего пребывания в Риме близко сдружившийся с Гоголем». Он перенес апоплексический удар, после которого осталось угнетенное состояние духа. В Пеште он выбросился из окна отеля и расшибся насмерть. «Иван, Павел и Владимир, если и не оставили по себе памяти чем-нибудь особенным, то все же это были люди очень неглупые и выделявшиеся незаурядностью своего образования в среднем русском обществе, а потому вся семья Боткиных являлась в Москве ярким оазисом, в котором всякий интеллигентный приезжий находил умную беседу и живой отклик на все вопросы современности, не только русской, но и европейской».

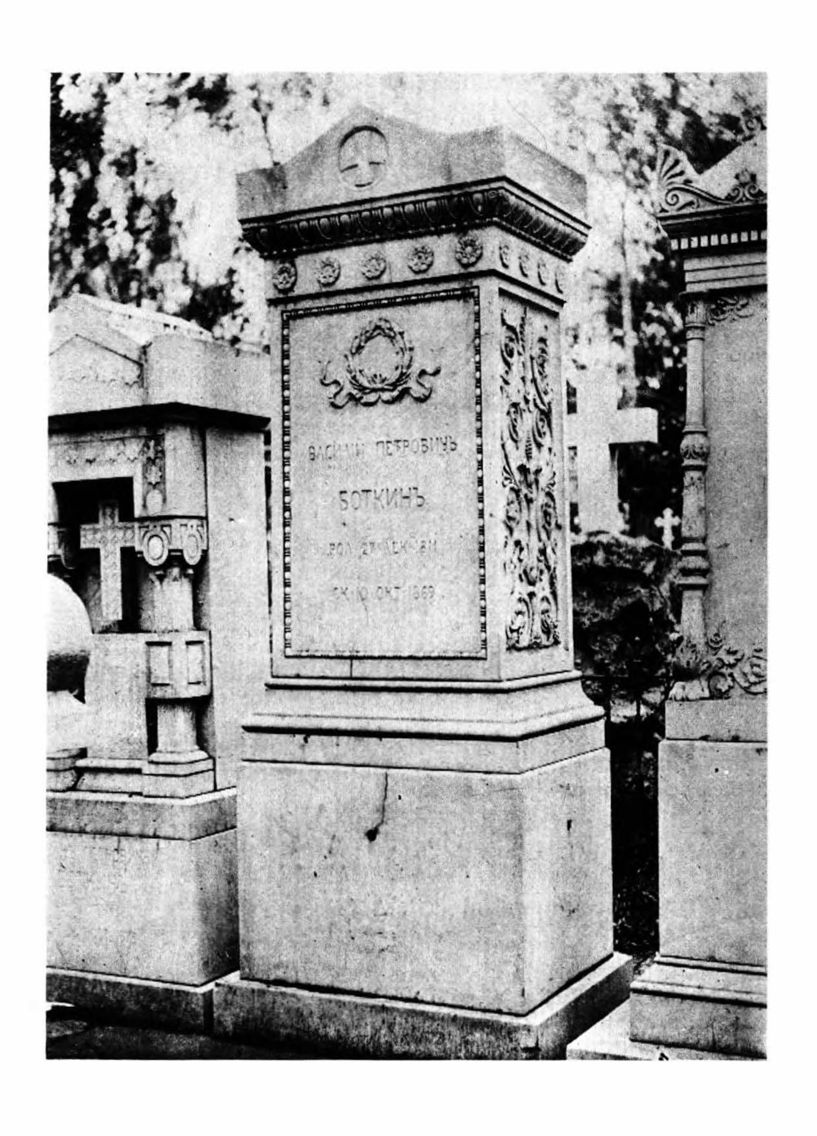
За собором, на краю одной из ближайших дорожек находится могила композитора и бывшего директора Петроградской консерватории Михаила Павловича Азанчевского (род. 1839., ум. 1881 г.). На ней большой черный памятник с крестом и белым барельефным портретом покойного. Азанчевский работал под руководством Листа, но, не имея особенного таланта, не пошел дальше квартетов, фортепианных трио и пьес в 2-4 руки.

Из художественных произведений на кладбище заслуживают внимания еще некоторые могилы. Например, у левой стены собора, с краю, два чугунных портрета-барельефа в духе классицизма на одном общем черном камне М. А. и П. И. Вединисовых (ум. 1842 и 1845); портреты-барельефы из бронзы на некоторых памятниках Боткиных позднейшей работы; почти в конце кладбища — памятник на могиле Л. Г. Щукиной (ум. 1907), в массивной бетонной ограде большая женская фигура с урной (урны по углам ограды почему-то совершенно закрыты «покрывалами забвения»); направо за собором красуется роскошная часовня-усыпальница Хлудовых; тут же красивый памятник-крест, украшенный сплошною резьбой, на могиле одного из членов этой же купеческой фамилии.

Могилы других известных купеческих фамилий Карзинкиных, Шапошниковых, Мазуриных и др. ни особой роскошью, ни художественностью памятников не отличаются.

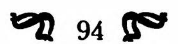
Могила Н.А. Белоголового

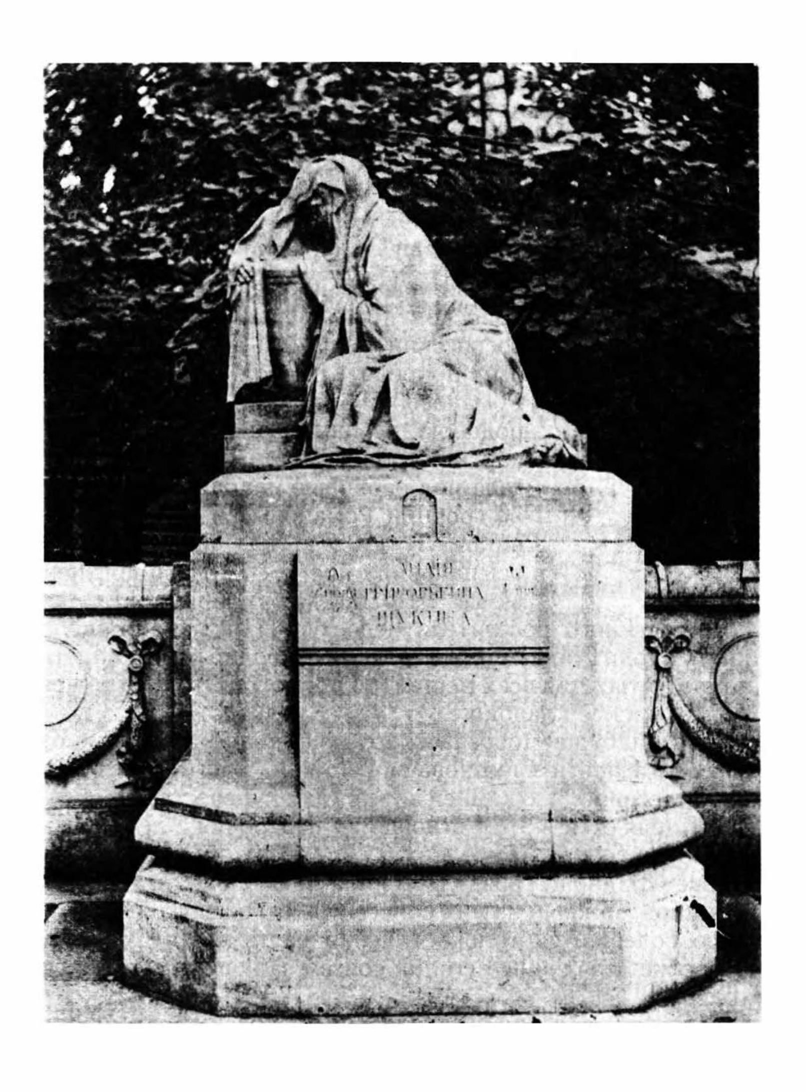

Могила В.П. Боткина

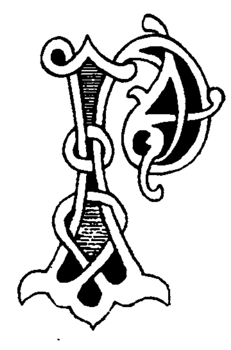
Могила М.П. Азанчевского

Могила Л.Г. Щукиной

КЛАДБИЩЕ НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

одовая усыпальница дома Романовых, «царская пресловущая обитель», Новоспасский монастырь пользовался особым покровительством царей из дома Романовых и с древних времен служил родовою усыпальницей «пресветлых царских родителей». По описи 1687 года под церковью находилось больше 70 гробниц Романовых и их родственников. В 1902 г. над входом в эту усыпальницу построен храм в древнем вкусе [1]. Но так как гробницы эти для обыкновенного посетителя недоступны, а в настоящую книгу входит только то, что всякий свободно может видеть на открытых для всех местах, то посмотрим только общее монастырское кладбище.

На кладбище Новоспасского монастыря, в отличие от соседнего почти Симонова монастыря, много подавляющих массивностью камней на могилах купечества, особенно выделяются в этом отношении надгробия Алексеевых напротив собора.

Все кладбище разделяется на несколько отдельных участков, каждый из них обнесен своею решеткой. Заботливо содержится только главная часть вокруг собора, более же отдаленные уголки совсем запущены и заросли травою.

Налево от собора находится прекрасный памятник работы Витали на могиле полковника Петра Афанасьевича Бекетова (ум. 5 июля 1796 г.). Это символическая группа Веры и Надежды, точно такая же, как и на кладбище Спасо-Андрониева монастыря. Стройная фигура, символизирующая «Веру», поддерживает левой рукой

крест и красивым жестом правой руки указывает на небо. Около коленопреклоненной «Надежды» лежит якорь, с венком на стержне. Мелкие детали, рисунок подола у хитона, цветы венка выработаны очень тщательно и даже лопасти якоря украшены листьями, что составляет характерный признак работ Витали. На подножной плите вырезана надпись: «Компонировал, изваял и из металла произвел Иван Витали». Сохранность этого памятника очень хорошая [2].

Немного подальше стоит памятник кн. Анны Александровны Хованской (ум. 1794 г.), с прекрасно выполненным медальоном-портретом покойной. К сожалению, сохранность медальона, вырезанного по белому мрамору неглубоко, плохая, особенно пострадал абрис профиля. Медальон вделан в простой желтый камень без всяких украшений. Памятник так скромен, что его легко пройти, не обратив на него никакого внимания. Но, всмотревшись в овальный кусочек мрамора и мысленно восстановив утраченное, можно долго любоваться мягкими и тонкими чертами женского лица, оживившими мрамор под резцом опытного и талантливого художника [3].

С правой стороны собора находится хороший современный памятник на могиле А. Г. Сапожникова. Это — грубо вытесанный из гранита крест древней формы, с барельефным изображением Спасителя [4].

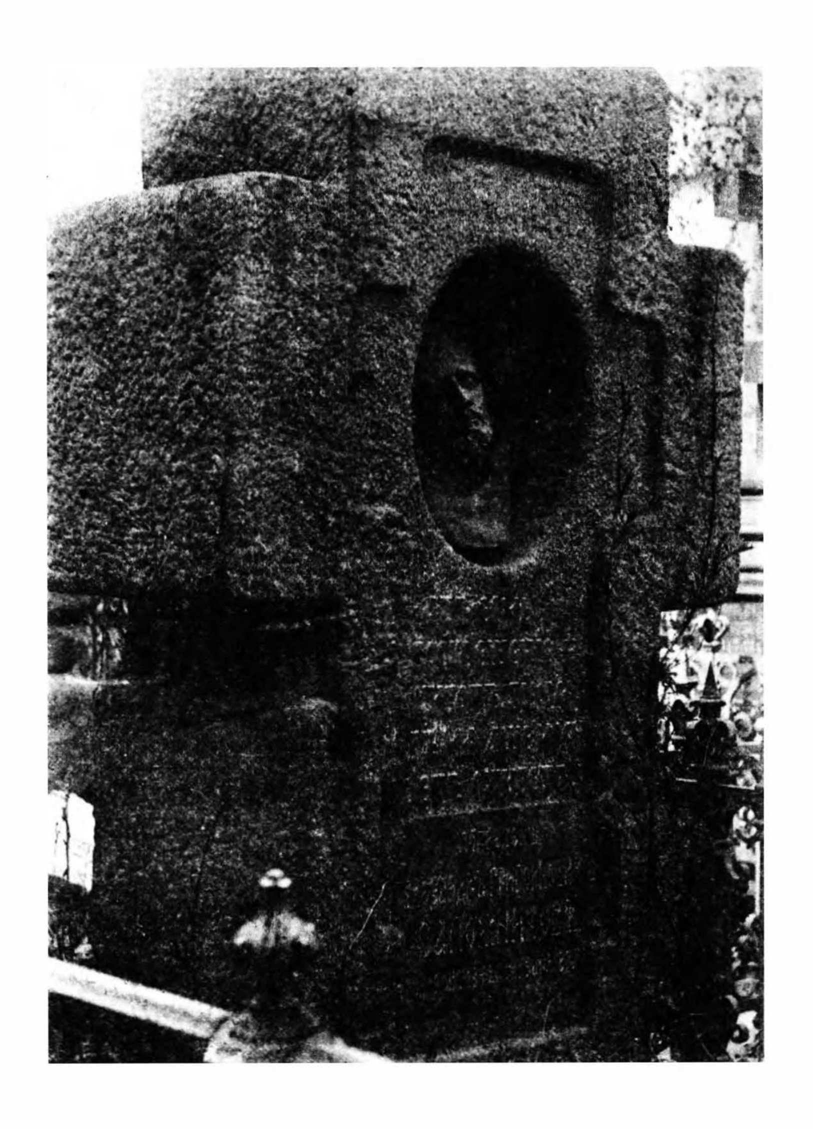
Близ колокольни, направо (при входе в монастырь), у самой ограды, заслуживает внимания небольшая часовня из серого камня, с надписью на доске над дверью: «Монахиня Досифея, урожденная княжна Тараканова». Внутри часовни видны образ преподобной Досифеи и небольшой портрет красками Таракановой. Толстые стены часовни, облупившаяся сверху штукатурка напоминают как-то невольно тюрьму.

Сзади часовни выступает большой кусок прежней гробницы, находившейся на могиле до устройства часовни. На этом камне была надпись: «Под сим камнем положено тело усопшия о Господи монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монастыре 25 лет и скончавшейся февраля 4-го 1810 г. Всего ея жития было 64 года. Боже, всели ее в вечных твоих обителях».

Как полагают, это дочь императрицы Елизаветы от тайного брака с Алексеем Разумовским. Но это не та

«Княжна Тараканова» или «Принцесса Володимирская», которая всем известна по романам Данилевского и гр. Салиаса, скончавшаяся в Петропавловской крепости от чахотки (а не утонувшая во время наводнения, как это изображено на известной картине Флавицкого). Героиня романов была не дочь Елизаветы, а только самозванка. О ней П. Мельников написал обширное исследование с выдержками из сделавшихся известными документов. Личность настоящей дочери Елизаветы еще менее известна [5].

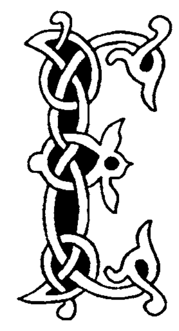

Могила А.Г. Сапожникова

Часовня над могилой инокини Досифеи
(княжна Тараканова)

РОГОЖСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ

сли под Рогожским кладбищем подразумевать собственно только кладбище, то это будет большая неточность. Здесь общий деревянный забор заключает целый поселок, целый ряд старообрядческих учреждений, известных всей старообрядческой России. Три храма, огромная колокольня древнего стиля, сооруженная в память закона о веротерпимости 1905 года по проекту архитектора Горностаева и стоившая до 500 000 руб. составляют центр кладбища. По краям — каменные и деревянные дома богаделен, приютов, жилищ духовенства, служб и проч. представляют целые улицы.

Рогожское кладбище было основано в 1771 г., во время чумы. Тогда там была устроена только небольшая деревянная часовня для отпевания умерших чумою.

Теперь под кладбище занята лишь меньшая часть всей площади, налево от входа в главные ворота, со стороны Старообрядческой улицы.

Первое, на что обращаешь внимание при входе на кладбище, — это характерно строгий однообразный вид могильных памятников. Почти все памятники сводятся к трем основным типам: гробницам, крестам на постаментах и более простым крестам — голубцам. Попадаются еще высокие четырехгранные кирпичные столбы, относящиеся к концу XVIII века, т. е. к первым десятилетиям существования кладбища. Не видно ни цинковых крестов, заполняющих бедные уголки православных кладбищ, ни фигурных надгробий. Все кресты однообразной восьмиконечной формы. Однообразие памятников придает кладбищу строгий, суровый вид. Здесь кончилась суета шумной и пестрой жизни и над тайною смерти встали на страже

мрачные темные надгробия, испещренные текстами о покаянии, о прощении грехов. Здесь не место суете, здесь властно звучат слова из книги Екклезиаста: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу. кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь».

Боковые асфальтовые дорожки переходят в кирпичные, а те разбегаются дальше тропинками и оканчиваются там, где убогие деревянные голубцы скрываются в густой поросли, где тихо шелестят старые березы и трепещут клены.

Но и на этом кладбище, где среди старозаветных голубцов и гробниц были чужды беспокойные искания новых форм современного искусства, все же проник дух времени, как это наглядно показывает памятник-часовня на могилах Мануйловых [1]. Роскошные формы модерна ярко расцвечены красными и желтыми стеклами. Лучи солнца, прорезывая их, дают яркое крикливое пятно на мрачном траурном кладбище. К такому же роду относится в конце главной дорожки, направо, колоссальная плита красного гранита с огромным крестом, за стильной чугунной решеткой, на могиле Ф. В. Татарникова [2].

На главной дорожке собрались усыпальницы именитого старообрядческого купечества. Тут — под защитным шатром — беломраморная часовня Морозовых, немного дальше — массивные гробницы черного мрамора Рябушинских, затем место Трындиных и т. д. [3]

Если при входе на кладбище свернуть по первой боковой асфальтовой дорожке направо, то с краю на левой стороне выступит обширное огороженное место Солдатенковых [4]. На одной из первых гробниц встречается надпись:

Коммерции советник
Козьма Терентьевич
СОЛДАТЕНКОВ
родился 10-го октября 1818 года,
скончался 19-го мая 1901 года.

К. Т. Солдатенков оставил по себе добрую память: на

его капитал около двух миллионов руб. город устроил на Ходынском поле образцовую больницу «для всех бедных, без различия званий, сословий и религий».

К. Т. был близок и к родной литературе. Известны его отношения к Чернышевскому и другим писателям. Он сам издал много полезных книг. Издавал он не ради тщеславия и не потому, что были лишние деньги, нет, ему хотелось издать те книги, в пользе которых он не сомневался. Насколько он интересовался выходом в свет хороших книг, хотя бы и чужого издания, показывает рассказанный в «Историческом Вестнике» за апрель 1914 г. Я. Колубовским случай. Колубовский был в то время секретарем журнала «Вопросы философии и психологии». Журнал издал в декабре 1891 г. книгу Гефдинга «Очерки психологии». «О дне выхода, – рассказывает Колубовский, было объявлено особо. И вот рано утром, когда редакционный служащий ушел за покупками и я остался один, раздался довольно резкий звонок. Почтальон, правда, еще не был, но он всю корреспонденцию опускал в ящик. Во всяком случае, не его звонок. Выхожу отворить, и через стеклянную дверь вижу благообразного старика в богатой шубе, а у подъезда сани чисто московского типа с крытым возком.

– Вышел Гефдинг? — спросил старик.

— Да, сегодня выходит, часам к двенадцати привезут из типографии.

— А у вас теперь нет экземплярчика?

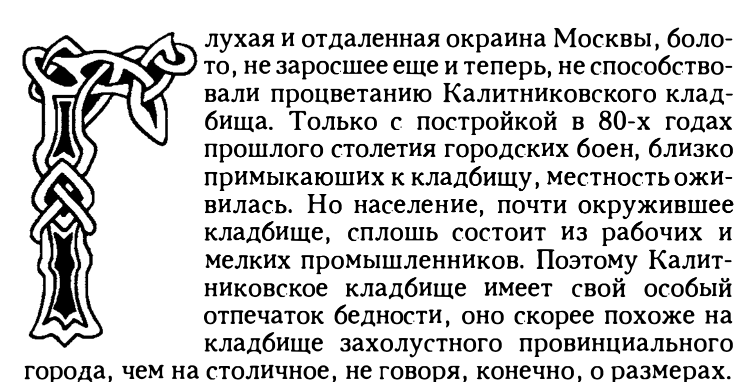
— Есть, да только из числа тех, которые были наспех приготовлены для цензуры. Последние листы в них тиснуты кое-как.

– Ничего, дайте мне его, а к вечеру я вам пришлю его для обмена.

Старик взял у меня имевшийся пока единственный экземпляр и резким движением спрятал его под шубой. Он точно боялся, что я спохвачусь и возьму книгу обратно.

Случаю угодно было, что я в тот же день узнал, кто был первым покупателем книги Гефдинга. Вечером, опять в такое время, когда служителя не было, мне пришлось выйти на звонок. Дворник принес книгу, купленную утром, и просил ее обменять, как было обещано. На мой вопрос, от кого это, дворник с усмешкой ответил: «Да у вас ведь сами-с Кузьма Терентьич были-с!»

КАЛИТНИКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Глухая и отдаленная окраина Москвы, болото, не заросшее еще и теперь, не способствовали процветанию Калитниковского кладбища. Только с постройкой в 80-х годах прошлого столетия городских боен, близко примыкаюших к кладбищу, местность оживилась. Но население, почти окружившее кладбище, сплошь состоит из рабочих и мелких промышленников. Поэтому Калитниковское кладбище имеет свой особый отпечаток бедности, оно скорее похоже на кладбище захолустного провинциального города, чем на столичное, не говоря, конечно, о размерах.

Кладбище расположено на небольшом пригорке, спускающемся к болоту, отчасти вошедшему в ограду в виде заростающего пруда, отчасти, за оградой, использованного под канализационный парк городской управы. Небольшой овраг разделяет кладбище на две половины: ближайшую к церкви — лучшую и за оврагом — беднейшую. Распланировано кладбище негустою сетью главных дорожек, боковых же почти нет и к могилам приходится проходить целиною, заросшею кустарниками. Такая распланировка, может быть, и неудобна для избалованного горожанина, имеет свою прелесть именно в неустроенности, заброшенности отдельных уголков. О таких уголках кладбищ поэт говорит:

На ближнем кладбище я знаю уголок:
Свежее там трава, несмятая шагами,
Роскошней тень от лип, склонившихся в кружок,
И звонче пенье птиц над старыми крестами.

(Надсон).

Бедны надгробные памятники, неизвестны и неблагозвучны имена на них разных Редькиных, Колбасиных, в которых угадываются мелкие местные торгаши. Можно исходить все кладбище, и ни одна могила не привлечет внимания ни художественностью исполнения надгробия, ни громким именем покойного. Здесь покоятся те, кто при жизни составлял толпу, но, кто знает?

...Может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

(Жуковский).

За церковью, почти у самой алтарной стены выделяется художественностью работы большой крест черного мрамора, прекрасно орнаментированный бронзой в русском вкусе. Памятник этот исполнен по проекту Петрово-Ропета и воздвигнут на могиле архитектора Ивана Семеновича Богомолова [1] (1841-1886), одного из выдающихся самостоятельных представителей русской архитектурной школы национального стиля. Калитниковское кладбище не случайно украсилось его памятником. Поднявшись над толпою силою своего таланта, он по происхождению принадлежал к этой толпе. Отец его был крестьянином и имел лавку, в которой И. С. торговал около года. С трудом пришлось ему убедить отца не препятствовать поступлению в Строгановское училище, первую ступень, по которой он начал подниматься из Калитниковских низин к светлому храму Академии, куда поступил в 1863 году.

И. С. Богомолов похоронен среди своих родственников. На могиле его матери М. А. Богомоловой (ум. 1874) стоит белая мраморная гробница, с красиво брошенной розой [2].

Перед церковью есть еще хороший памятник на могилах семейства Бирюковых — широкая большая арка, окруженная чугунною оградою, с лапчатыми стилизованными листьями.

В глубине кладбища, с левой стороны, напротив кладбищенских домов (тут же и продажа памятников) интересен чугунный обелиск на могиле купца Н. Я. Соколова [3] (ум. 1874). Довольно хорошей работы, он задуман и

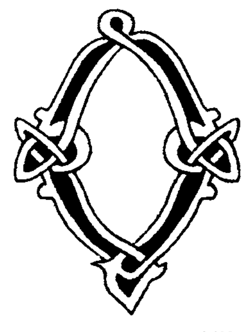
исполнен со всеми деталями таких памятников, украшающих обыкновенно могилы родовой аристократии. Художник нарисовал и геральдические медальоны, но что поставить в них приличествующего для купца? Художник нашелся — скрещенный факел и коса, заключенные в лавровый венок, отлично заменили родовой герб.

Вот почти и все, что можно сказать о надгробиях Калитниковского кладбища, добавив разве образец эпитафии местного производства, очень напоминающей народную частушку:

Спи друг ты мой,
Тебе вечный покой,
Супруг ты мой прелестный.
Я рассталась с тобой,
День пришел судьбы такой
Слез и горести моей
Не забуду, друг мой милый,
До могилы до своей
Я воздвигла камень сей
К чести памяти твоей [4].

КЛАДБИЩЕ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

поясанный древними стенами, с огромными боевыми башнями и стрельницами, монастырь гордо красуется на высоком берегу реки Москвы. На страницах его истории написаны осады, отражения, пожары, все то, что переживали боевые крепости средневековья. Окрестности монастыря, с воспетым Карамзиным Лизиным прудом, были очаровательны, но теперь все это отдано в жертву промышленности, застроено заводами, залито нефтью, покрыто копотью каменного угля.

Монастырь даже и в наши дни, когда к его обросшим мохом башням и стенам суетливо подбегает городской трамвай, все же считается на отдаленнейшей московской окраине, а раньше он был далеко за городом, в полном уединении. Вероятно, благодаря этому кладбище Симонова монастыря не процветает. Занимая сравнительно много места под сенью древних стен и соборов, оно заселено слабо и мало заселяется в последнее время. Не видно ни художественных старых скульптур, ни современных дорогих глыб мрамора, не бросаются в глаза и имена родовой аристократии, даже нет здесь представителей известных купеческих фамилий.

Кладбище содержится плохо, дорожки не прокладываются, а наиболее заслуживающая посещения часть кладбища, за трапезной церковью, обнесённая деревянной оградой, совсем заросла сорной травой, и калитка туда почему-то всегда на замке.

В этой части кладбища, между трапезной церковью и церковью Сошествия св. Духа, погребены близко друг от

друга Д. В. Веневитинов [1], С. Т. и К. С. Аксаковы [2] и Вадим Пассек [3].

Ближе к церкви Сошествия св. Духа, за решеткой, среди других фамильных памятников, лежит большая, без украшений, гранитная плита с медными рельефными буквами:

Под сим камнем погребено тело
Дмитрия Владимировича
ВЕНЕВИТИНОВА
родившегося 1805 года сентября
14 дня и скончавшегося 1827 года
от роду ему было 21 год 6 месяцев и 1 день.
Как знал он жизнь,
Как мало жил!

Краткая и выразительная эпитафия из пьесы «Поэт и друг» самого Веневитинова лучше подробной биографии рисует его образ. В лице поэта он говорил:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!

Так писал юноша 20 лет... «Как знал он жизнь, как мало жил!»

Написал Веневитинов мало, для этого он мало жил, но трудился, по свидетельству современников, очень много. «У него в 24-х часах, из которых составлены сутки, не пропадет ни минуты, ни полминуты. Ум и воображение, и чувства в беспрестанной деятельности. Как скоро он встал, и до самого того времени, как он выезжает, он или пишет или бормочет новые стихи; приехал из гостей, весело ли ему было или скучно, опять за то же принимается, и это продолжается обыкновенно до 3-х часов ночи».

Умер Веневитинов от тифа. Перед смертью его друг Ф. С. Хомяков надел ему на руку перстень, найденный в какой-то гробнице Геркуланума, который он хотел надеть только перед венцом или кончиной. «Разве я венчаюсь?» — спросил, придя в сознание, умирающий юноша. Вот его стихотворение к этому перстню.

Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла...
Нет, дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И, если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье,
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и, быть может,

Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя откроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты будешь другом ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

Немного правее могилы Веневитинова белеют два совершенно одинаковых мраморных креста на могилах Аксаковых. Надписи на них также расположены в одном порядке:

Сергей Тимофеевич
АКСАКОВ
родился 20 сентября 1791 г.
скончался 30 апреля 1859 г.

и —

Константин Сергеевич
АКСАКОВ
родился 29 марта 1817 г.
скончался 7 декабря 1860 г.

В русской литературе есть два «дедушки» — стихотворец Крылов и прозаик С. Т. Аксаков. Кто не знает постарчески благодушных рассказов Аксакова из «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова внука», поэтических очерков «Записки ружейного охотника» или «Записки об уженьи рыбы»?.. Он написал их не для славы, не для денег, писал сам для себя, для своего утешения. Когда наступила зима его жизни, это был для него утешитель —

Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель,
Ухожу к нему порой...
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И в свои младые годы!

Патриархальная помещичья жизнь в Абрамцеве нашла в нем лучшего изобразителя ее положительных сторон. Именно с этой плоскости представлялась ему жизнь доброго и честного помещика, отца своих крестьян. В произведениях Аксакова надо видеть чисто художественные картины, сочные яркие краски и забыть социальное зло, старое, как мир, власти человека над человеком, какую бы форму крепостничества оно не принимало. И тогда так отрадно бывает порою уйти из нашего стремительно несущегося на автомобилях и аэропланах века в тот век, когда ездили на долгих, среди необозримых ржаных полей, в прохладе векового бора, переправлялись на паромах через бурлившие в половодье реки, дремали зимою в уютно укрытых кошмами кибитках, под которыми на морозе скрипели полозья, а кругом расстилалась мертвая сверкающая равнина, залитая светом полного месяца...

«Чувство благоволения, — говорит А. С. Хомяков, — и любви, любви благодарной небу за каждый его светлый луч жизни, за каждую ее улыбку, и всякому доброму человеку за всякий его добрый привет, любви, укреплявшей душу против долгих страданий, и усмирявшей ее во время этих страданий, любви, дошедшей в последние дни до духовной радости... это чувство положило на все произведения С. Т. Аксакова свою особую печать. Оно-то и дает им несказанную прелесть; оно делает их книгою, отрадною для всех возрастов, от юности, собирающей свои силы, чтобы схватиться с жизнью, до старости, ищущей душевного покоя, чтобы отдохнуть от нее».

Сын Сергея Тимофеевича — Константин Сергеевич, глава московских славянофилов, «Белинский славянофильства», примыкал сначала к кружку Станкевича, а когда этот кружок распался и бывшие друзья превратились во врагов, примкнул к кружку славянофилов Хомякова и Киреевских. Он страстно верил в особое предназначение русского народа. Чтобы ближе слиться с народом, он первый из славянофилов надел косоворотку и знаменитую мурмолку, костюм, над которым так смеялись враги славянофильства. Аксаков подал императору Александру II записку, в которой изложил схему взаимоотношений народа и государства: монархическому государству принадлежала, по его мнению, неограниченная власть государственная и политическая, а народу свобода жизни и

духа, свобода мысли и слова. Деятельность такого славянофила была признана вредною, и хотя его не преследовали, как его бывших товарищей западников, но в печать не допускались многие его произведения.

В этом отношении политические антагонисты снова сблизились, хотя едва ли между ними были порваны все интимные внутренние нити, которыми они были раньше связаны. Что эти нити продолжали еще невидимо их связывать, свидетельствует небольшой эпизод, припоминаемый Герценом: «В 1844 г., когда наши споры дошли до того, что ни «славяне», ни мы не хотели более встречаться, я как-то шел по улице, К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. «Мне было слишком больно, — сказал он,проехать мимо вас и не проститься с вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вашу руку и проститься». Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах, как я любил его в эту минуту ссоры».

Да и может ли быть совершенно чужд кружку честно мыслящих русских людей, хотя бы и западников, славянофил, написавший стихотворение «Свободное слово»:

Ты — чудо из божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя.
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
В животной же силе нет прока:
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждует ли с ложью — равно
Живит его жизнию новой...
Неправде опасно одно —
Свободное слово!

Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство — там бунт и беда,
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей —
На нож он меняет оковы...
Оружья свободных людей —
Свободное слово!
О, слово, дар Бога святой!
Кто слово, дар божеский свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О, духа единственный меч —
Свободное слово!

Позади могил Аксаковых — могила Пассека. На ней стоит гранитный конус, обращенный острием вниз и перебитый кубом. Все стороны куба испещрены надписями и текстами:

Погребено тело
Вадима Васильевича
ПАССЕКА,
Родился 1808 года 20 июня
скончался 25 октября 1842 года

Господи не вниде в суд с рабом
Твоим яко не оправдаться пред
всяк живый. Пса. 142 ст. 2.

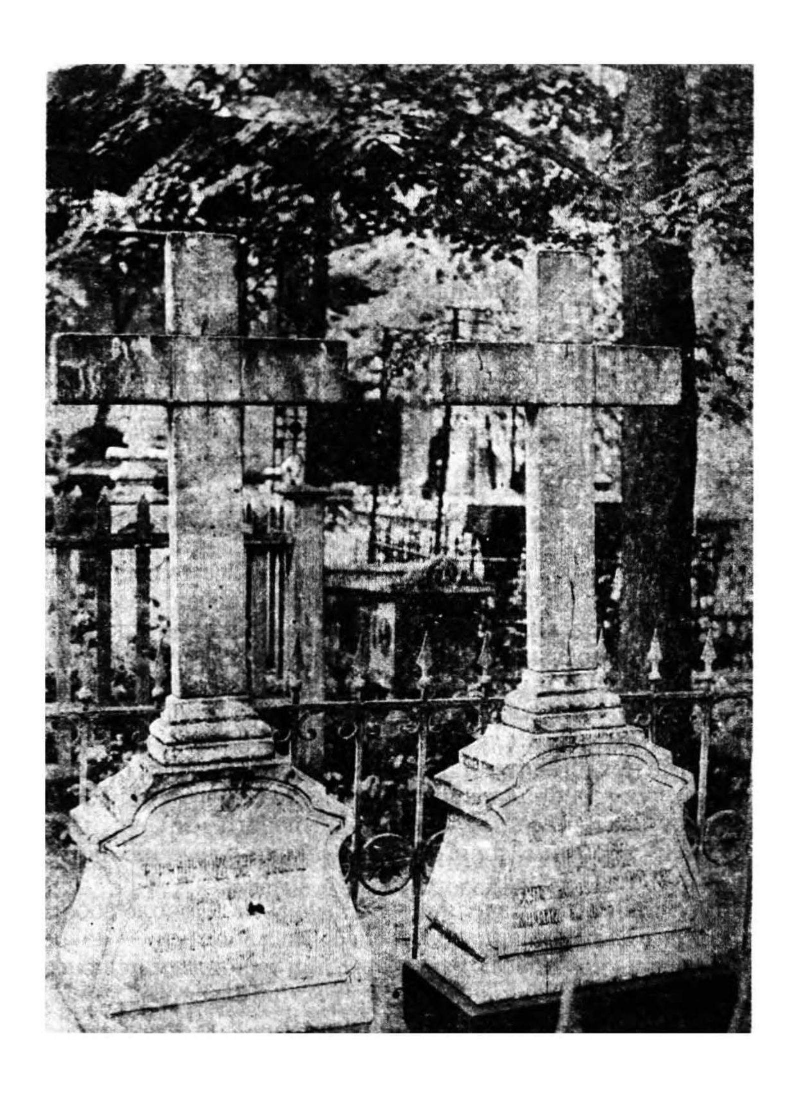
Любите враги ваша благословите
клевещущия вы добро творите ненавидящим
вас и молитеся за творящих вам
напасть и изгоняющия вы.
Мат. V ст. 44.

Иже не приимет креста своего
и в след мене грядет несть
мене достоин.

«Ritter aus Tambow», как его окрестили друзья и в их числе товарищ по университету Герцен, был страстным историком-этнографом и одним из первых представителей украинофильства. Он написал «Путевые записки Вадима», «Очерки России», появившиеся в 1842 году в 5 томах.

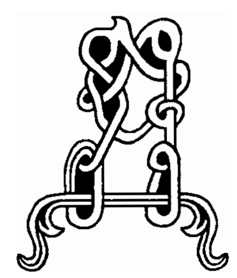
Отец Пассека, вследствие какого-то политического доноса, при Павле попал в Сибирь, где родился, рос среди многочисленной семьи и учился у отца Вадим. По возвращении из Сибири семейства Пассеков, Вадим женился на «Корчевской кузине» Герцена — известной впоследствии своими «Воспоминаниями» Татьяне Пассек. Обещали было ему кафедру в Харьковском университете, но за знакомство с какими-то неблагонадежными людьми — не дали. Растратив много сил в тяжелой борьбе с нуждой, Вадим умер от чахотки и попал на вечный покой в святые стены Симонова монастыря по протекции ценившего его за ученые изыскания симоновского архимандрита Мельхиседека.

Могилы С.Т. и К.С. Аксаковых

КЛАДБИЩЕ ДАНИЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

аниловский монастырь находится почти на берегу Москвы-реки, недалеко от Донского монастыря. Но кладбища этих смежных монастырей совершенно различны; тогда как Донской монастырь привлекал в свои стены всю знать Москвы, Даниловский почему-то оставался в тени. Попадаются и тут, конечно, отдельные памятники родовой аристократии, например, князей Голицыных (кстати, этот род рассеян решительно по всем московским кладбищам), но в большинстве здесь погребены все люди простого происхождения, а на новом кладбище как будто даже с гордостью пишут на памятниках «крестьянин». Нет знати, нет и ценных художественных памятников.

Взамен этого, кладбище Даниловского монастыря знаменито могилами славянофилов, это — настоящий уголок, где представители славянофильства и люди, близкие им по духу, собрались в тесную семью. К ним присоединились некоторые представители ученого мира и, наконец, чем особенно дорого это кладбище, здесь находится могила Н. В. Гоголя [1].

Все кладбище разделяется на две части — около собора старое и дальше направо, за особыми воротами — новое.

Могилы почти всех известных лиц находятся недалеко друг от друга, около собора, настоятельского дома и церкви Живоначальной Троицы.

Войдя в главные ворота, надо идти прямо по широкой дорожке к настоятельскому дому. Здесь, у бокового входа в дом, находится могила Н. В. Гоголя. Первоначально на ней была гранитная глыба с простым крестом. Потом добавили высокую гладкую плиту черного мрамора и

обнесли могилу красивою решеткою. Под крестом приделана металлическая доска с надписью:

По случаю исполнившегося
пятидесятилетия со дня смерти
Николая Васильевича Гоголя
почитателями возжена на могиле его
неугасимая лампада и установлено вечное
на литургии ежедневное поминовение.

На плите сверху:

Здесь
погребено тело
Николая Васильевича
ГОГОЛЯ *
родился 19 марта 1809 г.
скончался 21 февраля 1852 г.

Муж разумивый престол чувствия.
Притчей, гл. 12, ст. 23.

Правда возвышает язык.
Притчей, гл. 14, ст. 34.

Горьким словом моим посмеюся.
Иеремия, гл. 20, ст. 8.

Истинными же оуста исполнит смеха
оустне же их исповедания.
Иова, гл. 8, ст. 21 1.

---

* 20 февраля 1852 г. граф А. П Толстой созвал консилиум, на котором присутствовали доктора А. И. Овер, А. Е. Эвениус, С. И. Клименков, К. И. Сокологорский, А. Т. Тарасенков. Позднее прибыл И В Варвинский. Консилиум подтвердил диагноз профессора А. И. Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. С Гоголем обращались как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собой». Врачи действовали следующим образом: больного сажали в теплую ванну и обливали холодной водой; ставили к носу пиявки, тело обкладывали горчичниками. Но это лечение только

Сжатая между настоятельским домом и собором, в тесном уголке старого монастырского кладбища, где над головой не шумят тенистые ветви, нет травяного ковра и не пестрят полевые цветы, как далека эта могила от чарующего простора природы «Вечеров на хуторе близь Диканьки»! Но так же далек был от них и сам Гоголь перед кончиной, полный мистического ужаса перед загробной тайной. «Довольно! мне слишком страшно!» – остановил он аскетическую проповедь отца Матфея *. И вот он лежит в святых стенах обители, близ собора, у самой двери настоятеля, – все, к чему стремилась его больная душа, находится здесь же рядом. Тут может успокоиться уставшая жить душа человека. Но как далек отсюда прекрасный Божий мир, с его волнующими молодую душу картинами! Какие там дни, какие ночи! «Полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака; в поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки, или звонкий голос перепела отдается в степи «...»Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с средины неба глядит месяц; необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее; горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете, и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь!»

Близ Гоголя погребены его друг поэт Языков [2] и

ускорило смерть. Ночь с 20-го на 21-е Гоголь был уже в беспамятстве. Накануне кончины, часов в одиннадцать, он громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!» 21 февраля около восьми утра Гоголь преставился о Господе. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» По свидетельству доктора А. Т. Тарасенкова, прибывшего через два часа после кончины Гоголя, «лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие и ясную мысль, унесенную с собою за гроб». – *Примеч. ред.*

* Константиновский Матфей Александрович (1791-1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1849 г. протоиерей, настоятель Успенского кафедрального собора; проповедник, духовный отец Гоголя. – *Примеч. ред.*

товарищ по кафедре Петроградского университета Чижов.

На могиле Языкова, почти напротив Гоголя, стоит высокий черный квадратный камень, с медным крестом. На камне написано:

Николай Михайлович
ЯЗЫКОВ
родился в Симбирске 4 марта 1803 года,
скончался в Москве 26 февраля 1846 года.
Блажени чистии сердцем яко тии Бога узрят.
Мат., гл. 5, ст. 8.

Поэт пушкинской плеяды, к которому сам Пушкин обращался с признанием:

Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе!

Которым он восторгался:

Как ты шалишь и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!

Этот поэт перед кончиной вдался в крайнее ханжество. К этому последнему периоду его жизни относятся нападки на «инако мыслящих». Таковы известные стихотворения «К не нашим» и «Послание к П. Я. Чаадаеву», переходящие местами в грубую брань.

Так, раздраженный неудачами в жизни, больной, кончил жизнь свою поэт, когда-то смотревший на мир иными глазами:

Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну попировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

В свое время Языков пользовался большим успехом, стихи его читались с увлечением. Еще недавно, без преувеличения можно сказать, по всей России распевали его «Пловца», звавшего в неизведанные дали, туда, где

...за далью непогоды
Есть блаженная страна;
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

Под одним памятником с Языковым похоронен его земляк Д. А. Волуев [3], о чем указывает надпись на одной стороне памятника:

Дмитрий Александрович
ВОЛУЕВ
родился в Симбирске 14 апреля
1820 года,
скончался в Новгороде 23 ноября
1845 года.

Д. А. Волуев принадлежал к литераторам-славянофилам, он первый выступил в литературе с проповедью славянофильских воззрений. Много трудился, собирая документы по русской истории.

Тут же, совершенно одинаковый с памятником Языкова, памятник на могиле А. С. Хомякова [4]; на нем имеются надписи:

Алексей Степанович
ХОМЯКОВ
родился 1804 года мая 1-го дня
скончался 1860 года сентября 23-го дня

Аще беззакония разрешил Господи, Господи
кто постоит. Псал. CXXIX, 3.

Аще умрохом со Христом
веруем яко и живы будем
с ним. К Рим. Гл. VI, ст. 8.

Блажени алчущие и жаждущии правды:
яко тии насытятся. Мат. Е. [5].

Под этим камнем лежит прах того, кто был славянофилом, поэтом, религиозным мыслителем, учителем церкви, изобретателем и пр. Полиция подозревала его в неверии в Бога и в недостатке патриотизма, а журналы осмеивали за национальную исключительность и религиозный фанатизм. Одно время Хомяков, вместе с другими славянофилами, настолько проникся самобытностью славянского племени, что даже ходил в каком-то особом костюме, состоящем из мурмолки и зипуна. К какому течению примыкал бы теперь этот выдающийся человек, написавший в 1854 г. известные стихи «К России»?

Вставай, страна моя родная,
За братьев. Бог тебя зовет!..
....

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго...
А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, тьмы тлетворной,
И лени мертвой, и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

Любопытна характеристика Хомякова, сделанная М. П. Погодиным. «Хомяков писал проекты об освобождении крестьян за много лет до состоявшихся рескриптов, предлагал планы земских банков, или, по поводу газетных известий, на ту пору полученных, распределял границы американских республик, указывал дорогу судам, искав-

шим Франклина, анализировал до мельчайшей подробности сражения Наполеона, читал наизусть по целым страницам из Шекспира, Гете или Байрона, излагал учение Будды и буддийскую космогонию. И в то же время Хомяков изобретает какую-то машину с сугубым давлением, которую посылает на английскую всемирную выставку, и берет привилегию; создает какое-то ружье, которое стреляет дальше всех, предлагает новые способы винокурения и сахароварения, лечит гомеопатией все болезни на несколько верст в окружности; скачет по полям с борзыми собаками зимней порошей за зайцами и описывает все достоинства и недостатки собак и лошадей, как самый опытный охотник, получает первый приз в обществе стреляния в цель, а ввечеру является к вам с сочиненными им тогда же анекдотами о каком-то диком прелате, пойманном в костромских лесах, о ревности какого-то пермского исправника к распространению христианской веры, за которое был он представлен к св. Владимиру, но не мог получить его потому, что оказался мусульманином».

Напротив угла настоятельского дома, в массивной чугунной ограде, находится плита и белый крест с надписью:

Федор Васильевич
ЧИЖОВ *
родился 27 февраля 1811 года
скончался 14 ноября 1877 года [5].

Сослуживец Гоголя по Петербургскому университету, он и по своим убеждениям заслужил это место.

Рядом с могилою Языкова возвышается высокая колонна белого мрамора, увенчанная урной с крестом. Ее воздвигли, как это видно из надписей:

Юрию Ивановичу
ВЕНЕЛИНУ
одесские болгаре 1841.
родился 1802 года
скончался 1839 года.

* Чижов Федор Васильевич (1811-1877), математик, адъюнкт-профессор Петербургского университета (1832-1845), литератор, искусствовед, впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, издатель и редактор сочинений Гоголя. – *Примеч. ред.*

Боже всемогущий!
услыши
молитву раба твоего!

Напомнил свету
о забытом,
но некогда славном
племени Болгар
и пламенно желал
видеть
его возрождение [6].

Неутомимый исследователь Болгарии, он много содействовал к возрождению болгар, будил в них задремавшие под вековым игом стремление к самостоятельной жизни, любовь к своему языку, образованию. У могилы Венелина как-то невольно вспоминается образ тургеневского Инсарова, с его самоотверженной любовью к угнетенной, исстрадавшейся родине.

У самого угла настоятельского дома стоит очень заметный столб черного гранита, с надписями:

Федор Лукич
МОРОШКИН
Ординарный профессор
Императорского Московского университета
Инспектор Коммерческой Академии
Действительный Статский Советник
1804-1857

Любимому Инспектору
сослуживцы, преподаватели и воспитанники
Академии
С участием его семейства.

Блажени чистии сердцем
яко тии Бога узрят.
Матф. V. 8.

Жизнь профессора не обильна деяниями,
она есть поток мышления,
жизнь в области отвлеченной,
куда не проникают ни перевороты,
ни дрязги жизни дольней.
Автобиография Морошкина, стр. 112 [7].

Морошкин происходил из духовного звания и до поступления в университет учился в Тверской семинарии. Как юрист и историк, в своих трудах он проводил тогда еще новое историческое направление в изучении права. Из трудов его можно назвать: «Об Уложении царя Алексея Михайловича», «Кафолический дух римского права», «Рецензия на книгу подъячего Котошихина» и др. В позднейшем труде по историографии о начале России, он свернул на старую дорогу, к прежним приемам.

Напротив Чижова находится недавняя могила с деревянным крестом профессора Московского университета Владимира Андреевича Тихомирова, родившегося в 1843 году и скончавшегося 14 октября 1915 года. Покойный занимал кафедру фармации и фармакогнозии. Изучал и собирал лекарственные растения на месте их родины в Китае, Японии, Яве, Цейлоне и др., составил учебник и курс по фармакогнозии [8].

Близ входа в собор, направо, погребен видный член кружка славянофилов Ю. Ф. Самарин. На его могиле поставлен большой темный памятник с белым крестом. На памятнике с разных сторон вырезаны надписи:

Блажени
алчущие и жаждущие правды.
Юрий Федорович
САМАРИН
родился в Петербурге
21 апреля 1819 г.
скончался в Берлине
19 марта 1876 г.

Се воистину Израильтянин
в нем же льсти несть.
Иоанн I, 47.

Аминь глаголю вам
понеже сотвористе единому
сих братий моих
меньших, мне сотвористе [9].
Матф. XXV, 40.

В вопросах общественных Ю. Ф. Самарин был убежденным сторонником реформ, в области религии... но об этом лучше скажет небольшой отрывок из его статьи: «Вера, по существу своему, не сговорчива, и в сделки с нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, в той мере, в какой она нам нужна для наших целей, хотя бы и законных. Вера воспитывает терпение и обуздывает личные страсти — это так; но нельзя прибегать к ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить или пристращать расправою на том свете. Вера не палка, и в руках того, кто держит ее как палку, чтобы защитить себя и пугать других, она разбивается в щепы. Вера служит только тому, кто искренно верит: а кто верит, тот уважает веру; а кто уважает ее, тот не может смотреть на нее как на средство. Требование от веры какой бы то ни было полицейской службы есть нечто иное, как своего рода проповедь неверия, может быть опаснейшая из всех, по ее общепонятности». В религии русского народа он видел тайну Промысла: «Что за тайна религиозная жизнь народа, предоставленного самому себе и невежественного, как наш! Спрашиваешь себя, откуда она берется, и когда пытаешься открыть ее источник, не находишь ничего. Наше духовенство не обучает, оно только отправляет службы и совершает таинства. Для людей, не умеющих читать, св. писание не существует; остаются, значит, как единственные узы, между церковью и личностью, богослужения и те немногие молитвы, которые переходят от отца к сыну. Но оказывается (и я лично убедился в этом), что народ — по крайней мере в наших местах — решительно ничего не понимает в богослужебном языке, ни даже «Отче наш», которое он произносит с пропусками и прибавками, лишающими его всякого смысла. Между тем во всех этих непросвещенных сознаниях есть, как в Афинах, неизвестно кем воздвигнутый алтарь невидимо-

му Богу; для всех их действительное присутствие провиденциальной воли во всех событиях жизни есть настолько бесспорный и заведомый факт, что, когда приходит смерть, эти люди, никогда ни от кого не слышавшие о Боге, открывают ей двери, как знакомому и давно желанному гостю. Они отдают душу Богу в буквальном смысле слова».

Налево от входа в собор, на краю дорожки, сразу можно найти большую плиту с крестом и надписями:

Заслуженный профессор
Московского университета
Академик
Николай Саввич
ТИХОНРАВОВ
род. 3 окт. 1832 г. ум. 27 ноября 1893 г.

Помянух дни
древния, научихся во
всех делах Твоих [10].

История русской литературы обязана ему тем, что он был одним из первых ученых, поставивших ее на строго научную почву. Автор «Летописей русской литературы и древностей», «Отреченных книг древней России» и других трудов, Тихонравов редактировал, между прочим, собрание сочинений Н. В. Гоголя.

Налево от собора, ближе к монастырской стене, с краю дорожки и около большой железной часовни, погребен один из старейших русских писателей, автор «Мелочей из запаса моей памяти» и переводчик од Горация М. А. Дмитриев. На его могиле стоит пирамида темного гранита с надписью:

Михаил Александрович
ДМИТРИЕВ
родился 23 мая 1796 г.
скончался 5 сентября 1866 г.

Пострадавый плотию преста
от греха [11].

Рядом — высокий полированный из темного гранита памятник на могиле его сына Федора Михайловича Дмитриева, род. 27 октября 1829 г., ум. 25 января 1894 г., написавшего вместе с Самариным брошюру «О революционном консерватизме» [12].

Отдельно, около церкви св. Живоначальной Троицы, на самом видном месте, нельзя не заметить памятник Н. Г. Рубинштейну. Это красивая усеченная пирамида черного мрамора с барельефным портретом. На памятнике два слова и даты:

Николай
РУБИНШТЕЙН
1835 — 1881 [13]

Сам талантливый пианист, он добровольно уступил пальму первенства своему гениальному брату, Антону Григорьевичу, к которому относился без всякой зависти, с самой искренней дружбой. Как директор Консерватории, Н. Г. получал много, но умер, не оставив ничего, — чисто артистическая натура его не мирилась с расчетливым накапливанием богатств. Чуткий, отзывчивый, он не чуждался людей, помогал им чем мог, и его все любили.

Любопытные сведения о погребении Н. Г. приводит А. И. Соколова в февральской книжке «Истор. Вестн.» за 1912 г. «Прах его, перевезенный в Москву, был встречен с большим торжеством, которое было омрачено только тем обстоятельством, что распорядителем церемонии явился московский купец А. Н. Алексеев, впоследствии московский городской голова, который внес даже в подробности грустной церемонии тот характер сумбурного комизма, который был присущ всему, в чем он принимал участие. Он распорядился зажечь с утра все фонари вдоль по пути следования печального кортежа, расставил каких-то рыцарей печального образа, сам забрался на коня и, никогда в жизни не быв ни искусным наездником, ни особенно эффектным кавалеристом, прогарцевал на всем длинном пути шествия печальной процессии по правую сторону траурной колесницы, вызывая удивление, а местами и неуместный, но неудержимый смех публики. Впоследствии в обществе существовала версия, будто бы так торжественно и оригинально хоронили в сущности вовсе не родного и близкого всей Москве Николая Григорьевича

Рубинштейна, а какую-то немецкую старушку-баронессу, умершую одновременно с Рубинштейном за границей и гроб которой на одной из промежуточных станций был заменен прахом незабвенного музыканта, который в силу этой посмертной путаницы отправился в вечное упокоение в мрачный склеп какого-то старинного германского замка. Оригинальная версия эта нашла себе подтверждение в том, что всем на погребении Рубинштейна бросился в глаза маленький объем ящика, вмещавшего в себе гроб — совершенно несогласный с ростом покойного Николая Григорьевича».

Рядом с Рубинштейном — тоже красивый памятник в форме древнего креста из серого гранита. Здесь погребен —

Владимир Александрович
ЧЕРКАССКИЙ
родился 2 февраля 1824 года
скончался 19 февраля 1876 года
в Сан-Стефано близ Царя-града [14].

— славянофил, убежденный сторонник освобождения крестьян от крепостной зависимости.

По другую сторону дорожки, направо от Рубинштейна, известный общественный деятель Д. Ф. Самарин. В тщательно усыпанной песком ограде поставлен высокий крест черного полированного гранита. На памятнике надписи:

Дмитрий Федорович
САМАРИН
родился 12 ноября 1831 года
скончался 2 декабря 1901 года.

Блаженны мертвие, умирающие
в Господе; ей говорит Дух,
они успокоятся от трудов своих...
Апокал. гл. 14 ст. 13.

Подвигом добрым подви
захся, течение скончах, веру соблюдох.
Посл. к Тим.
гл. Д ст. 3 [15].

Близко от входа в церковь св. Живоначальной Троицы покоится друг Хомякова и других славянофилов энергичный деятель рязанского земства А. И. Кошелев. Распространение в народе образования, местное самоуправление — вот цели, которые он преследовал в своих многочисленных статьях. Признавая необходимость освобождения крестьян с землею, Кошелев задолго до 1861 г. подал императору Николаю I записку. На его могиле — плита с крестом и надписью:

Александр Иванович
КОШЕЛЕВ
родился 9-го мая 1806 года
скончался 12 ноября 1883 года.

Блажени алчущии и жаждущии
правды, яко тии насытятся.
Ев. Матфея гл. 5 ст. 6.

Господь же дух есть, а идеже
дух Господень, ту свобода.
Ап. Пав. в гл. 3 ст. 17 [16].

Около ворот, ведущих на новое кладбище, обращает внимание высокая ионическая колонна на сером гранитном пьедестале, с изображением микроскопа и надписями:

Господи
приими дух его с миром.
Александр Иванович
БАБУХИН*

---

* Некоторые современники считали (против чего не возражал и сам Чехов), что прототипом героя «Скучной истории» в определенной степени послужил профессор Московского университета Александр Иванович Бабухин, лекции которого Чехов слушал на медицинском факультете.

А. И. Бабухин (1827 или 1835 — 1891), русский гистолог и физиолог. Открыл (1869) образование электрических органов рыб из эмбриональных мышечных клеток; впервые (1877) доказал двустороннее проведение возбуждения по нерву. — *Примеч. ред.*

заслуженный профессор
Императорского Московского Университета
родился 14 марта 1827 года
скончался 23 мая 1891 года

Отвергнув ложь, творите истину
каждый ближнему своему,
ибо мы члены друг другу.
Посл. ап. Павла к Ефес. гл. IV ст. XXV [17].

«У кого из питомцев Московского университета,-говорил Ю. Белоголовый в статье по поводу 25-летия со дня смерти Бабухина в «Рус. Вед.» от 22 мая 1916 г.,при имени проф. Бабухина не шевельнутся воспоминания об оригинальных чудачествах этого удивительного профессора. Среди других профессоров-оригиналов героических времен Московского университета его имя едва ли не окружается ореолом самых удивительных преданий. Уже одна его манера ходить и лето, и зиму в комнатах и на улице в шапке, шубе и калошах навеки запечатлела его имя в студенческом эпосе Московского университета. Но не одни воспоминания об его чудачествах, всегда симпатичных, всегда проникнутых горячей любвоью к преподаваемой им науке, привлекают к нему горячие симпатии студентов. В их памяти сохраняется еще ярче предание о проф. Бабухине как об удивительном труженике науки, отдавшем всего себя на ее служение. Всего ярче эта последняя черта характера Бабухина выступает из его решимости несмотря на свою мнительность поехать в такое далекое и трудное для тех времен (1876) путешествие, как в Египет, на Нил, когда ход его исследований над электрическими органами настоятельно выдвинул необходимость их изучения на живом материале».

Недалеко от могилы Бабухина, за воротами нового кладбища, направо от главной дорожки, почти с краю ее, погребен знаменитый художник-жанрист В. Г. Перов. Его памятник представляет круглый необработанный камень с черным неполированным крестом и доскою белого мрамора с надписью:

Василий Григорьевич
ПЕРОВ

род. 23 декабря 1833 г.
сконч. 29 мая 1882 г. [18]

Перов — это прозвище, данное художнику в детстве дьячком, у которого он учился, за красивый почерк. По происхождению же он был внебрачным сыном барона Григория Карловича Криденера, управляющего имениями. Сама судьба так захотела, чтобы отец русского реального жанра носил и русскую фамилию. Художественное образование Перов получил в Московском училище живописи и ваяния. Его первая картина реалистического направления «Приезд станового на следствие» сразу вызвала положительную оценку Рамазанова в «Московских Ведомостях»: «В этом произведении юного художника видно, кроме природного дарования к изображению сцен народного быта, еще и замечательное художественное исполнение: задуманный сюжет сочинен, обставлен и исполнен весьма удовлетворительно; что касается до характеров, то в каждой фигуре видим мы столько выражения, что при большей опытности художник обещает быть наряду с лучшими жанристами».

Рамазанов предугадал будущность художника. Перов высоко поднял знамя служения истине, его кисть не давала только одни красивые линии и гармоничные сочетания красок, она выявляла темные и светлые стороны жизни, заставляя задумываться над явлениями, которые равнодушно проходились мимо.

Кто не задерживался в размышлении перед картинами «Проводы покойника», «Утопленница», «Тройка», перед кем не вставал наяву своеобразный быт при виде картин «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Сельский крестный ход», «Произведенный в первый чин» и кто не любовался как живыми отжившими типами прошлого «Рыболов», «Птицелов», «Охотники на привале».

Историческая живопись Перова, которой он занялся уже после жанра, слабее; лучшей картиной является «Никита Пустосвят». Кроме этого, гений Перова дал ряд выдающихся портретов: Писемского, Достоевского, Тургенева, Даля, А. и Н. Рубинштейнов и мн. др.

Здесь на кладбище монастыря, у свежей могилы Перова, Д. В. Григорович произнес речь, которую так кстати будет восстановить здесь:

«Присутствующие! Вместе с гробом, который мы толь-

ко что опустили в землю, соединяются не только для всех нас, но и для всего русского общества две крупные потери: с одной стороны, русское искусство лишилось одного из самых крупных своих представителей, с другой — русское общество лишилось высокой нравственной личности, а они в настоящее время так редки... Не место здесь оценивать достоинства Перова, как художника,скажем только и, думаю, не ошибемся в нашем замечании, что Перов есть настоящий представитель того рода живописи, который теперь преследуют все русские художники. Первую картину из обыденной жизни в тридцатых годах написал Венецианов — «Причащение больной», но Венецианов — живописец сентиментальный... За ним явился Федотов, но Федотов — сатирик. Один Перов, и он первый из художников, познакомил нас с правдивым направлением этого рода живописи; он — поэт чувств, поэт задушевных движений... Припомним его картину «Похороны». Перед нами — сани с женщиной и детьми. Видна только спина женщины. Как сделал художник, мы не знаем, — это тайна его высокого таланта; но глядя на эту одну спину, сердце сжимается, хочется плакать... Заплачем и мы: не стало того, который писал эту чудную картину, — его уже нет, нет и не будет... Припомним еще одну картину: «Проповедь сельского священника». Там, в середине картины, овдовевший мужик и двое его сирот. Много видел я в живописи передачи душевных проявлений; но таких лиц, как этих двух детей, я еще не встречал. Здесь как бы исчезают и краски, и кисть, и искусство... Все это как бы истекает из одного глубокого, задушевного чувства. Так писать мог человек, который сам глубоко чувствовал. Но думаю, я не преувеличу, когда скажу, что нравственная высота Перова была еще выше его таланта. Господа, вспомните, кто здесь теперь лежит в земле перед нами. Мы похоронили Перова... Проникнетесь хорошенько этим словом: «Перов». И что ж, этот человек, украсивший русское искусство такими знаменательными произведениями, сошел в могилу, не оставив после себя ничего, кроме своих картин. Какой пример для вас, молодых людей, здесь присутствующих!.. Вы, молодежь и ученики, его окружавшие, если хотите жить честно, сохраните навсегда в вашей памяти эту высокую, благородную личность; и пока она будет служить вам примером, она предохранит вас от соблазнов, которые в наше время так

сильно проникли в наше искусство и так вредно действуют на его нравственную сторону...»

Недалеко от могилы Перова нетрудно отыскать простой деревянный крест на могиле литератора Дмитрия Савватиевича Дмитриева 19, род. 18 апреля 1848 г., ум. 26 марта 1915 г., автора исторических романов: «Два императора», «Большой боярин», «Золотой век» и др. Под конец своей жизни Дмитриев принял сан священника, каким он и изображен на фотографии, прикрепленной к кресту.

Надгробная художественная скульптура на кладбище Даниловского монастыря имеет очень немного хороших образцов.

На новом кладбище, близ могилы Перова, заслуживает внимания заметный издали памятник М. П. Хлоповой (1868 г.). Это большая в натуральный рост женская фигура из белого мрамора, стоящая у креста, на сером гранитном постаменте. Мраморный крест вырезан под дуб, у подножия его — череп. Вся группа хорошей работы, но несколько грузна по пропорциям [20].

Другая большая фигура из темной бронзы, изображающая женщину, склонившуюся к кресту (довольно шаблонная компоновка), у подножия которого якорь и раскрытая книга — служит памятником генерал-майорши Шульгиной (ум. 1828 г.). Могила эта находится налево от собора, у северной стены монастыря [21].

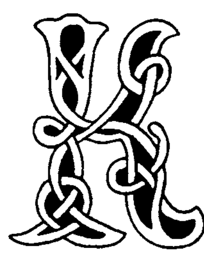
У самой восточной стены, под густою защитной решеткой, стоит саркофаг без надписей. Он украшен барельефом из белого мрамора работы какого-то талантливого мастера [22].

Могила Н.В. Гоголя

Даниловское кладбище

ладбище красиво раскинулось на прибрежных холмах Москвы-реки, в южной части города за Серпуховскою заставою. Еще до второй половины прошлого века здесь, вблизи Воробьевых гор, были дачи богатых москвичей. Теперь на их месте появилась фабричная Даниловская слободка, почти окружившая все Даниловское кладбище. Только с одной стороны, к так называемой Канатчиковой даче (теперь, увы, психиатрическая больница), еще остался некоторый простор — незастроенная лощина, окаймленная зелеными группами сосен.

Даниловское кладбище можно смело назвать купеческим, да другим оно и быть не могло, близко примыкая к купеческому Замоскворечью. Пожалуй, ни на каком другом московском кладбище нет такого обилия купеческих памятников, как на этом. Типичные для средины прошлого века надгробия в форме цилиндрических колонн, конусов, обращенных вниз остриями, колонн, перебитых кубом, попадаются здесь во множестве.

Кладбище не распланировано правильными дорожками, отчасти этому мешало расположение его на изрезанной оврагами площади, а отчасти и простая традиция, по которой вообще все наши прежние кладбища не распланировывались, если же что и делалось в этом отношении, то только в последнее время.

Старозаветное замоскворецкое купечество вымерло, или вкусив от плодов цивилизации, покинуло свои замоскворецкие палестины. Плохо стали соблюдаться «поминки родителей», заросли их могилы бурьяном, и целые уголки кладбища превратились в дикие заросли, со сдвинутыми и опрокинутыми камнями.

Редко встретишь здесь ожидающих священника отслужить панихиду, мало гуляющих, да и кому же охота тащиться в такую даль за заставу, через пыльную Даниловскую слободку.

Несомненно, что среди покоящихся на Даниловском кладбище тоже были замечательные люди, но мир купечества — особый мир: после смерти купца остается память не о нем самом, а о его капитале.

Много известных в Москве купеческих фамилий погребено на Даниловском кладбище, здесь Солодовниковы, Третьяковы, Голофтеевы и др. Были среди них крупные благотворители-меценаты, например, В. Г. и М. Г. Солодовниковы, но в их деятельности первую роль играл все тот же всесильный капитал [1].

Совершенным особняком надо поставить только двух братьев купцов Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых [2]. Эти имена известны и дороги каждому русскому, научившемуся понимать и ценить родное искусство. Их вечный памятник — Третьяковская галерея в Москве. Все, что выдающегося создала русская живопись, все это имеется в своих образцах в Третьяковской галерее. Говорить о ее значении и достоинствах значило бы повторять всем известные истины.

Павел Михайлович начал собирать картины, когда еще не обладал для этого своими личными средствами. Первая картина «Искушение» Шильдера была приобретена им в 1856 году. Собирание систематическое он мог начать лишь тогда, когда, после смерти отца, стал во главе фирмы. Почти все самые выдающиеся произведения русской кисти за два десятилетия 60 — 80-х годов он собрал в свою галерею. Как коллекционер, он прежде всего выгодно выделялся своею личностью. «На Третьякова,— говорит Крамской,— никто не имеет влияния как в выборе картин, так и в его личных мнениях. Манера его держаться в мастерской и на выставках — величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не может сказать вперед, какая картина имеет вероятие быть им купленной. Картину он никогда не покупает поначалу. У каждого художника, что-нибудь работающего, Третьяков бывает несколько раз в году и всегда знает, что у кого двигается и как».

Сергей Михайлович собрал коллекцию картин французских художников и завещал проценты со 125.000 рублей капитала на содержание и пополнение галереи.

Погребены оба брата прямо против ворот, в первых рядах. На могиле Сергея Михайловича — черный мраморный, довольно высокий, но совершенно простой, памятник с надписью:

Сергей Михайлович
ТРЕТЬЯКОВ
родился 19 января 1834 г.
скончался 25 июля 1892 г.

Памятник Павлу Михайловичу в нескольких шагах подальше, под защитной проволочной решеткой, он почти такой же, но в несколько более изысканной обработке. Надпись:

Павел Михайлович
ТРЕТЬЯКОВ
15 дек. 1832 г. ум. 4 дек. 1898 г.

Из представителей общественной мысли на Даниловском кладбище погребен сотоварищ и преемник Грановского — профессор Т. Н. Кудрявцев.

Его могила находится налево за церковью, с самого краю, вблизи длинного одноэтажного кладбищенского дома. Ее отличает черный мраморный памятник, с живописным изображением Спасителя. На памятнике много места занимают более чем следует подробные данные о событиях в жизни покойного:

Петр Николаевич
КУДРЯВЦЕВ
родился 4 августа 1816 года.
Окончил курс в Московской духовной семинарии
в 1836 г.
Окончил курс в Московском университете в 1840 г.
Вступил в Московский университет профессором
по кафедре Всеобщей Истории в 1847 г.
Вступил в брак с девицею Варварою Арсеньевною
Нелидовою 2 октября 1849 г.
Лишился супруги, скончавшейся во Флоренции
5 марта 1857 г.
Скончался в Москве
18 января 1858 года.

Пройдя суровую школу бурсы, Кудрявцев на себе испытал отрицательные стороны жизни. Замкнутый в самого себя, он не нервничал, а твердо и спокойно шел к намеченной цели. Всегда ровный и спокойный, глубоко убежденный в торжестве правды, он, как врач, должен был успокоительно действовать на получивших совершенно иное воспитание своих сотоварищей. Еще студентом университета он начал писать повести, в которых разлад между действительностью и стремлениями к идеалу был преобладающим грустным мотивом. Белинский заметил и тепло оценил молодого автора. Посланный за границу, Кудрявцев имел там возможность хорошо узнать жизнь просвещенного народа. Главный его труд «Судьбы Италии от падения западной римской империи до восстановления ее Карлом» был образцовым сочинением по истории Западной Европы. Глубоко убежденный в торжестве права угнетенных народов, Кудрявцев, как и Грановский, горячо верил в возрождение Италии. С любящим сердцем, с детски простою душою, несмотря на свою замкнутость, он оставил по себе добрую память среди товарищей и слушателей Московского университета, где он, чередуясь с Грановским, читал лекции по Средней и Новой истории.

Одиноко стояла личность этого убежденного скромного труженика среди блестящей плеяды своих талантливых товарищей и одинока его могила среди купеческих могил замоскворецкого кладбища [3].

Можно еще отметить направо от церкви, недалеко от сторожки, могилу известного издателя-книгопродавца Алексея Дмитриевича Ступина (1844-1915), с простым деревянным крестом и множеством венков [4].

Заслуживает внимания памятник на могиле купца Василия Ефремовича Мещерина (ум. 1880 г.), исполненный по модели академика А. М. Опекушина, автора московских памятников императору Александру III и А. С. Пушкину. Памятник на могиле Мещерина — высоко поднятое очень больших размеров чугунное распятие. Изможденное тело Христа вырисовывается на светлой зелени и издали привлекает внимание. Памятник окружен красивой решеткой. Найти его нетрудно, если пойти налево от могил Третьяковых по боковой дорожке [5].

За церковью, напротив часовни есть простая и величественная, высокая колонна белого мрамора, с урной наверху, относящаяся к 30-м годам прошлого века. Памятник

хорош как образец богатого, но строго выдержанного надгробия. Приводим надпись на нем: «Александр Васильевич Билибин, родился 1808 года, кончил жизнь 1830 года октября 1 дня, из первых жертв свирепствовавшей в Москве эпидемической холеры» [6].

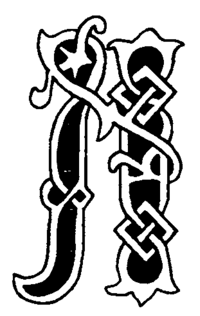
Трудно удержаться, чтобы не дать в заключение характерный образец доморощенной замоскворецкой лирики, с точным соблюдением орфографии и расположения строк:

О! мильный Ангел
мой
Ненаружности лишь вид.
Но красота души твоей меня
пленила,
Нозато уж как печаль меня
язвит,
Что из любви комне ты
и жизни! нещадила.
— — — — — -
О! ты мое Светило!
Зачем моей плачевной жизни
горизонт!
Ты! мне только озарило!
и оставляешь мира бурный!
понт!
Где твой верный друг плывет
Колеблемый! житейскими волнами
Незная куда утлый челн! ево несет
И... с осиротелыми птенцами.
— — — — — -
О, я... нещастный!..
О чем так долго я мечтал
Чево лишь сердце бедное искало
Едва осуществился Идеал
И вот ево уже... нестало...

Имя этому идеалу — Елена Мешкова, а искать памятник на его могиле, право, не стоит, весь интерес заключается только в дословно приведенных стихах [7].

КЛАДБИЩЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

егкая, высокая и нарядная колокольня, рисующаяся на зеленом фоне Воробьевых гор, изящные ажурные надстройки башен делают Новодевичий монастырь красивейшим монастырем в Москве. Внутри его ограды светло и уютно, и даже древний собор и старые кельи не показывают своим видом, что они прожили на свете не одно уже столетие.

В монастыре два обширных кладбища — старое и новое. Старое кладбище окружает соборы и заполняет почти все пространство, заключенное в монастырских стенах. Оно все расчищено, выметено, усыпано свежим песком. Старые гробницы перемешаны с новыми крестами, вросшие в землю плиты чередуются с недавними зелеными холмиками, убранными яркими цветами. Новое кладбище находится в другой ограде, оно пока почти еще пусто. Могилы там только окаймляют главную дорожку, расположенную посредине пустой площади. Здесь все могилы, как садовые клумбы, пестрят яркими красками пышных цветов.

Кладбище Новодевичьего монастыря можно считать ровесником кладбищу Донского монастыря, но на нем мало старых надгробий, ценных по исполнению, которые так обычны на кладбище Донского монастыря. Зато много могил людей, оставивших по себе живую память, заслуживших горячую благодарность потомства.

Едва ли существует такое паломничество к могилам известных деятелей, погребенных на других кладбищах

Москвы, какое наблюдается в Новодевичьем монастыре. Кто не знает здесь скромный камень — степную придорожную часовенку на могиле А. П. Чехова?

При входе, прямо напротив ворот, в белой деревянной ограде, стоит деревянный крест, украшенный живыми цветами, на могиле Дмитрия Ивановича Тихомирова [1], скончавшегося 14 октября 1915 года. Известный педагог, выдающийся методист первоначального обучения, он родился в 1844 г. в семье бедного сельского священника Костромской губернии. Целые поколения заучивали его «Букварь», «Вешние всходы», «Элементарный курс грамматики», читали издававшийся им в течение 30 лет детский журнал «Юная Россия».

Направо от Тихомирова, через дорожку, к входу в Смоленский собор, тоже на краю, погребен граф Алексей Сергеевич Уваров [2] (род. 28 февраля 1825 г., ум. 29 декабря 1884 г.) — археолог, немало потрудившийся в то время, когда исследование древностей было у нас еще очень слабо развито. Им написаны, между прочим, «Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря», «Меряне и их быт по курганным раскопкам» и проч. Материалом для этого последнего сочинения послужили раскопки до 8.000 курганов в Владимирском, Суздальском, Юрьевском и Переславском уездах. На могиле гр. А. С. Уварова — памятник в виде мраморной арки в византийском стиле, с живописным изображением Спасителя и святых.

Налево по дорожке в Смоленский собор, с краю, находятся одна за другою могилы Всеволода, Владимира и Сергея Соловьевых.

На могиле автора исторических романов «Сергей Горбатов», «Княжна Острожская», «Юный император», «Царь-Девица» и др. стоит большой крест черного мрамора с надписью:

Всеволод Сергеевич
СОЛОВЬЕВ
род. 1 января 1849 г.
сконч. 20 октября 1903 г. [3]

В нескольких шагах дальше — простой деревянный крест с надписью:

Владимир Сергеевич
СОЛОВЬЕВ *
скончался 31-го июля 1900 г. [4]

16 лет дожидается могила знаменитого философа достойного ее памятника. Но она не забыта — кто-то сажает цветы, зажигает лампаду, кем-то приколота к кресту бумажка с латинским изречением, от которого непогода оставила только два слова ...erit justicia. 31 июля, в день смерти, над тем, кто написал «Оправдание добра», служится ежегодно панихида и грустное пение монахинь, вместе с волнами ладана, уносится туда, где не нужно оправдывать ни добро, ни зло, где царит вечная непреложная справедливость...

Рядом погребен отец Всеволода и Владимира Соловьевых — С. М. Соловьев, историк и профессор Московского университета, написавший капитальное сочинение в 29 томах «История России с древнейших времен». Над его могилою возвышается крест белого мрамора с бронзовым барельефом-портретом покойного, внизу лежит мраморная плита. На памятнике надписи:

Подвигом добрым подвизася,
течение сконча, веру соблюде, прочее убо
соблюдется ему венец правды.
Сергей Михайлович
СОЛОВЬЕВ
5 мая 1820 — 4 октября 1879 [5].

По другую сторону дорожки, почти напротив Соловьевых,— могила основателя Московского Рукавишниковского приюта для малолетних, осужденных судом. В

* Владимир Сергеевич Соловьев умер 31 июля 1900 года в Узком, подмосковном имении своих друзей и учеников С. Н. и Е. Н. Трубецких.

В написанной перед кончиной статье «По поводу последних событий» он говорил: «Что современное человечество есть больной старик и что всемирная история внутренне кончилась — это была любимая мысль моего отца (Сергея Михайловича Соловьева.— Ред.)... Какое яркое подтверждение своему продуманному и проверенному взгляду нашел бы покойный историк теперь... Историческая драма сыграна, и остался один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно».— *Примеч. ред.*

застекленном павильоне находится большой памятник черного мрамора, с фигурою ангела из белого мрамора на вершине. На памятнике надпись:

Николай Васильевич
РУКАВИШНИКОВ
Директор Московского
Рукавишниковского
Исправительного приюта малолетних.
родился 27 ноября 1845 года
скончался 8 августа 1875 года [6].

Тут же — массивный памятник с портретом-барельефом, сооруженный Московским городским управлением над могилою генерал-губернатора Москвы Павла Алексеевича Тучкова (1776-1864), отличившегося особой отвагой и решимостью в битвах под Смоленском в 1812 году [7].

Направо, за памятником Тучкову, в нескольких шагах от него, — могила совершенно забытого писателя Сушкова. На ней длинная низкая плита темного гранита с надписью:

Блажени чистии сердцем,
яко тии Бога узрят.
Николай Васильевич
СУШКОВ
родился 15 ноября 1796 г.
скончался 7 июля 1871 г. [8]

У входа в Смоленский собор, налево, погребен поэт и партизан генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов [9], скончавшийся 22 апреля 1839 г. на 55-м году жизни. На могиле гусара старого доброго времени, изображенного в романе Л. Н. Толстого под именем Ваську Денисова, высокая черная плита с подставкою из белого мрамора и крестом с распятием.

Давыдов пламенный боец!
Он вихрем в бой кровавый!
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы!

(Жуковский).

В своей автобиографии Давыдов говорит, что он никогда не оставлял беседы с музами: «он призывал их во время дежурств своих, в казармы, в госпиталь и даже эскадронную конюшню». Во время отечественной войны, «подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партиею гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в средину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает четырехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Белыначами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: — Давыдов в душе гусар и любитель природного их напитка: за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!» Заключает свою автобиографию Давыдов следующими строками: «Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости; голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами, и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною, и ратоборством в последних войнах собратствует, как однолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие, — но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности; охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, — он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях, — в юной деве ли, в произведениях ли художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в

словесности ли — везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее, — вот Давыдов!»

Дальше, у алтарной стены собора, под навесом с проволочной решеткой, белеется мраморная плита с надписью:

Михаил Николаевич
ЗАГОСКИН
родился 14 июля 1789 года
скончался 23 июля 1852 года [10].

Знаменитые когда-то романы его «Юрий Милославский» и «Аскольдова могила» читаются еще где-нибудь в глуши, в народе, переделанные на лубочный лад, но как произведения исторической литературы они потеряли значение и почти забыты, а с ними забыт и автор.

Подальше, близ восточной стены собора погребен родоначальник русского исторического романа И. И. Лажечников 11 (1792-1869), но на его могиле нет памятника. «Поэзия, — писал Пушкин, — всегда останется поэзией, и многие страницы вашего романа («Ледяной дом») будут жить, доколе не забудется русский язык». Не сбылись слова великого поэта — забыты романы Лажечникова и забыта его могила... *

На крайней дорожке, ведущей от входных ворот мимо колокольни, немного не доходя до нее, стоит застекленная часовня, в ней три иконы в виде иконостаса и на полу небольшая доска с надписью:

Блажени
чистии
сердцем.
Профессор
Московского Университета
Александр Львович
ДЮВЕРНУА
умер 47 лет
16 марта 1886 г.
родился 24 августа 1839.

---

* Саладин ошибся. Романы И. И. Лажечникова, как, впрочем, и М. Н. Загоскина, в наше время не забыты и широко издаются. Так что Пушкин прав в своем суждении. — *Примеч. ред.*

Возьмите иго
мое на себя.

Смерть не дала ему закончить большой труд «Болгарский словарь» [12].

Почти напротив колокольни, под зеленой часовней, погребен заслуженный профессор, академик Федор Иванович Буслаев [13], род. 13 апреля 1818 г., ум. 31 июля 1897 г., выдающийся историк русской литературы, первый познакомивший русское общество с новыми воззрениями на смысл и сущность народной поэзии. Скромность, мягкое сердце, отзывчивость и доступность создали ему большую популярность среди студентов. Доступность его была так широка, что в определенные дни все без всякого приглашения могли собираться в его квартире и пользоваться там указаниями профессора или запросто беседовать с ним.

Дальше, в конце этой же дорожки, под защитной решеткой стоит белый крест на могиле заслуженного профессора Петроградского университета Николая Львовича Дювернуа [14], род. 29 октября 1836 г., ум. 18 апреля 1906 г., приверженца исторической школы в юриспруденции, оставившего сочинения: «Источники права и суд в древней Руси», «Из курса лекций по русскому гражданскому праву» и проч.

За южной стеной Смоленского собора, ближе к кельям, погребен историк и журналист М. П. Погодин [15]. На его могиле большая глыба серого камня с черным крестом. На белой доске написано:

Михаилу Петровичу
ПОГОДИНУ
От его друзей и почитателей.
Родился 11 ноября 1800 года.
Скончался 8 декабря 1875 года.
Блажени алчущии и жаждущии правды:
яко тии насытятся.

Погодин и Шевырев, по выражению Герцена, были «Сиамскими близнецами», но Погодин, как профессор, был противоположностью Шевыреву; он не распространялся в красивых сравнениях, а кидал слушателям «карноухие, обгрызенные» слова и фразы. Русскую историю

Погодин превратил в предмет обожествления в духе квасного патриотизма. Но у него также были свои почитатели и последователи; по мнению Тютчева, это был —

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.

Погодин жил близ Новодевичьего монастыря, на названной в честь его Погодинской улице, там стоит его оригинальная русская изба, с резными украшениями и тесовой кровлей.

Напротив памятника Погодину, под защитной решеткой, погребен известный славист профессор Московского университета И. М. Бодянский. За решеткой находится вычурный многогранный столб белого мрамора с надписью:

Здесь покоится тело
действ. стат. советника
Иосифа Максимовича
БОДЯНСКОГО
род. 3 ноября 1808 г.
сконч. 6 сентября 1877 г. [16]

Малоросс по происхождению, Бодянский горячо любил свою Украйну и много послужил ей, как историк, археолог и этнограф; зато не любил он иностранцев, которых считал почему-то за людей легкомысленных. О поляках он сказал: «Я думал составить курс польской истории, ан вышел роман».

Правее от могилы Погодина, близ большой часовни Литвинова [17], находится белый мраморный памятник с крестом на могиле Нила Александровича Попова [18], род. 28 марта 1833 г., ум. 22 декабря 1891 г., историка и журналиста, последние годы работавшего в Московском архиве министерства юстиции и составившего описание документов и бумаг, хранящихся в этом архиве.

Недалеко от Попова и ближе к дорожке, ведущей на новое кладбище, невидный за усыпальницами и другими памятниками, скрывается простой черный памятник на могиле А. Ф. Писемского, со скромной краткой надписью:

Алексей Феофилактович
ПИСЕМСКИЙ
родился 10 марта 1820 г.
скончался 21 января 1881 г. [19]

Могила знаменитого беллетриста-скептика просит простора, ей тесно здесь, среди камней и решеток. Тонкий знаток помещичьей жизни и народного быта, он нарисовал такие картины своей эпохи, как «Тысяча душ», «Люди сороковых годов», «Взбаламученное море», «Плотничья артель», «Горькая судьбина» и др., которые навсегда останутся на память потомству и послужат лучшим памятником писателю — изобразителю жизни.

Здесь же, на самом углу, перед воротами на новое кладбище, лежит плита с надписью:

Граф
Евгений Андреевич
САЛИАС-ТУРНЕМИР
родился 13 апреля 1840 г.
скончался 5 декабря 1908 г. [20]

Это — могила автора романа «Пугачевцы», читавшегося в свое время с большим увлечением. Другие исторические романы Салиаса: «Петербургское действо», «Принцесса Володимирская», «Бригадирская внучка», «Братья Орловы» и др. пользовались меньшим успехом и не отличались исторической правдой.

В этой же части кладбища, но ближе к юго-западному углу Смоленского собора, возвышается красивый крест черного мрамора, с мозаичным изображением Спасителя, на могиле зоолога и общественного деятеля А. П. Богданова, создавшего целую школу зоологов-исследователей России. Богданов много работал и по антропологии, между прочим, производил раскопки курганов в Московской губернии.

На лицевой стороне его памятника вырезано:

Анатолий Петрович
БОГДАНОВ
родился 1 октября 1834 г.
скончался 16 марта 1896 г. [21]

Обратная сторона памятника вся испещрена золотыми буквами длиннейшего посвящения:

Жил, веря в Бога, ожидая воскре-
сения и страшного суда. Любил
Россию, Университет, Науку. Перешел
в тот мир, надеясь, что Бог
любви помилует грешную душу.
Ему всецело преданную и
Его любившую, жившую для Его
славы.
Сей памятник заслуженному профессору Императорского Московского университета А. П. Богданову сооружен по почину Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии на средства названного Общества, а также Комитета Московского музея прикладных знаний, Имп. Моск. Русск. Общ. акклиматизации животных и растений и Комитета шелководства, Имп. Общ. сельского хозяйства, при участии Обществ: Имп. Московского археологического, естествоиспытателей при Казанском университете, Русского энтомологического, антропологических в Берлине, Вене, Париже и Флоренции, французского зоологического, Имп. вольного экономического, Моск. Общ. птицеводства, Русск. Общ. пчеловодства и многих других лиц, товарищей, учеников и почитателей покойного.

Позади памятника Богданову, рядом с ним, в железной ограде, лежит небольшая серая глыба с мраморным крестом. Надпись на доске заросла травою и почти не видна:

Сергей Петрович
ТРУБЕЦКОЙ
родился 29 августа 1790 года
скончался 22 ноября 1860 года [22].

— — -

Блажени алчущие и
жаждущии правды
яко тии насытятся.

Здесь погребен диктатор и глава заговора декабристов, тяжкий государственный преступник, а до лишения

прав — представитель знатного рода и полковник лейб-гвардии Преображенского полка. Трубецкой оставил записки, о которых он говорит, что «цель этих записок не есть то, чтобы они могли служить материалами для будущего историка России. Я их оставляю детям моим, чтобы они знали, почему они родились и взросли в Сибири».

То обстоятельство, что Трубецкой, будучи видным членом тайного общества, не был казнен вместе с Рылеевым, Пестелем и др., он склонен объяснить желанием Николая Павловича сдержать свое слово. Это было при первом допросе во дворце. Государь «начал говорить о моем роде, о достоинствах моей жены и ужасной судьбе, которая меня ожидает... Наконец, подведя меня к тому столу, на котором я писал и, подав мне лоскут бумаги, сказал: «пишите к вашей жене». Я сел, он стоял. Я начал писать: «друг мой, будь спокойна и молись Богу!..» Император прервал: «что тут много писать! напишите только: «я буду жив и здоров». Я написал: «Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров!» Я подал ему. Он прочел и сказал: «Я жив и здоров буду, припишите, буду, вверху».

Между собором и церковью Успения Пресвятой Богородицы, с правой стороны от входа на кладбище, недалеко от края центральной дорожки, за большой зеленой часовней погребен А. И. Тургенев[23] — историк и археолог, брат эмигранта Н. И. Тургенева, объездивший с научной целью Европу и бывший в близких отношениях с Гете, Вальтером Скоттом, Шатобрианом, Пушкиным, Жуковским.

Могилу этого оригинального человека украшает типичный памятник средины прошлого века — высокий черный столб с урной и надписью:

Блажени милостивии: яко
тии помилованы будут. Матф. V, 7.
Здесь покоится прах раба
Божия тайного советника
камергера и кавалера
Александра Ивановича
ТУРГЕНЕВА
родившегося 1784 года марта
27-го дня и скончавшегося декабря
3-го дня 1845 года.

«Молодой старик А. И. Тургенев, — говорит Герцен, мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы, от Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнигаген... Весело видеть, как он, несмотря на седую голову и лета, горячо интересуется всем человеческим, сколько жизни и деятельности! А потом приятно слушать его всесветные рассказы, знакомства со всеми знаменитостями Европы. Тургенев — европейская кумушка, человек au courant всех сплетней разных земель и стран, и все рассказывает и все описывает, острит, хохочет, пишет письма, ездит спать на вечера et faire l'aimable везде».

Батюшков обращается к нему с посланием:

О, ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел — характер честный дедов!
О, ты, который при дворе,
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!

У юго-восточного угла Успенской церкви собрались могилы Яковлевых — представителей знатного барского рода. Ближе к стене находится высокая черная гробница Ивана Алексеевича Яковлева [24] (1767-1846), отца А. И. Герцена или, «Шушки», как его называли в семье в детстве. Мать Герцена Генриетта-Вильгельмина-Луиза Гааг родилась в Штутгарте, где познакомилась с И. А. у его брата, посланника русского двора Льва Алексеевича. Шушка родился вне брака — отсюда — Герцен, дитя сердца.

С И. А. Яковлевым случился известный эпизод, когда во время пожара Москвы Мортье, знавший его по Парижу, доставил ему свидание с Наполеоном в Кремле. Наполеон, увидя настоящего «русского боярина», хотел использовать его для доставления письма Александру I с предложением мира. Яковлев согласился, доставил письмо Аракчееву и просидел за это некоторое время под арестом, а потом ему был запрещен въезд в северную столицу.

По отзыву кузины Герцена Татьяны Пассек и самого Герцена, Иван Алексеевич был человек большого ума и

большой наблюдательности. Но он редко бывал в хорошем расположении духа, чуждался всех, всем был недоволен, особенно ненавидел официальный мир. Постоянно ходил в халате на белых мерлушках и носил суконную шапочку с кистью.

Здесь же, но несколько ближе к краю, погребен генерал В. И. Тимофеев [25] — любимец Николая I, службист и жестокий человек, готовый за ошибку на параде почти до смерти запороть солдата. Встреченному им на улице офицеру с расстегнутой пуговицей мундира грозило разжалование в солдаты. Николай I вполне доверял этому примерному служаке — таков был век, когда все приносилось в жертву дисциплине. На могиле Тимофеева воздвигнут грандиозный памятник из белого мрамора, с бронзовыми фигурами рыцарей наверху. С одной стороны сделаны надписи: «Василий Иванович Тимофеев. Прейсныш-Эйлау, Кенигсберг, 1807», с другой: «Бородино 1812, Замосте 1831. Генерал от инфантерии команд. 6 пехотного корпуса, р. 1783, ум. 1850. От признательных сослуживцев».

При входе в Успенскую церковь, с краю дорожки, налево, погребены государственные деятели братья Д. А. и Н. А. Милютины.

На могиле первого — черная мраморная плита с надписью:

Генерал-фельдмаршал
граф
Дмитрий Алексеевич
МИЛЮТИН
1816 – 1912
28 июн. 25 янв. [26]

В некрологах и посмертных статьях он отмечался, как редко добрый, сердечный, скромный, всем доступный человек, чрезвычайно снисходительно относившийся к чужим ошибкам, но строго следивший за собою. Сделать добро, помочь в несчастье было для него громадным удовольствием. Милютин был боевой офицер кавказских войск, талантливый профессор, создавший не существовавшую до него военную статистику, глубокий мыслитель, выдающийся военный историк, военный министр, деятель реформ Александра II, он совершил коренные преобразо-

вания русской армии и главную из них — всеобщую воинскую повинность, основал военно-юридическую академию, юнкерские училища и т. д. Умер на 96-м году и до последнего дня сохранил ясность ума. Оставил интересные «Воспоминания».

Могила его брата — у самого входа в церковь. На ней — высокая серая плита с краткой надписью:

Николай Алексеевич
МИЛЮТИН
род. 6 июня 1813 г.
сконч. 26 январ. 1872 г. [27]

Главною заслугою Н. А. считаются работы по освобождению крестьян, сосредоточенные в министерстве внутренних дел, где он тогда был товарищем министра. Известны и его сочинения по статистическим исследованиям России.

На этой же дорожке, но по правую сторону, погребен филолог, издавший Несторову летопись с примечаниями, П. М. Басистов. На его могиле — самый простой рыночный черный памятник с надписью:

Павел Ефимович
БАСИСТОВ
скончался 10 июня 1882 г.
на 59 году своей жизни [28].

Если с этой дорожки углубиться направо, то ближе к западной ограде монастыря нетрудно найти дорогую для современников могилу А. П. Чехова [29]. На ней гладкий простой камень под скатной кровлей с тремя главками. Такие памятники-часовни ставит русский народ на перекрестках, при въезде из сел и деревень необъятного севера России. И что-то грустное, родное щемит сердце при виде таких часовенок: какая-то печаль, разлука, покорность — все это напоминают их незатейливые формы, скромно выступающие на фоне ржаных полей, зелени березок, мшистых елей и глубоких сугробов.. Памятник Чехову сооружен по проекту архитектора Л. М. Брайловского.

На могиле Чехова литературная оценка его, как писателя, и благодарность к его заслугам отступают как-то на второй план, посетителя охватывает чеховское настрое-

ние *, выступают серые будни, окутавшие жизнь густым туманом, скрывающим солнце и яркие краски, жизнь, над которой не знаешь — смеяться или плакать,смех похож на плач и плач достоин смеха. И это не внешнее, это сущность нашей души, — покажись, засверкай над унылыми степями севера, где «пахарь ли песню вдали заведет, грустная песня за сердце берет, лес ли начнется, сосна да осина», покажись жгучее южное солнце — мы потеряемся, закроем глаза и привыкшие к зимним сумеркам, не вынесем блеска южного дня...

Он в сумерки пришел и, не дождавшись света,
Оставил мир унылой суеты,
Болела в нем душа художника-поэта,
Что в мире правды нет, что нет в нем красоты...

Когда в сердцах людей угасли искры веры,
И, словно сон, текли томительные дни,
Лишь он один умел сквозь сумрак жизни серой
Зажечь заветные порывы и огни...

Сильней, чем тяжкий стон, страдания и боли,
Его святая грусть нам в душу залегла,
Как узник, он мечтал о солнце, правде, воле -
И тяжкий крест скорбей душа его несла...

И тихо он угас, не прожив полувека,
Но здесь он, здесь теперь, невидимый царит,
Его тоска, печаль страдальца-человека,
Порвавшейся струной в сердцах у нас звучит...

И тонет в звуке слез веселый отблеск смеха,
И хочется грустить о нем в раздумья час,
И плачущей струны тоскующее эхо
Нам говорит о том, что он живет средь нас...

(М. Гальперин *. «Заря», № 26 — 1914).

---

* А. П. Чехов умер в маленьком курортном городке Баденвейлере на юге Германии, рядом со Швейцарией в 3 часа ночи с 1 на 2 июля (14-15 по новому стилю) 1904 года. Чехов попросил шампанского и сказал доктору по-немецки: «Ich sterbe...» (Я умираю), взял бокал, выпил его до дна, после чего произнес: «Давно я не пил шампанского...», лег на бок и тихо умолкнул навсегда. — *Примеч. ред.*

* Гальперин Михаил Петрович (1882-1944), поэт, лит. критик, переводчик. Автор сборника стихотворений «Мерцания» (1912). Ему принадлежат слова известного романса «Ветка сирени». — *Примеч. ред.*

Позади могилы Чехова, на краю дорожки стоит серый гранитный крест древней формы. Здесь погребен:

Александр Иванович
ЭРТЕЛЬ
родился 7 июля 1855 г.
умер 7 февраля 1908 г. [30]

автор романов «Гарденины», «Смена», «Две пары», очерков «Из деревни», «Записок степняка» и проч. Этого человека, выросшего в деревне, не утонченного систематическим образованием, обожгло яркое солнце, сверкнувшее лучом народнического движения. Встали неразрешимые вопросы, возникли резкие противоречия, страстно и мучительно хотелось найти правду, но деревня, в которую так хотелось верить, создавала кулаков, кабатчиков, барышников.

В Петрограде А. И. столкнулся с революционно настроенной молодежью и, хотя знакомство его с нею было поверхностно, все же он был арестован и содержался в крепости. «В тюрьме,— говорит А. И.,— был досуг подумать и оглянуться вокруг себя. Подумать, что вот скоро смерть, а как прошла жизнь? И что почему мне не приходило в голову, как коротка жизнь и как много уходит времени на пустяки и на зло. Я помню, что рядом с этими мыслями во мне произошел тогда необыкновенный подъем чувства любви к людям, явилось страстное желание со всеми примириться, всех простить, со всеми жить в любви и в мире, потому что жизнь так коротка и так много растрачивается сил на ненужную злобу и ненужную вражду».

Дальше по этой же дорожке выделяется красивый памятник-крест и плита из серого камня с древнеславянскими надписями на могиле Льва Ивановича Поливанова [31], род. 27 февраля 1838 г., ум. 11 февраля 1899 г., московского педагога, учредителя в 1868 г. поливановской гимназии. Поливанов написал несколько сочинений, например, «Жуковский и его время», издал ряд учебников по русскому языку и словесности.

У самой западной ограды монастыря — могила поэта А. Н. Плещеева [32]. В витрине с зеркальными стеклами, на темном пьедестале, стоит бюст покойного из белоснежного мрамора. На пьедестале вырезано:

Алексей Николаевич
ПЛЕЩЕЕВ
родился 22 ноября 1825 г.
скончался 26 сентября 1893 г.

Рядом памятник его жены Еликониды Александровны, скончавшейся в 1864 году, 23 лет от роду [33].

Плещеева готовили к военной карьере, но он чувствовал другое призвание и перешел в университет. Еще на первом курсе он смело с пламенным словом выступил на первую борьбу во имя добра и истины.

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я.
Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Так призывал молодой поэт с открытым челом на великую борьбу с вековым мраком. Но неравны были силы, и боец пал, как он думал, без всякой пользы, он готов был кинуть упрек судьбе:

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И в бою том я потратил
Много силы и огня.
Только людям на потеху
Скоро выбился из сил;
И осталось мне сознанье,
Что я немощен и хил...

По делу «петрашевцев» Плещеев 24 лет был сослан в Уральск рядовым в Оренбургский линейный батальон.

Десять лет прожил Плещеев в изгнании, а когда возвратился в Москву, его невольно молчавшая муза уже утратила свой юношеский боевой порыв и стала грустно задумываться вообще над бренностью жизни. Мягкий, глубоко гуманный поэт, с чистой, младенчески искренней душою, все также служил своему идеалу, но уже был

никому не опасен: боевые мотивы перешли в тихие безобидные слезы о людских страданиях, да оставалась вера в лучшее будущее, в торжество правды.

Жрецы греха, пророки тьмы,
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду Божью,
Сердца опутать и умы!
Бессильны злобы ухищренья,
Бессильно жало клеветы:
Свободны пылкие мечты,
Ко благу честные стремленья
Вам не убить! года пройдут,
И лжи замрет бесследно голос:
Зерно добра даст пышный колос,
А ваши плевелы сгниют.

Прекрасный бюст поэта на его могиле, с чертами доброго сердечного человека, так гармонирует с его последними произведениями. Как было бы уместно поместить на памятнике обращение поэта к неизвестному:

Ты жаждал правды, жаждал света,
Любовью к ближнему согрета
Всегда была душа твоя.

Не суету и наслажденье,
Добру высокое служенье
Считал ты целью бытия.

И провозвестник жизни новой,
На подвиг трудный и суровый
Ты с юных дней себя обрек...

С горячей верой, с сердцем чистым,
Ты бодро шел путем тернистым,
Тщеславных помыслов далек.

Давно уж нет тебя меж нами,
Но над правдивыми сердцами
Еще ты властвуешь досель.

И духом падших ободряя,

Горит звездой в ночи — благая,
Тобой указанная цель!

Плещеев завещал похоронить себя со своей первой женой Еликонидой Александровной, с которой он связал судьбу свою в Илецкой защите, изгнанником. Ее памяти поэт посвятил несколько задушевных стихотворений. Вспоминая ее как человека, он обращается к ней:

Ты не любила этот свет,
Где вечно добрые страдали,
И отошла в тот край, где нет
Ни воздыханья, ни печали.
И что, как перл в волнах морей,
Таилось в любящей и честной,
Не знавшей лжи, душе твоей,
Осталось людям неизвестно.

И тоскует, как о подруге:

Вот она, твоя могила,
Снегом вся занесена.
Все, чем сердце дорожило,
Все, чем жизнь была ясна,
Все-то, все навек сокрыла
От очей моих она!

И стою над ней, рыдая,
С головой поникшей я.
О, явись мне, дорогая,
Безупречная моя!

О, покинь хоть на мгновенье
Тесный, мрачный свой приют,
И уста твои прощенье
Мне пускай произнесут!

Пышно убранная цветами и венками могила гражданина-поэта невольно напоминает его горькие стихи из Ада Кристена, в которых поэт спрашивает еврея, зачем бросают каменья на могильную насыпь уважаемого раввина, еврей отвечает:

«Если почесть воздать мы желаем,
То велит нам обычай отцов,
Чтоб цветы мы бросали живущим
И каменья на гроб мертвецов».

Нам обычай языческий этот —
Я подумал себе не знаком...
Мы бросаем цветы на гробницы
Тех, кого мы камнями побьем.

На новом кладбище, в самом начале его, налево, погребен профессор Московского университета по кафедре государственного права Александр Семенович Алексеев [34], ум. 4 марта 1916 г. Могила его окружена белой деревянной оградой, вместо памятника пока стоит деревянный желтый крест. Алексеев происходил из известного в Москве купеческого рода Алексеевых. Он вышел из состава профессоров вместе с другими после увольнения министром Кассо ректора Мануйлова. Алексеев напечатал много статей и монографий по теории и истории русского государственного права. Заканчивая некролог в № 54 «Русск. Ведом.» за 1916 г., Ф. Кокошкин говорит: «Обаяние бесконечной сердечной доброты исходило от него и неотразимо покоряло каждого, кто приближался к нему. У него не было и не могло быть личных врагов. Он имел благородный душевный дар негодовать против зла, не злобствуя на людей, и бороться с ложными в его глазах идеями, не оскорбляя их носителей. Он ушел от нас с душевным миром и завещал нам душевный мир в воспоминание о себе».

По главной дорожке, ответвляющейся налево, с правого края ее, посредине, создался уголок артистов Художественного театра.

Здесь выделяется красивый стильный памятник с большим барельефом-картиной на могиле Маргариты Георгиевны Савицкой-Бурдаловой, ум. 27 марта 1911 года [35].

Рядом с ней — совершенно закрытый незабудками крест на могиле Александра Родионовича Артема, ум. 16 мая 1914 г., изобразителя чеховских типов — Чебутыкина («Три сестры»), Фирса («Вишневый сад»), Телегина («Дядя Ваня») [36].

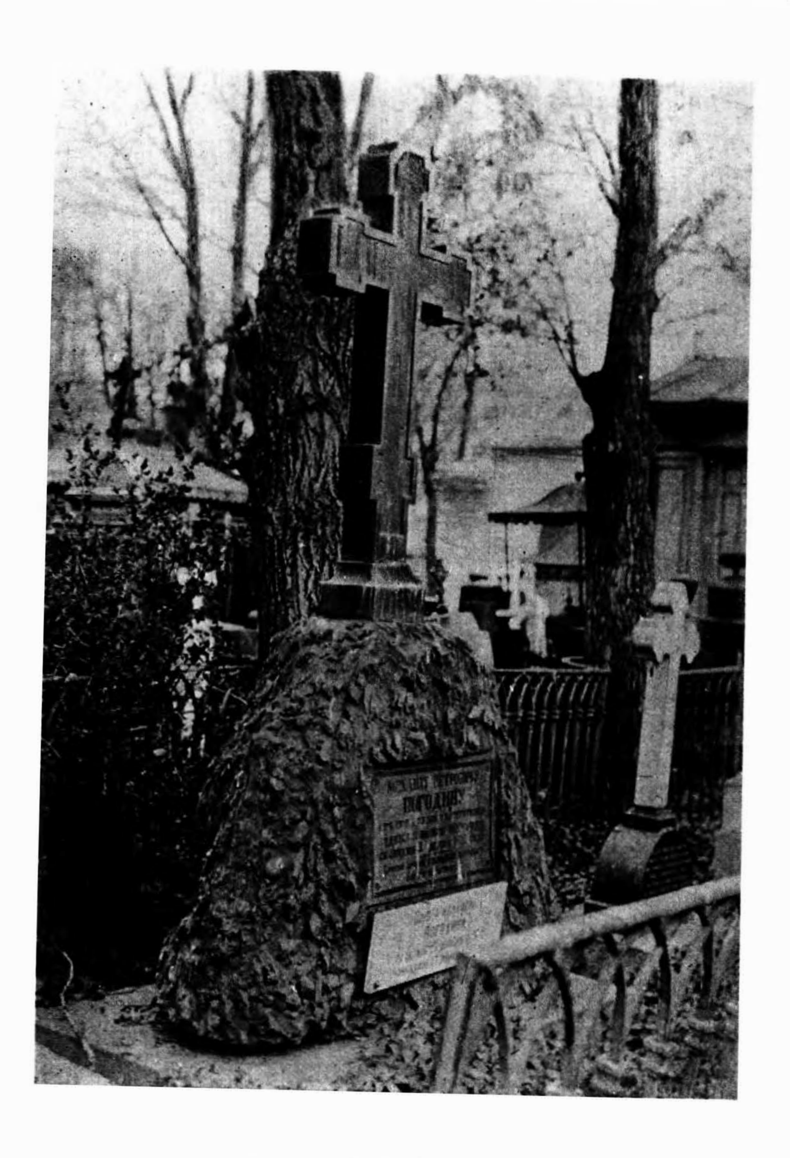
На правом ответвлении главной дорожки, отдельно от других могил, с краю правой стороны, погребен «револю-

ционер в музыке», творец «Прометея», «Божественной поэмы» Александр Николаевич Скрябин, ум. 14 апреля 1915 г. Могильный холм его осыпан цветами. Оригинальный хрустальный крест, переливаясь радугой под лучами солнца, кажется, звучит новой неземной симфонией [37].

Старые надгробные скульптуры представлены на кладбище Новодевичьего монастыря слабо. Из них можно указать на памятник С. С. Гагарину (ум. 1798) близ юго-западного угла Успенской церкви. Под защитным шатром тут, собственно, не один, а два памятника: арочный мост, с лежащим на нем крылатым гением смерти, и пирамида, с плачущей женщиной и пылающими жертвенниками у подножия. Композиция и выполнение этих памятников характерны для конца XVIII века [38].

Более поздняя большая скульптура есть недалеко от могилы Писемского. На гробнице лежит во весь натуральный рост изваяние героя Баш-Кадыкляра, генерала от кавалерии, Александра Федоровича Багговута, в походной форме, с повязкой на голове [39].

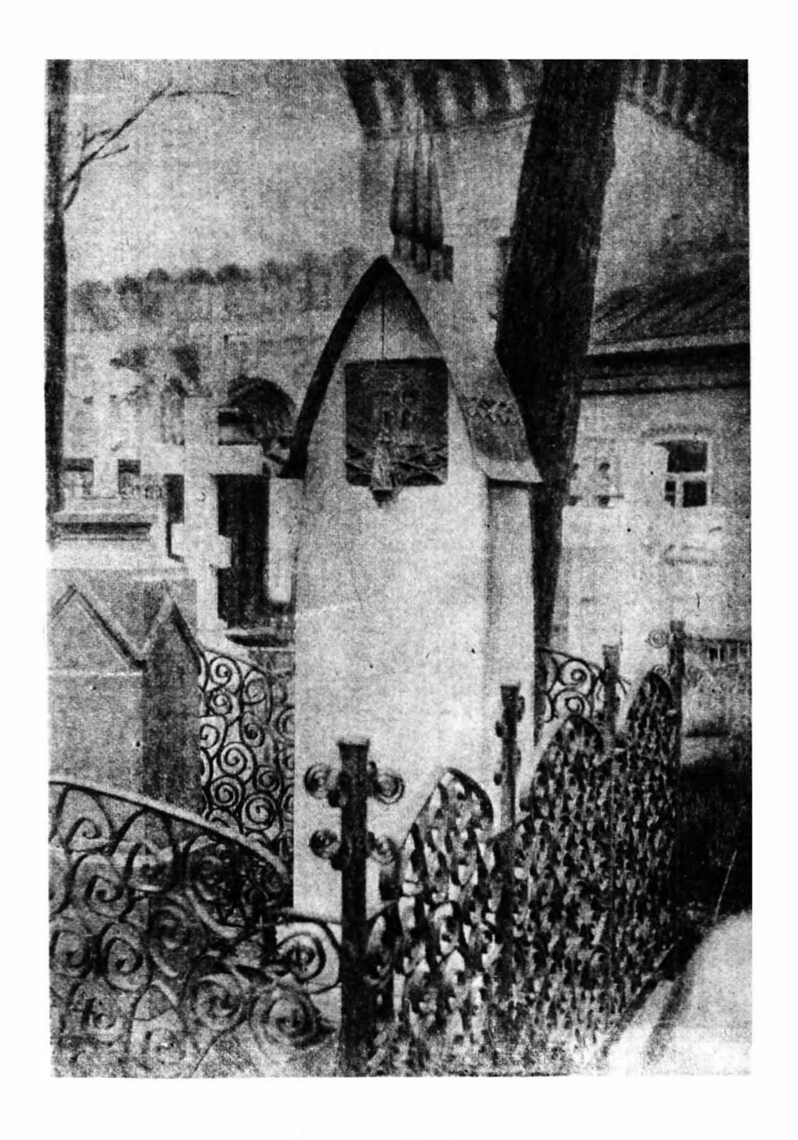

Могила М.П. Погодина

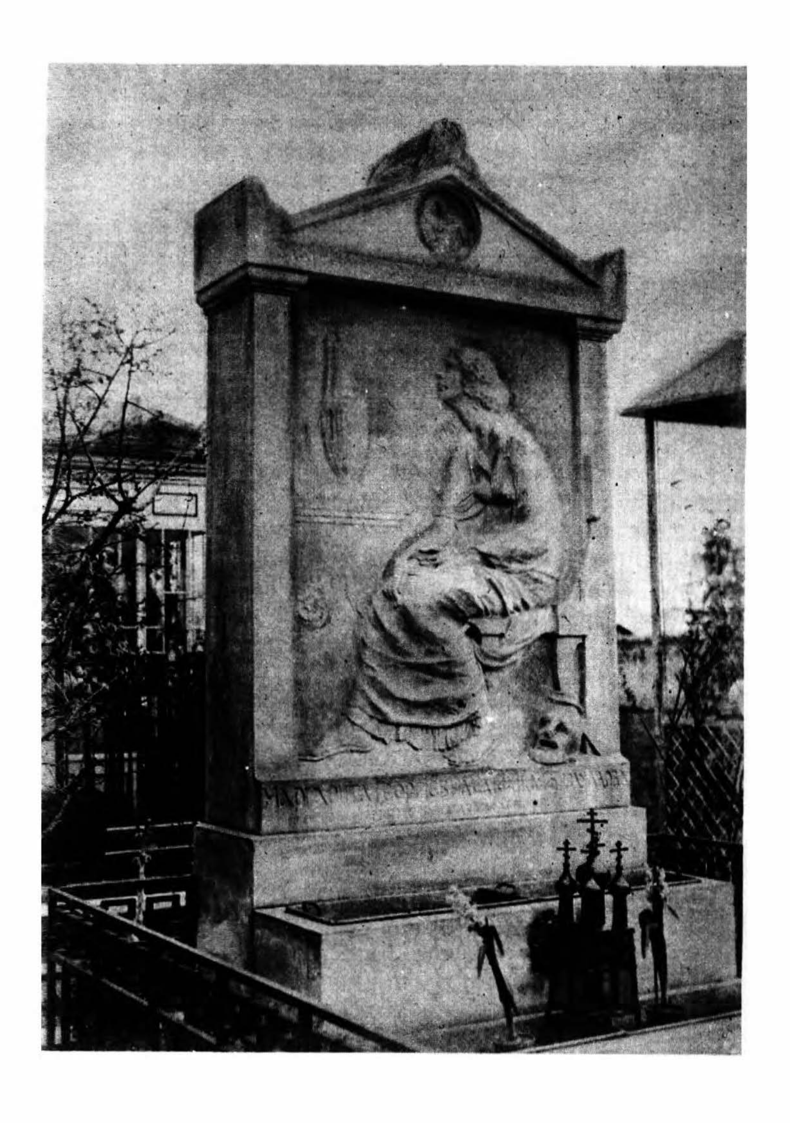
Могила А.И. Тургенева

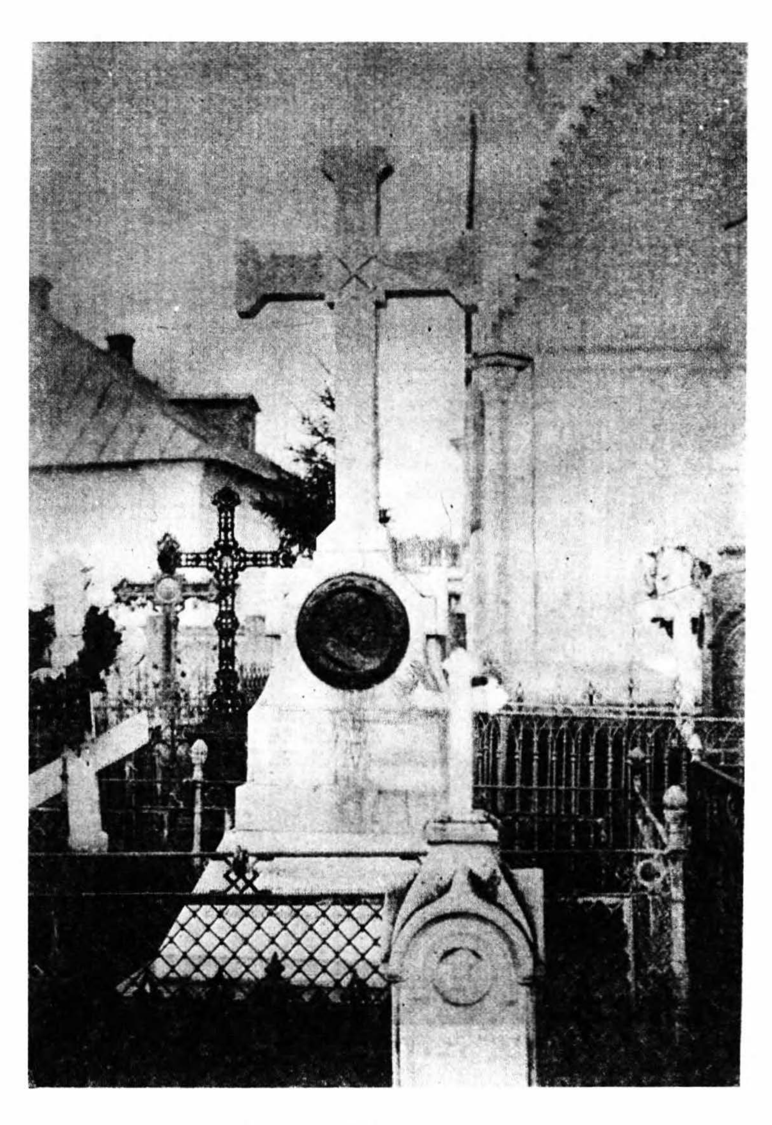
Могила А.П. Чехова

Могила А.И. Эртеля

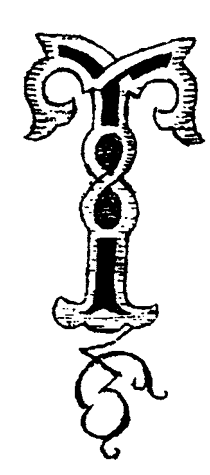

Могила М.Г. Савицкой-Бурдаловой

Могила С. М. Соловьева

КЛАДБИЩЕ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

акого обилия художественных надгробий, такого множества известных имен, как на кладбище Донского монастыря, нет ни на каком другом московском кладбище. Надгробная скульптура конца XVIII и начала XIX века здесь представляет своеобразный музей, пожалуй, не столько ценный для истории искусства, сколько обаятельный напоминанием той эпохи, когда любили красиво жить и даже умереть старались покрасивее.

В укромных уголках старого кладбища, на пышных памятниках, везде пестрят громкие имена московских вельмож, между ними незабываемые родные имена людей, работавших на заре нашей общественной мыслм, нашего юного искусства. На новом кладбище нашли приют люди, которыми может гордиться наш век.

Кладбище Донского монастыря дорого по воспоминаниям. Здесь чуть ли не каждый камень воскрешает страничку прошлого. Но надо уметь читать не только надписи на камнях, надо чувствовать минувшую эпоху, понимать ее людей. И тогда кладбище Донского монастыря оживет и станет понятным, почему люди того времени старались в духовных завещаниях указать местом своего погребения Донской монастырь.

К сожалению, эта сокровищница не разработана и широкая публика ничего о ней не знает. А между тем, памятники разрушаются и утрачиваются, если же и остаются еще, то стираются надписи и исчезают даже знаменитые имена.

Так, утрачена могила первого русского драматурга Александра Петровича Сумарокова [1] (1718-1777), автора «Семиры» и «Дмитрия Самозванца», когда-то гордо писавшего о самом себе: «Что только видели Афины и видит Париж, и что они по долгом увидели времени, ты ныне то вдруг, Россия, старанием моим увидела». Впрочем, конец его был печален. Своею нетерпимостью он оттолкнул от себя всех и, когда умер, то, говорят, похороны устроили ему нищенские из последних грошей, собранных между актерами. Пусть наш первый драматург был далеко не Шекспир, но все же как жалко, что мы не можем указать его могилу.

Близ входа в старый собор, направо от колокольни, лежит небольшая чугунная плита, с литыми буквами:

Петр
Яковлевич
ЧААДАЕВ
Кончил
жизнь 1856
года 14
Апреля [2].

Под этой плитою покоится прах того, о ком А. С. Пушкин сказал:

Всевышней волею небес
Окованный на службе царской —
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
У нас — он офицер гусарский.

Но гусарский офицер все же пошел своею дорогою, той, куда его звал друг Пушкин —

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман!
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья!
Мы ждем, с томленьем упованья,

Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена *.

В «Телескопе» 1836 года появилось знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева. «Никогда, с тех пор, как в России стали читать и писать,— рассказывает Жихарев, — с тех пор, как завелись в ней книжная и грамотная

* Впервые стихотворение «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») было напечатано в сильно искаженном виде без согласия Пушкина в альманахе «Северная звезда» 1829 г. издателем альманаха М. А. Бестужевым-Рюминым. А. Т. Саладин приводит текст, которым располагал в 1916 г. во время работы над рукописью «Прогулок по кладбищам Москвы». Для сравнения приводим текст оригинала Пушкина:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Примеч. ред.

деятельность, никакое литературное и ученое событие, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такою скоростью и с таким шумом. Около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую историю». Появление этого письма Герцен сравнивает с выстрелом среди ночи: «Тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть от утра или о том, что его не будет, — все равно, надо было проснуться».

Чаадаев был официально признан сумасшедшим, а редактор «Телескопа» Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Чаадаев умер заживо, имя его было синонимом отступника, хулителя родины.

Ему твердили с укоризной,
Что не любил он край родной:
Он мир считал своей отчизной
И человечество семьей!

(А. Н. Плещеев).

Но нельзя так легко умертвить живой мысли, ее можно признать ненужной, загнать в подполье, откуда она все же будет призывать избранных. У нас не хотели этого признать. В своих отрывках Чаадаев спрашивает: «Во Франции на что нужна мысль? — чтобы ее высказать. В Англии? — чтобы привести ее в исполнение. В Германии? — чтобы ее обдумать. У нас? — ни на что»...

Погребен Чаадаев, согласно духовному завещанию, возле любившей его девицы Евдокии Сергеевны Норовой (1799-1835), памятник которой — красная гранитная колонна — находится в нескольких шагах от изголовья плиты Чаадаева.

По другую сторону дорожки, почти напротив могилы Чаадаева, лежит высокая плита черного мрамора, с надписью:

Под сим камнем погребено тело
действительного статского советника
Ивана Ивановича
ДМИТРИЕВА

родился 1760 года 10 сентября
скончался 1837 года 3 октября [4].

— — — — —

Подобает тленному сему
облещися в нетление и мер
твенному сему облещися в
бессмертие. Кор. X. 53.

Друг Карамзина, Хераскова, В. Л. Пушкина, Жуковского — Дмитриев много поработал в деле преобразования русского литературного языка. Не обладая силою поэтического творчества, все свое внимание он обращал на обработку языка. «Вся моя забота была только о том, чтобы стихи мои были менее шероховаты, чем у многих. Одну только плавность стиха и богатую рифму я считал красотой и совершенством поэзии». Дмитриев писал басни, сказки, оды, песни, эпиграммы, сатиры. Особенно удавались ему басни, хотя большинство их были переводами.

Стихи Дмитриева нравились его современникам, но нам они напоминают расписные паточные пряники, украшенные сусальным золотом. Вот его «Весна».

Под розово-сребристым небом,
Возженным лучезарным Фебом,
Виляючи туда, сюда,
Летят, летят, спускаясь ниже,
К зеленой роще ближе, ближе
И вьются около гнезда —
Нашли... и обе вдруг запели.
Опять вы, птички, прилетели
На милу родину свою!
Какой восторг! какая радость!
Весна, весна! Природы младость.
Ты паки здесь и я пою!..
Везде, везде Амур летает,
Любовь и счастье разливает,
И самы, вижу, небеса
С землей любовью сопряглися;
Там резвые струи слилися;
Здесь обнялися древеса;

Там кролик, притаясь в кусточке,
Колеблет вздохами листочки;
Там нежит слух бряцанье лир;
Там Дафнис шороху внимает,
А Хлоя сзади обнимает;
Там шепчет с розою Зефир...

Сколько здесь патоки, сусального золота и... совсем нет весны.

А вот пышное вступление, с кликами, фанфарами, предвкушением необыкновенного торжества:

О, радость! дайте, дайте лиру:
Я вижу Пинда божество!
Да возвещу в восторге миру
Славянской музы торжество
И новый блеск Монаршей славы!
Талантам возвратились правы:
Герой, вельможа, судия!
Не презирайте днесь певцами:
Сам Павел их равняет с вами
Щедроты луч и к ним лия.

Что же случилось? чем вызван весь этот шум? Император Павел I оказал свою милость потомкам Ломоносова.

Наши прабабушки охотно распевали песни Дмитриева, особенно любили они «Голубочка».

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день, и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь,
Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Все тоскует, все тоскует,
И тихонько слезы льет.

У ворот на новое кладбище, недалеко от дорожки, направо, погребены: профессор Московского университета Павел Степанович Щепкин[5] (род. 4 ноября 1793 г., ум. 15 июля 1836 г.), на его могиле черная глыба с белым крестом, и рядом — публицист и общественный деятель Митрофан Павлович Щепкин 6 (род. 22 августа 1832 г.,

ум. 16 июня 1908 г.), могилу которого отмечает черный мраморный крест. М. П. Щепкин написал много статей по вопросам общественно-экономическим и городского хозяйства; ему обязаны своим существованием «Известия Московской Городской Думы».

Несколько наискось от колокольни старого собора, у южной стены монастыря, находится церковь Михаила Архангела. У самого входа в эту церковь, налево, с краю дорожки, без труда можно отыскать высокую черную плиту с надписью:

Князь
Владимир Феодорович
ОДОЕВСКИЙ
родился 30 июля 1804 г.
скончался 27 февраля 1869 г. [7]

Под ней погребен писатель-философ и идеалист, автор «Русских ночей», производивших, по словам Белинского, на молодую душу действие электрического удара, потрясающего всю нервную систему. По происхождению настоящий Рюрикович, гофмейстер Высочайшего двора и сенатор, он был чужд классовых интересов и больше сочувствовал либеральным течениям среди молодежи 60-х годов.

«Среди выдающихся людей в области вдумчивой и творческой мысли есть такие,— говорит А. Ф. Кони в своих «Воспоминаниях»,— которые горят ровным и примирительным огоньком лампады пред образом, на котором изображены лучшие чаяния и требования человеческого духа, свободного от туманных и условных уз житейской прозы. Такою лампадою был и князь Одоевский. А на образе, пред которым она горела, были начертаны заветы: правда — знание — деятельная любовь к людям». Поборник прав человеческой личности, Одоевский «на первый план ставит не установления, поглощающие личность, но ее духовные свойства, придающие смысл и самой деятельности учреждений. Не оглушает князя Одоевского ни гром военной славы, ни шумный говор крикливого патриотизма. В эпоху, когда история понималась только как история государств, он высказывается за необходимость изучения бытовых и духовных свойств народа в их последовательных проявлениях, так как без этого история

обращается в скучный роман, с забвением о человеке; что же касается войн, то они в глазах князя Одоевского рисуются, как одно из величайших преступлений человечества».

Тут же находится могила известного переводчика и поэта Павла Алексеевича Козлова (1841-1891), с плитою из белого мрамора [8].

П. А. Козлов получил известность главным образом благодаря превосходному переводу «Дон Жуана» Байрона. Писал он и оригинальные стихотворения, преобладающим содержанием которых являются вопросы и страдания сердца...

Ревет и бушует безбрежное море;
Болящее сердце обьято тоской;
Что сердце утешит тяжелое горе?
Что бурному морю даст мир и покой?

Улягутся волны, лишь, сладко играя,
Полуденный луч над пучиной сверкнет;
Утешит страданья могила немая,
И сердце забудет, и сердце заснет.

Четверть века тому назад широко распространен был его хватающий за душу, немного сентиментальный романс «Забыли вы...».

Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы...
Вы руку жали мне; промчался без возврата
Тот сладкий миг; его забыли вы...

До гроба вы клялись любить поэта;
Боясь людей, боясь людской молвы,
Вы не исполнили священного обета;
Свою любовь, — и ту забыли вы...

Но смерть близка; близка моя могила;
Когда умру, как тихий шум травы,
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло:
Он вами жил... его забыли вы!..

Поэт уже не верит в земное счастье, он ждет конца —

Но смерть моя близка; над тихою могилой
Забытого певца расстелятся ковром
Душистые цветы, и соловей уныло
Над нею запоет о счастье неземном.

О! посети ее хотя б на миг единый,
В тот миг прошедшее воскреснет пред тобой:
И в шелесте цветов, и в песне соловьиной
Услышишь ты слова, не сказанные мной.

Если направиться по дорожке, ведущей мимо соборов на новое кладбище, то, свернув налево, немного не доходя до ворот, легко отыскать высокий столб белого мрамора на могиле графа Павла Дмитриевича Киселева [9] (род. 7 января 1788 г., ум. 14 ноября 1872), адъютанта кн. Багратиона в 1812 г., государственного деятеля, первого министра вновь созданного Министерства государственных имуществ. Находясь во главе этого ведомства, граф П. Д. Киселев особенно заботился об улучшении быта крестьян, наделении их землею, о более равномерной уплате подушной подати, распространении сельскохозяйственного образования и т. д.

Немного подальше, направо от огромного бронзового памятника на могиле Кожуховой, стоит невысокий четырехугольный столб розового мрамора, украшенный беломраморным орнаментом, на могиле поэта М. М. Хераскова. На памятнике четко и прочно вырезаны надписи:

Здесь погребено
тело
Михаила
Матвеевича
ХЕРАСКОВА [10]
действительного тайного советника
и орденов св. Анны 1-го класса и святого
Владимира 2-й степени большого креста
кавалера, который родился в Переяславле
в 1733-м году октября 25-го дня
и скончался в 1807 году сентября 27-го дня
на 74-м году жизни своей.

Здесь прах Хераскова; скорбящая супруга
Чувствительной слезой приносит дань ему.

С ней музы платят долг любимцу своему:
Им важен дар певца, мила ей память друга.

— — — -

Здесь дружба слезы льет на гробе
И добродетель с ней скорбит,
Пусть прах его покоят обе,
А имя славу сохранит.

— — — -

Восплачьте! уж певец не дышит,
На урне лира возлежит.
Но ах! гордитесь, слава пишет:
Он был и Росс и был пиит.

Произведения Хераскова совершенно забыты, но его имя в истории русской литературы должно стоять на одной из первых страниц. Белинский не признавал в Хераскове никакого поэтического таланта, но заслугу его не признать было нельзя: «Херасков написал целых двенадцать томов. Он был и эпик, и лирик, и трагик, писал даже «слезные драмы» и комедии, и во всем этом обнаружил большую страсть к литературе, большое добродушие, большое трудолюбие и — большую бесталантность. Но современники думали о нем иначе и смотрели на него с каким-то робким благоговением, какого не возбуждали в них ни Ломоносов, ни Державин. Причиной этого было то, что Херасков подарил Россию двумя эпическими или героическими поэмами — «Россиадой» и «Владимиром». Эпическая поэма считалась тогда высшим родом поэзии, и не иметь хоть одной поэмы народу — значило тогда не иметь поэзии. Какова же должна быть гордость отцов наших, что у итальянцев была одна только поэма «Освобожденный Иерусалим», у англичан тоже одна — «Потерянный Рай», у французов одна, и то недавно написанная,— «Генриада», у немцев одна, почти в одно время с поэмами Хераскова написанная,— «Мессиада», даже у самих римлян только одна поэма, а у нас, русских, так же, как и греков, целые две! Каковы эти поэмы — об этом не рассуждали, тем более, что никому в голову не приходила мысль о возможности усомниться в их высоком достоинстве. Сам Державин смотрел на Хераскова с благоговением и раз, без умысла, написал мадригал в стихотворении «Ключ», который оканчивается следующими стихами:

Творца бессмертной «Россиады»
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

Дмитриев так выразил свое удивление к Хераскову в этой надписи к его портрету:

Пускай от зависти сердца зоилов ноют;
Хераскову они вреда не принесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют,
И в храм бессмертья проведут».

Между старым и новым соборами, близ входа в старый собор, находится могила гр. В. А. Соллогуба. На ней памятник-аналой из темного гранита, с белым крестом и надписью:

Граф
Владимир Александрович
СОЛЛОГУБ
родился 8-го августа 1813 г.
скончался 5-го июня 1882 г. [11]

Им написаны несколько повестей и комедий, например, «Тарантас», «Два студента», «Большой свет», «История двух калош», «Чиновник» и др. Белинский называл «Тарантас» книгою умною, даровитой и — что всего важнее — книгою дельною. «Тарантас» — сатира на противников запада, сатира, исполненная ума, остроумия, мысли, юмора, художественности.

У южной стены нового собора погребен «Нестор Арзамаса», поэт В. Л. Пушкин, дядя А. С. Пушкина. Отыскать его надгробный памятник довольно трудно, так как надпись на нем совершенно не видна. Почти напротив огромного темного обелиска, украшенного воинскою арматурою, на могиле Иловайского[12] и плотно примкнув к решетке семейного места Огаревых,[13] стоят две одинаковые колонны серого гранита, перебитые кубом, одна из них и есть надгробный памятник В. Л. Пушкину. Надпись обращена к решетке и вырезана так неглубоко, что на сером фоне буквы почти не различаются, прочесть можно разве только на ощупь:

Под сим камнем погребено тело

Калежского Асессора
Василия Львовича
ПУШКИНА
скончавшегося в 1830 году
Августа 20 дня жития
его было 63 года и 5 месяцев [14].

Отец Василия Львовича был артиллерийский полковник и отличался жестоким характером. Заподозрив свою жену в связи с учителем детей аббатом Николя, он уморил ее в домашней тюрьме, а аббата повесил у себя на дворе. Совершенно другим человеком был сын — общительный, веселый, он сделался любимцем московских салонов. Стихи, французские куплеты Василия Львовича, его обеды, литературные вечера оживляли московское общество. Выступить на литературный путь открыто его побудило знакомство с Карамзиным и Дмитриевым. Крайнее добродушие и простота Василия Львовича помешали ему приобрести авторитет в глазах современников и хотя его искренне все любили, но охотно смеялись над ним.

Восхваляя в своих посланиях музу гениального племянника, Василий Львович называет его своим братом по Парнасу, на это Александр Сергеевич шутливо, но зло отвечает:

Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Последнее время перед смертью, страшно страдая от подагры, оканчивал он свои дни на Старой Басманной, до последних минут не переставая шутить и не забывая свою любимую литературу.

Стихотворения В. Л. Пушкина забыты, и это понятно — так далеко ушла от того времени литература. Но любитель поэзии вспомнит о них с большим удовольствием, они дадут такое же наслаждение, какое испытывает коллекционер, любуясь пастушескими идиллиями на старинном фарфоре. Но, кроме такой буколики, у Василия Львовича есть вещицы, не утратившие свежести чувства до сих пор. Позволим себе напомнить одну его песню, напечатанную в «Российском Музеуме» за 1815 год.

Не пеняй мне, что с тобою
Я задумчив и уныл;

Я давно, любя душою,
Страсть свою в душе таил.
В юных летах я смелее
Мог признаться и любить;
Я теперь люблю нежнее,
Но могу ль счастливым быть?
Вечер жизни наступает;
Сердце то же — я не тот:
Солнце в осень хоть сияет,
Луг зеленый не цветет.

Ты мила... о том ни слова:
Все покорствует тебе;
Но полюбишь ты другого
И не вспомнишь обо мне!
Юность резвая, златая,
Прелесть жизни и любви!
Ах, зачем ты, исчезая,
Оставляешь огнь в крови?
Грустно тщетным ожиданьем
Душу страстную томить,
Жить одним воспоминаньем
И в безмолвии любить!

У самой алтарной стены нового собора выделяется огромный серый памятник Прокофию Акинфиевичу Демидову [15] (1710-1786), известному благотворительностью и эксцентричностью. На устройство московского Воспитательного дома им было пожертвовано 1.107.000 рублей. Из его чудачеств всей Москве был знаком выезд цугом. Цуг состоял из шести лошадей — две передние и две задние были маленького роста, а средняя пара несоразмерной величины. Форейтор большой лошади был карлик, а форейтор маленькой — великан, и ноги его волочились по земле. Лакеи были одеты в комические ливреи: одна половина была расшита золотыми галунами, а другая представляла простую сермягу, на одной ноге был надет лакированный башмак, а на другой — лапоть.

Тут же, с краю дорожки, за решеткой, стоит памятник, под которым погребен:

Тайный Советник
и кавалер

Дмитрий Николаевич
БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ
род. 5 ноября 1778 года
скон. 25 января 1850 года

— исторический писатель, главными сочинениями которого считаются: «Словарь достопамятных людей Русской земли», «История Малороссии», «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого» [16].

Немного поглубже, недалеко от алтарной стены, находится могила давно забытого поэта кн. И. М. Долгорукого. Она заключена в круглой решетке, в центре которой лежат две медные плиты или, вернее, листа, с неясными, плохо выгравированными надписями. Очистив правую плиту от пыли, на ней можно прочесть:

Князь
Иван Михайлович
ДОЛГОРУКОЙ
родился 1764 года
7 Апреля
скончался 1823 года
4 декабря [17].
Блажени изгнани правды
ради яко тех есть царство
небесное.

Поэт сам не хотел богатого памятника:

О, вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной.
Все ваши бронзы бесполезны:
Они души не скрасят злой!
Среди могил, на взгляд негодных
И в куче тел простонародных,
Пускай истлеет мой состав!
Поверьте, с кем ни схорониться,
Земля все в землю обратится:
Се равенство природных прав!
Добро, какое я имею,
Даю жене и детям все:
Давать могу доколь владею,
Умру ни что уж не мое.

Печальных карт не посылайте
И черных платьев не вздевайте:
Пустой убыток, пышный вздор!
Ни в дождь, ниже во время ясно
Не мучьте вкруг меня напрасно
Богатых пастырей собор.

Еще глубже, с краю большой продольной дорожки, под большим крестом черного мрамора погребен Алексей Алексеевич Гатцук (1832-1891), известный издатель, основатель издающегося уже больше полвека «Крестового календаря» и еженедельной иллюстрированной «Газеты Гатцука» [18].

За миниатюрной шатровой церковью Иоанна Лествичника (позади нового собора) погребен знаменитый ученый Василий Осипович Ключевский [19]. На его более чем скромной могиле пока стоит простой цинковый крест, с одною датою смерти: 12 мая 1911 г.

Ключевский был сыном сельского священника, учился сначала в духовной семинарии, но не окончил ее и осенью 1861 г. перешел в Московский университет на историко-филологический факультет. Там его заметил С. М. Соловьев и предложил оставить для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. «Я ученик Соловьева, — скромно говорит Ключевский, — вот все, чем я могу гордиться, как ученый». Этот ученик Соловьева — самостоятельный выдающийся ученый — совместил свойство кропотливого исследователя-историка с художественным творчеством вдохновенного писателя. Художница Е. Д. Поленова рассказывает, какое она вынесла впечатление от лекции Ключевского: «Сейчас возвратилась с лекции Ключевского. Какой это талантливый человек! Он читает теперь о древнем Новгороде и прямо производит впечатление, будто это путешественник, который очень недавно побывал в XIII-XIV веках, приехал и под свежим впечатлением рассказывает все, что там делалось у него на глазах, и как живут там люди, и чем интересуются, и чего добиваются, и какие они там».

Недалеко за новым собором, немного вправо от крайней северной дорожки, выделяется массивный гладкий крест белого мрамора. К его подножию прислонена мраморная доска с надписью:

Князь
Сергей Николаевич
ТРУБЕЦКОЙ
род. 23 июля 1862 г.
ум. 29 сентября 1905 г. [20]

Это могила первого избранного ректора Московского университета, члена известной депутации в 1905 г., ездившей в Петроград по поручению съезда земских и городских деятелей. В то время — «свинцовыми беспросветными сумерками была охвачена университетская жизнь — отражение жизни России. И, казалось, не было выхода. Густой туман бессилия тяжелой пеленой ложился на человеческую личность. Иссякла вера в будущее. В это время рос и воспитывался дух маловерия в историческую роль русского народа, тяжелым вековым трудом и страданиями создавшего великую мировую культурную силу. В это время из тяжелого настоящего не видно было лучшего будущего; оно казалось навеки потерянным, недосягаемым. Переоценивались силы защитников старого. Университет замирал в тисках этих порождений общественного гниения. В это тяжелое время ярко засияла светлая личность Сергея Николаевича. Быстро засияла на всю Россию и так же быстро загасла. Хрупкая тонкая жизнь надорвалась в тяжелой обстановке современности». (Из речи В. И. Вернадского.) Сергей Николаевич «был убежденный защитник идеи, что университет должен служить только науке, он не страшился открыто высказывать и проводить эту идею, которая в то время далеко не была популярной. Мужество и прямота были его отличительными чертами. Он не боялся высказывать своих взглядов, как бы они не расходились с мнениями и настроением большинства». (Речь Мануйлова.)

На дорожке, ведущей вглубь кладбища от промежутка между соборами, почти в самом ее конце, налево с краю погребен профессор Н. И. Крылов. На его могиле — небольшой обелиск белого мрамора с надписью:

Никита Иванович
КРЫЛОВ
род. 8 сентября 1808 г.
сконч. 26 декабря 1879 г. [21]

Н. И. Крылов был сыном дьякона и по прихоти судьбы слушал лекции в Берлине Гегеля, Савиньи, Эйхгорна. Сделавшись профессором Московского университета по кафедре римского права, он первый показал, что и этот предмет можно читать в живом увлекательном виде. Сравнивая явления русской жизни с явлениями государственного организма римской империи, он был несравненно ближе к слушателям, чем его предшественники, ограничивавшиеся обыкновенно сухим перечнем институтов.

Во время чтения лекции Крылов ни на минуту не оставался в покое, жестикулировал, мял в руках платок и даже сбегал с кафедры, изображая в лицах высказываемые мысли. Слушатели как бы воочию присутствовали на древнем римском судилище.

В центре кладбища обращает внимание обилием цветов и венков могила композитора Танеева, с простым временным деревянным крестом, на котором сделана коротенькая надпись:

Сергей Иванович
ТАНЕЕВ
сконч. 6 июня 1915 г. [22]

Танеев был «композитор-мастер, образованнейший музыкант своего времени, человек редкой самобытности, оригинальности, душевных качеств, вершина музыкальной Москвы, уже с давних пор с непоколебимым авторитетом занимавший по праву высокий пост до конца дней своих... Танеев написал две кантаты, являющиеся его крайними сочинениями, крайними в буквальном смысле этого слова. Первая кантата была его первым сочинением, вторая — последним. Первая написана «ранней весной», вторая — на закате. В первой кантате устами Иоанна Дамаскина он пел «Иду в незнаемый я путь», во второй в уста Господа вложены слова: «Не я ль светила зажег над вашей головой». (С. Рахманинов. «Русск. Вед.» № 137 — 1915 г.). *

* Сергей Иванович Танеев скончался в полдень 6/19 июня 1915 г. в своем доме в деревне Дюдьково Звенигородского уезда. Гроб с телом был доставлен на станцию Голицыно, тогда ближайшую к Дюдькову, и оттуда в Москву. Крестьяне Дюдькова несли гроб на руках до Звенигорода. Они же в Голицыне украсили вагон цветами и зеленью. Сергей Иванович почитался крестьянами за праведника, они безоши-

Дальше за могилою Танеева, недалеко от восточной стены, стоит черный крест с надписью:

Заслуженный профессор
Императорского Московского университета
Матвей Михайлович
ТРОИЦКИЙ
родился 1 августа 1835 года
скончался 22 марта 1899 года [23].

Троицкий занимал кафедру философии и принадлежал к сторонникам позитивистов. Его главные сочинения: «Наука о духе», «Немецкая психология в текущем столетии», «Учебник логики» и др.

На новом кладбище, направо от ворот, у западной стены, центральное место занимает простой, но грандиозный памятник С. А. Муромцеву. Это — вымощенная гранитными плитами площадка с гранитной же высокой стенкой без всяких украшений. На ее строгом сером фоне величественно выделяется прекрасный бюст С. А. из темной бронзы работы Паоло Трубецкого. На пьедестале краткая надпись:

Сергей Андреевич
МУРОМЦЕВ
родился 23 сент. 1850 г.
скончался 4 окт. 1910 г. [24]

С. А. Муромцев был ординарным профессором Московского университета по кафедре гражданского права. Но это официальное звание большинству ничего не говорит. Муромцев был еще ученый юрист, много работавший в своей области, юрист, стремившийся указать пути, по которым русская общественная жизнь шла бы спокойно под защитою права. Но и Муромцева, как ученого, знают

бочно чувствовали его нравственное совершенство и человеческую красоту. В Москве траурное шествие проследовало от дома Танеева в Гагаринском переулке к консерватории. Там после отпевания, в память замечательного музыканта была исполнена медленная часть его до-минорной симфонии — одна из вершин его строгой и возвышенной лирики. С. И. Танеева похоронили на кладбища Донского монастыря, рядом с Варварой Павловной Танеевой, согласно его желанию, не раз высказанному при жизни. В 1940 году могила Танеева была перенесена на Новодевичье кладбище. — *Примеч. ред.*

немногие. Зато кто не знает его, как первого представителя первой Государственной Думы! Человек ко всему привыкает, во многом разочаровывается, ко многому делается равнодушным. Но тот, кто пережил «политическую весну», не забудет ее, как не забывает весны своей жизни...

«Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол, а в голове все звенит, да звенит

«Как хороши, как свежи были розы».

(И. С. Тургенев).

Не забываются розы и общественной жизни; забыты уколы их шипов, забыты труды по уходу за ними, но нельзя забыть их прелести, их аромата, а с ними нельзя забыть и С. А. Муромцева — ученого-садовода, оберегавшего их хрупкую жизнь.

С. А. Муромцев был избран председателем первой Государственной Думы сначала 426 записками из 436, а затем и единогласно. Его первая председательская речь точно и ясно определила задачи народного представительства: «Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной Думы, истекающих из самой природы народного представительства».

То, что в Англии лучшие спикеры парламента выработали в течение столетий, Муромцев применил сразу силою своего природного таланта. Как опытный кормчий в самую критическую минуту опасности остается спокоен, так и Муромцев в самый разгар страстей умел поддерживать заседания в строгом порядке. И ему беспрекословно повиновались, так как в его безупречной личности видели

отражение своей воли, олицетворение порядка и права самого народного представительства. Ни партий, ни пристрастия к отдельным мнениям, к отдельным личностям у председателя не было, беспристрастный, он стоял высоко над партийными страстями, и ему верили, ему нельзя было не повиноваться.

Но вот над Думою собрались тучи, загремел гром... Последовало выборгское воззвание. Президиум, во главе с Муромцевым, на три месяца был заключен в Московскую губернскую тюрьму, в Каменщиках... Уже нет в живых первого председателя первой Государственной Думы. За первой Думой последовала вторая, третья, четвертая... а тучи все еще не рассеялись, все еще темно.

— Сторож, близок ли рассвет?

— Еще темно, но утро близко!.. *

Вокруг своего председателя группируются и его товарищи, члены первой Думы. Вот рядом, с правой стороны, деревянный белый крест на могиле профессора Габриеля Феликсовича Шершеневича, скончавшегося 31 августа 1912 г., ученого, известного цивилиста, общественного деятеля [25], вот за ним такой же крест Виктора Петровича Обнинского, скончавшегося 20 марта 1916 г. [26] и напротив — тоже простой крест литератора и общественного деятеля Вячеслава Евгеньевича Якушкина, скончавшегося 2 декабря 1912 г., работавшего в Думе, главным образом, над проектом аграрной реформы [27].

Из них Обнинский прожил дольше всех, на его долю пришлось больше разочарований, больше горечи вынесло его сердце. И он не выдержал, не мог справиться с тоской и добровольно ушел в другой мир (застрелился). «Жизнь не поспевала за его горячей и быстрой мыслью. Он жестоко платился за свой неудержимый полет. И, наконец, разбился насмерть, не дождавшись полного развития тех идеалов, которые всецело владели его душой. Но до конца пребыл он верным этим идеалам» (Кн. Дм. Шаховской, «Русск. Вед.», № 67 — 1916 г.).

Они умерли, устроители новой жизни, на их скамьях сидят другие люди. Слышат ли они их загробный голос?

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...

---

* Любимое изречение С. А. Муромцева. — *Примеч. А. Т. Саладина.*

Все ли нас, бедных, добром поминаете,
Или забыли давно?..

(Некрасов).

С краю дорожки, налево, немного дальше памятника Муромцеву, погребен под рыночным цинковым крестом Александр Павлович Гавриленко, скончавшийся 10 мая 1914 года, директор (с 1905 г.) 28 Императорского технического училища, любимец студентов, замечательный человек, ученый и общественный деятель. По окончании технического училища Гавриленко уехал в Америку и там на заводах, простым рабочим, проработал несколько лет. Его курсы «Технология металлов», «Паровые котлы» пользуются широкой известностью.

В общей ограде с Якушкиным погребен Ф. Е. Корш. Могила его отмечена деревянным крестом с надписью:

Ординарный академик Федор Евгеньевич Корш
скончался 16 февраля 1915 года [29].

Федор Евгеньевич — сын Евгения Федоровича, одного из видных членов кружка Грановского (см. Пятницкое кладбище). В дни смерти и погребения Евгения Федоровича газеты посвятили его памяти многочисленные статьи, в которых отмечалось «его изумительное знание множества древних и новых, восточных и западных языков, его страстный интерес не только к языкам, но и к людям, на них говорящих». Украинцы видели, что, защищая права их на национальное развитие, «он защищал их не только как поборник правды и национальной идеи, но и как брат, в просветленном и интимно-углубленном понимании этого слова»... «Он ощущал теплоту жизни в народе, носителе языка; народы «униженные и оскорбленные», языки которых говорят о богатстве духовной жизни, находили в нем защитника и покровителя. Разнообразие научных знаний этого выдающегося ученого изумительно: Корш — профессор классической филологии в университете, персидского языка в Лазаревском институте, Корш — академик по отделению русского языка и словесности, Корш — председатель комиссий славянской и восточной археологического общества, комиссий диалектологической (разумеются русские диалекты) и Пушкинской при Академии

наук, Корш — автор трудов по стихосложению латинскому, славянскому, русскому, древнеиндийскому, турецкому и др., — одно перечисление научных дисциплин, которыми занимался он, одни перечни языков, которые он знал и которыми владел, конечно, поражают всякого». (Русск. Вед.», № 39 — 1915 г.).

Немного не доходя до памятника Муромцеву, с левой стороны дорожки, находится могила художника Валентина Александровича Серова, родившегося в 1865 г. и скончавшегося 29 ноября 1911 г. [30]

Талант Серова разнообразен — его считали первым портретистом, а он начал писать реалистические пейзажи. Вместе с портретами и пейзажами уживались картины на исторические темы. Русская деревня, рисунки животных, иллюстрации басен Крылова — все это одинаково поддавалось его кисти или карандашу. В манере письма Серова встречаются приемы, поражающие своею эксцентричностью, например, таков его портрет Иды Рубинштейн, представляющий сидящую обнаженную женщину необыкновенной худобы, с резкими угловатыми линиями спины.

Старые художественные надгробия на кладбище Донского монастыря почти все находятся вместе: направо и налево по дорожке, ведущей мимо соборов на новое кладбище.

Среди них резко выделяется одна из самых ранних скульптур на московских кладбищах — памятник на могиле Ивана Ивановича Козлова, ум. 1788 г. [31] Под ветхою крышею на четырех круглых каменных столбах, со следами бывшей когда-то решетки, сиротливо стоит задумавшаяся грация, слонившись над урной; около нее геральдический лев. У грации отбита кисть руки, по преданию, французами в 1812 г., которых будто бы поразила работа русского скульптора, и поврежден нос.

Белый мрамор потемнел, во впадинах и углублениях скопилось много пыли, но памятник все еще не потерял своего обаяния. Работа этого надгробия приписывается московскому скульптору Г. Замараеву, учившемуся в Париже.

Рядом, над могилою Л. Д. Давыдова [32], умершего в 1801 г., воздвигнут серый обелиск, с большим вкусом украшенный тонкой работы гирляндами из белого мрамора. Посреди гирлянд в камень врезан тонкий барельеф —

портрет покойного. Предполагается, что и это надгробие принадлежит резцу Замараева.

На самом краю дорожки, за сплошной решеткой из довольно толстых прутьев, под шатром, сохраняется большой памятник на могиле В. А. Небольсина, умершего в 1803 г. На высоком пьедестале стоит бюст покойного, а на него с глубокою тоскою смотрит молодая женщина, выполненная из белого мрамора в больших размерах [33].

На могиле ст. сов. Нарышкина хорошо исполнена из белого мрамора небольшая грация над урной [34].

У восточной стены церкви Михаила Архангела есть памятник на могиле кн. Н. Г. Щербатова (ум. 1848 г.) с резко вычерченным портретом (барельеф) покойного, обращенным к стене церкви [35].

По левую сторону дорожки на новое кладбище, с краю ее, находятся подряд несколько выдающихся памятников Барышниковым и рядом с ними памятник Яковлеву. На памятниках Барышниковым заслуживают внимания барельефы. Памятник Е. И. Барышниковой (1806) украшен барельефом из темной бронзы, изображающим Хроноса, безучастно уводящего из семейства мать, которую окружилм и стараются удержать дети и родственники. Фигуры изображены в классических костюмах и позах, но в них так много понятного самого простого человеческого горя! Работа этого барельефа приписывается В. И. Демут-Малиновскому, автору памятника Екатерине II, поставленного гр. С. П. Румянцевым в Троицком-Кайнарджи, под Москвой. Второй барельеф исполнен И. П. Витали из белого мрамора. Темой ему служит уход отца семейства к ранее умершей супруге; все фигуры этого барельефа одеты в современные костюмы и более жизненны [36].

Памятник на могиле П. И. Яковлева (ум. 1809) отличался когда-то пышностью обработки, но теперь это только огромный мавзолей из белого камня, с бронзовой статуей наверху, держащей в руках человеческое сердце; все более мелкие бронзовые украшения уже давно утрачены [37].

По дорожке, ответвляющейся близ ворот нового кладбища налево, к восточной ограде монастыря, издали видна огромная фигура крылатого гения на могиле А. П. Кожуховой [38], урожденной кн. Трубецкой (1827). Грустно склонившийся над урной гений помещен на высоком пьедестале и ничем не защищен. Тонкие бронзовые стенки

кое-где сильно пострадали, особенно заметны погнутое крыло и помятые рука и нога гения. Памятник Кожуховой может быть превосходным выразителем сентиментальной эпохи начала XIX века, нашедшей отклик и в эпитафии этого памятника:

Мне не дали омыть твой милый прах слезами,
Внезапно без меня ты в вечность преселилась!
Страдать вот мой удел, завещанный судьбами,
Но ненадолго ты со мною разлучилась!

Немного дальше и левее виден высоко поднятый саркофаг С. П. Тутолминой, урожденной графини Паниной. Этот памятник сделан И. П. Витали в 30-х годах прошлого века. Саркофаг украшают ангелы по углам и на крышке. Интересно лицо верхнего ангела в профиль: с одной стороны оно приветливо улыбается, а с другой как-то загадочно смотрит в землю [39].

Недалеко от памятника Кожуховой, на перекрестке двух дорожек, стоит простой незаметный четырехугольный камень на могиле Маслова, заслуживающий внимание бронзовым барельефом работы Витали [40].

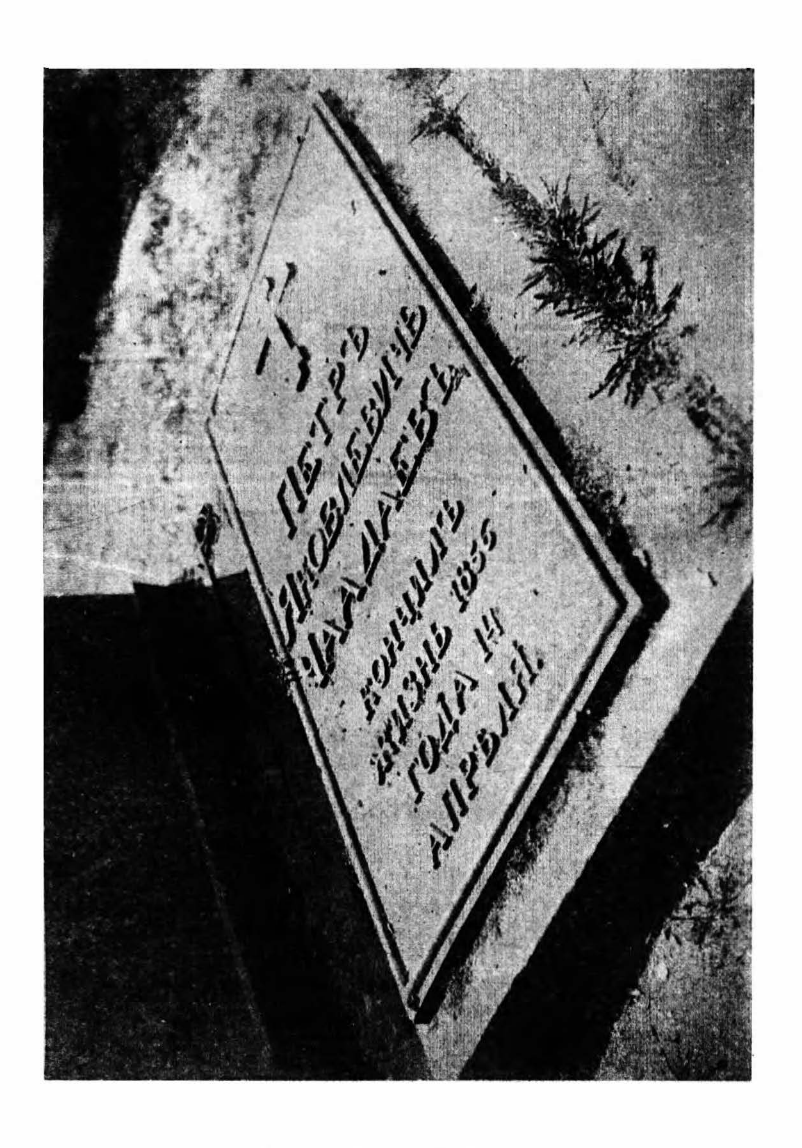
Близ алтарной стены старого собора есть прекрасно сохранившийся и художественно исполненный памятник на могиле сенатора Алексеева (ум. 1816 г.). Изящно выполненная из темной бронзы грациозная женская фигура держит превосходный медальон с портретом покойного сенатора [41].

Из числа современных памятников надо отметить барельеф на памятнике Н. Ф. Симашко (ум. 1905) за соборами. Резко выделяясь на черном фоне массивного креста, этот белоснежный барельеф изображает головы Христа и Богоматери. Скорбное лицо Богоматери выполнено очень реально, в духе картин художника Н. Н. Ге [42].

У восточной стены монастыря находится высеченный из целой огромной глыбы гранита роскошный памятник К. К. Тиль (ум. 1903) [43].

Этим, конечно, далеко не исчерпывается сокровищница интересных художественных надгробий кладбища Донского монастыря. Чтобы перечислить их более или менее полно, нужна работа специалиста.

В старом соборе есть несколько произведений скульпторов И. П. Мартоса, Ф. Гордеева и др., представляющих большую ценность в истории родной скульптуры.

Могила П.Я. Чаадаева

Могила П.А. Козлова

Могила Л.Д. Давыдова

Могила С.М. Трубецкого

Могила С.А. Муромцева

Фрагмент памятника Н.Г. Щербатову

Могила Н. И. Козлова

Могила А.П. Кожуховой

ДОРОГОМИЛОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

За Дорогомиловской заставой, на нагорном берегу реки Москвы, кладбище это красиво растянулось в длину. Неровности и овраги разнообразят площадь кладбища, создают прелестные уголки с видом на реку и город. Ограда местами ушла далеко вниз и не видна с обрывистого нагорья. Стырые березы, покрытые мохом, пни огромных деревьев придают кладбищу вид заброшенного парка.

На кладбище веет тишиною и покоем. Сравнительная бедность его памятников, разбросанность их в отдалении друг от друга смягчают присущий городским кладбищам вид, где, кажется, самые могилы ведут борьбу за существование, теснятся одна на другую, стараются превзойти друг друга убранством памятников.

Не то на Дорогомиловском кладбище, тут больше природы и ближе чувствуется все нивелирующее присутствие смерти. Неумолимая, неотразимая — она царит здесь...

И краски жизни беспокойной,
С их невоздержной пестротой
Вдруг заменяются пристойной
Однообразной белизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье,
Условье смутных наших дней:

Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

(Е. А. Баратынский).

Весело играют весною солнечные блики на свежей зелени, стрекочут кузнечики. Но вот наступает осень — дорожки и могилы усыпают желтые поблекшие листья, умолкают торжествующие звуки, с реки поднимаются холодные туманы. А потом приходит зима и покрывает все белым саваном. Так год за годом природа оживает и умирает. Изменяется вид кладбища, валятся старые великаны, а около их пней распускают почки молодые деревца. Но придет время, когда и самое кладбище не будет существовать:

Сто лет пройдет, сто лет, забытая могила,
Вчера зарытая, травою порастет,
И плуг пройдет по ней и прах, давно остылый,
Могущественный дуб корнями обовьет...
Он гордо зашумит вершиною густою;
Под тень его любовники придут -
И сядут отдыхать вечернею порою,
Посмотрят вдаль, поникнув головою,
И темных листьев шум, задумавшись, поймут...

(Я. П. Полонский).

Налево от церкви, на самой крайней дорожке, там, где внизу сверкает лента реки Москвы, издали виден высокий крест белого мрамора на могиле Н. П. Боголепова, бывшего попечителя московского учебного округа и после министра народного просвещения, умершего от ран, нанесенных студентом Карповичем. На памятнике надписи:

Николай Павлович
БОГОЛЕПОВ
родился 27 ноября 1846 г.
скончался 2 марта 1901 г.

Блажени есте, егда по
носят вам и ижде
нут и рекут всяк

зол глагол на вы лжу
ще мене ради.
Радуйтеся и веселитеся
яко мзда ваша многа
на небесех: тако бо изгна
ша пророки иже беша
прежде вас.
От товарищей и сослуживцев
по Московскому университету.

В этом конце кладбища, но ближе к противоположной стороне, стоит высокая кирпичная пирамида, обшитая железом и увенчанная золотою главкой, на братской могиле воинов, павших в 1812 г. На ней по серому фону черною краскою написано:

Вечная вам память
мученики и страдальцы
за веру, царя
и отечество
живот свой положившие.

«Сей памятник воздвигнут над общею могилою трехсот воинов-страдальцев и раненых в Бородинской битве и умерших на пути в Москву 1812».

С этой же стороны кладбища, ближе к церкви, заслуживает внимания ржавый чугунный памятник на могиле ребенка князя В. А. Голицына (ум. 1837).

Ржавый чугун — неблагодарный материал для художественных произведений, но спящий младенец на пьедестале, украшенном гирляндами, выполнен так жизненно, что и ржавый чугун оживает. Недостает только надписи, такой, какую составил Пушкин другому младенцу, тоже Голицыну:

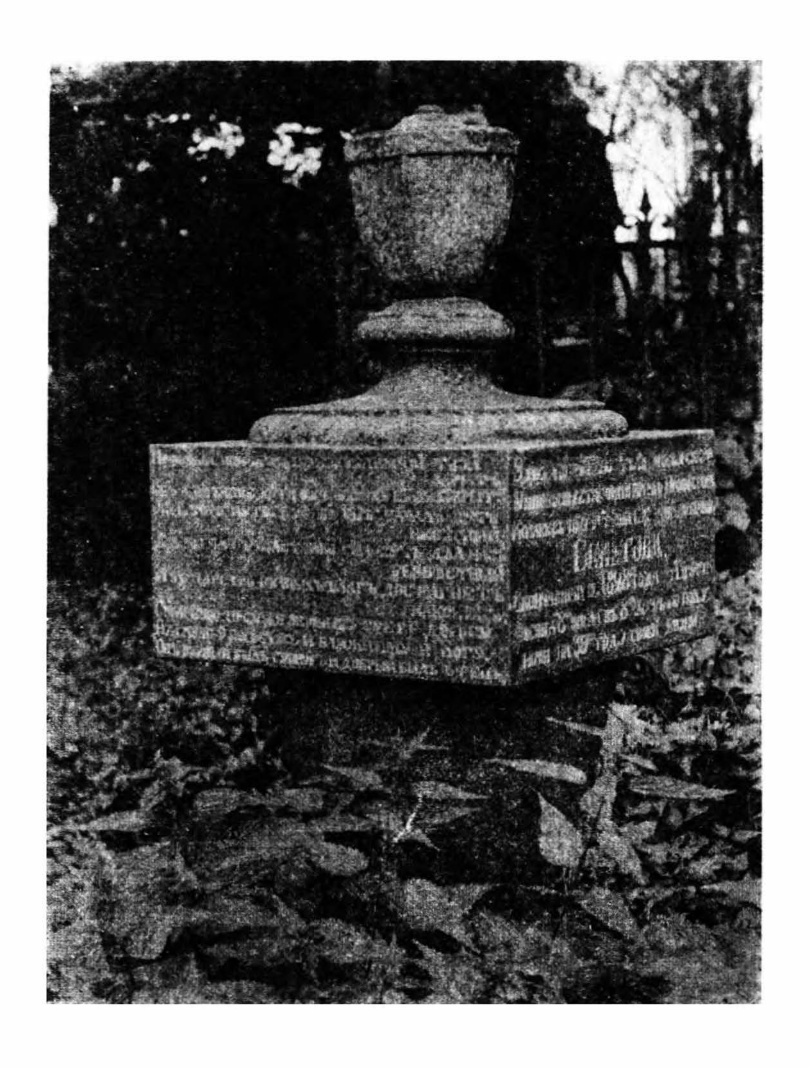
Отрадным ангелом ты с неба к нам явился
И радость райскую принес с собою к нам:
Но, житель горних мест, ты миром не прельстился
И снова отлетел в отчизну, к небесам.

При входе на кладбище, по левой дорожке, немного не доходя до церкви, направо, погребен старый писатель и

профессор политической экономии и дипломатии Московского университета Николай Андреевич Бекетов, ум. 8 августа 1828 г., оставивший после себя много сочинений: «О переселении народов», «О заслугах Карла Великого», «Историческое исследование царствования Бориса Годунова» и пр. На его могиле массивный конус, перебитый прямоугольником.

Тут же красивый бронзовый памятник А. Р. Ермакову (ум. 1905), что-то вроде древнего складня, с неразборчивыми надписями славянскою вязью.

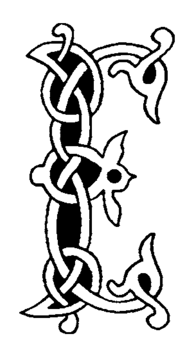

Могила Н.А. Бекетова

Могила А.В. Болдырева

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ

врейское отделено от православного Дорогомиловского кладбища только деревянным забором. Но вход на Еврейское кладбище значительно дальше Дорогомиловского, — близ моста Окружной железной дороги, там, где шоссе закрывается земским шлагбаумом.

На правой стороне шоссе, за кирпичными воротами, выступает серое в арабском вкусе здание молельни с куполом, увенчанным переплетающимися треугольниками — печатью Соломона или кабалы.

От ворот в глубину кладбища ведет широкая, усыпанная песком дорожка. На ней какая-то служебная кирпичная постройка разделяет кладбище на две половины.

Немного не доходя до этой постройки, с краю дорожки, погребен «Тургенев русской живописи» — Исаак Ильич Левитан, род. 18 августа 1860 г., ум. 22 июля 1900 г. На его могиле самый простой памятник, каких много на православных кладбищах, только снят крест. Надпись сделана по-русски: «Здесь покоится прах нашего дорогого брата, Исаака Ильича Левитана (следуют даты рождения и смерти). Мир праху твоему».

Поэт русского и создатель музыкального лирического пейзажа, Левитан показал красоту нашей будничной природы, прелести подмосковного пейзажа в таких его уголках, мимо которых до него проходили с полным равнодушием. Он осветил эти уголки светом своего большого таланта, и в них, к удивлению, оказались такие красоты, которые ближе, понятнее нам, чем все эффектные картины горной природы, морских далей, дробящихся о седые утесы громадных волн, лунных ночей с кипарисами и

развалинами замков. Левитан показал, что «красота разлита всюду: от былинки вплоть до звезд», что на обширных унылых равнинах природа все так же прекрасна, как и везде: «прекрасен холодный свод ее неба, прекрасны ее серые сумерки, прекрасны ее качающиеся в дождь березы, прекрасны синие тени по весеннему снегу, алое зарево закатного солнца и бурые весенние реки» (А. Бенуа).

Как истинный художник, Левитан не довольствовался тем, что мог создать своею кистью — в своих переживаниях он чувствовал больше. «Может ли быть что трагичнее,— говорит он в одном письме,— как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну, видеть Бога во всем и не уметь, сознавать свое бессилие выразить эти большие ощущения».

Поэт русской природы, научившийся слышать «трав прозябанье» и рассказывать зрителю красками переживания клочков придорожной травки и кустарника, он был еврей. Странная прихоть судьбы: душа еврея страстно влюбляется в русскую природу, а души русских (Иванов, Поленов) отдаются ярким краскам востока, стараются проникнуть в психологию древних евреев.

Левитан родился близ Вержболова, но отец его переселился в Москву, и почти вся молодость его прошла в ее патриархальном чисто русском быту. По смерти отца, юноша Левитан жил в страшной нужде, даже ночевать порою ему было негде. Каким-то чудом удалось ему поступить в училище живописи, ваяния и зодчества, воспитавшее много даровитых художников. Там он работал в мастерской Саврасова, автора знаменитой картины «Грачи прилетели». Нуждаясь, молодой художник продавал свои картины иногда очень больших размеров по 15 — 40 руб. в багетные лавки. В 1884 г. Левитан покинул училище по принуждению, за непосещение классов, но училище уже ничего и не могло дать ему больше. Талант Левитана не скоро, но все же вовремя получил оценку, нужда миновала, и он мог работать спокойно, не спеша, что и делал, заслужив даже упреки в плохой продуктивности.

Непродуктивность Левитана, по свидетельству Бенуа, объясняется тем, что «годами бился он над иным простейшим мотивом, переписывая все снова, недовольный тем или другим, еле заметным, диссонансом, меняя иногда всю композицию, раз ему казалось, что его поэтичная или

живописная мысль недостаточно «очищена»... Некоторые излюбленные темы, прежде чем появиться в окончательной редакции, написаны были 3, 4 и даже 5 раз».

Так строго относятся к своему творчеству избранники и других родов искусства, — так работал Лев Толстой...

За служебной постройкой, тоже на краю дорожки, налево, стоит красивый невысокий гранитный портал — это памятник на могиле публициста, сотрудника «Русских Ведомостей» и члена второй Государственной Думы Григория Борисовича Иоллоса (р. 1859 г., ум. 1907 г.).

Иоллос родился в зажиточной купеческой семье, но этот круг ему был тесен, и он пошел другой дорогой. Окончив Гейдельбергский университет со званием доктора прав, он возвратился в Россию, где путь на кафедру ему, как еврею, был закрыт. Занявшись публицистикой, он поместил в «Русск. Ведом.» ряд талантливых корреспонденций. Его «Письма из Берлина», скромно подписанные буквою «И», в которых он немало уделял места деятельности германской социал-демократической партии, читались в 80-х годах с большим увлечением.

С 1905 г. Иоллос стал редактировать «Русск. Ведом.», а затем был выбран во вторую Государственную думу от Полтавской губернии.

Политическая борьба партий обострилась, и Иоллос стал одною из жертв освободительного движения. Он был убит 14 марта 1907 г., по дороге из редакции домой, выстрелами из-за забора дома Торопова, в начале Гранатного переулка. Убийцы не найдены.

На Еврейском кладбище есть много современных памятников художественной работы. Например, памятник М. С. Демент (ум. 1911) вблизи могилы Иоллоса, — черный мраморный столб с пылающим светильником и небрежно брошенной пальмовой ветвью; тут же памятник М. И. Эфросу (ум. 1911) — серый портал полированного гранита, с урной наверху. Обращают внимание богатые усыпальницы Понизовских, Высотских, Слиозбергов и др.

На большинстве памятников надписи сделаны по-русски. И только на немногих стильных памятниках с большим вкусом помещены два-три слова характерного еврейского шрифта, прекрасно гармонирующего со строгими линиями памятника.

Беднейшие могилы расположены в глубине кладбища,

ближе к берегу реки Москвы. Здесь мрачно и даже жутко. Какие-то миниатюрные кирпичные домики с железной крышей или просто деревянные ящики, в которых как будто чудится пребывание духа умерших. Приятнее видеть простые доски с надписями на еврейском языке, вколоченные на могилах совершеннейших бедняков.

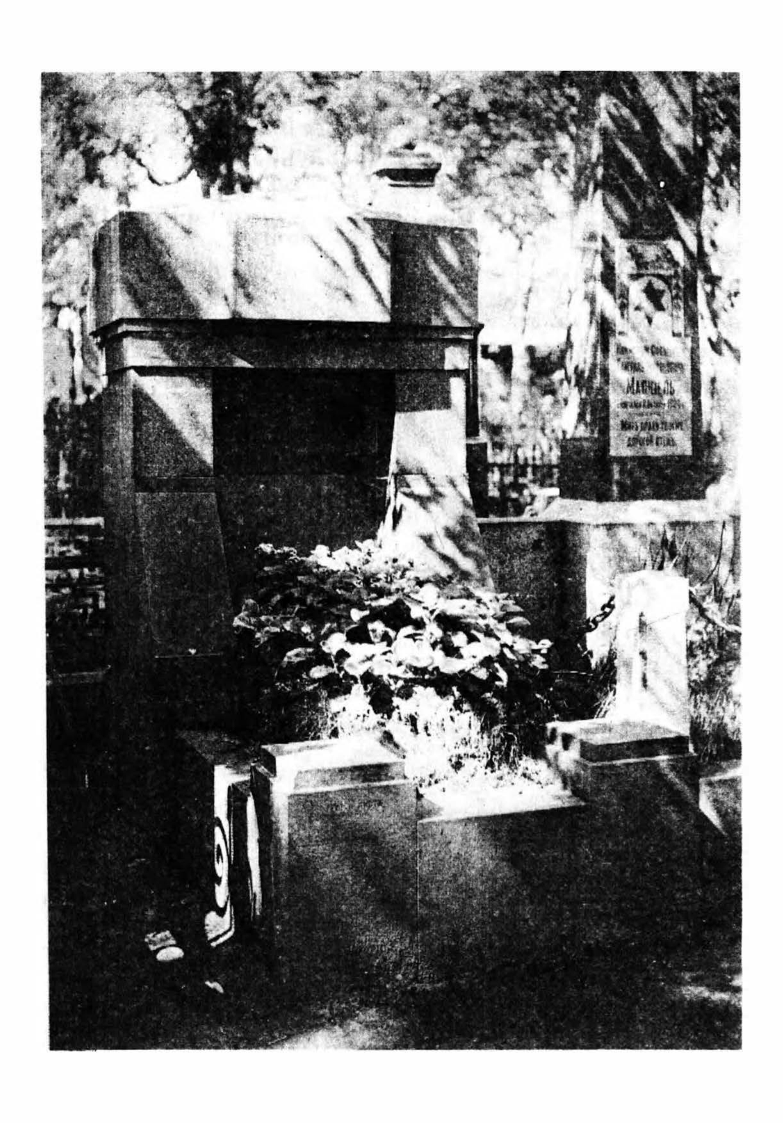
Народ, сохранивший, несмотря на жестокие гонения, через тысячелетия свой облик, свои предания, свою мудрость, окружил и погребения таинственными смыслами. Эта тайна чувствуется и в современных порталах на могилах богачей, и в надписях досок на могилах бедняков:

«Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его». (Еккл. XII, 5, 6, 7).

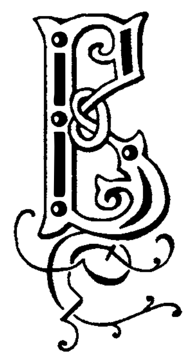

Могила И. И. Левитана

Могила Г.Б. Иоллоса

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

аганьковское кладбище — самое обширное и наиболее посещаемое московское кладбище. Весною, после Пасхи, когда зазеленеет трава и в теплые ясные дни осени, когда золотые листья кружатся и, мелькая в воздухе, осыпают могилы, — на Ваганьковском кладбище по аллеям двигаются густые толпы народа. Кладбище это известно всей Москве, хотя оно не отличается ни богатством памятников, ни красотою местоположения или распланировки. Популярность Ваганьковского кладбища надо искать в его населении, в его обширных размерах и близости к центру города.

Поселившаяся в прежних барских кварталах Поварской и Никитской улиц интеллигенция, близко стоящая к университету, проживающие тут же поблизости артисты московских театров, богема с Бронных улиц — все это оканчивает жизнь на Ваганьковском кладбище. Потому-то здесь так много могил литераторов, профессоров, артистов.

Кладбище настолько обширно, что ориентироваться на нем очень трудно, тем более, что дорожки не носят определенных названий.

Первая при входе на кладбище дорожка налево ведет к часовне-усыпальнице московского фабриканта Прохорова [1], близ которой находится несколько могил известных лиц.

В начале этой дорожки одна из ближайших крайних могил с правой стороны принадлежит «первой Катерине» из «Грозы» Островского — Л. П. Никулиной-Косицкой. На могиле большой круглый камень с черным мраморным крестом и надписью:

Любовь Павловна
НИКУЛИНА-КОСИЦКАЯ
артистка Императорского
Московского театра
Скончалась 5 сентября 1868 г.
Господи приии дух ее с миром.

Л. П. начала свою артистическую карьеру в Нижнем, где она пела в «Аскольдовой могиле». Там ее заметил и привез в Москву М. С. Щепкин. Талантливая драматическая артистка обладала еще и музыкальными способностями, она написала музыку к нескольким романсам. Умерла Л. П. в нищете, так как денег не жалела, отдавая их более бедным и несчастным [2].

Немного не доходя до Прохоровской часовни выделяется, памятник на семейном месте Шехтеля [3], в виде простой гранитной стены в форме обращенного острым концом вверх треугольника.

Около него в железной ограде стоит довольно большой крест черного мрамора. Коротенькая надпись:

Виктор Александрович
ГОЛЬЦЕВ
скончался 18 ноября 1906 г. [4]

напоминает личность ученого и публициста, редактора «Русской Мысли», убежденного конституционалиста. Выдающийся оратор, он был лишен кафедры и трибуны, да и как журналист постоянно подвергался официальным запрещениям и карам. Такая была пора, тогда не нужны были пророки, вольным словом владели другие. Вл. Соловьев так охарактеризовал то время:

Наказана ты, Русь, всесильным роком,
Как некогда священный Валаам:
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

«Память о таких людях, как В. А. Гольцев,— говорит А. Кизеветтер,— не должна ограничиваться пределами современного им поколения. Он принадлежал к той избранной дружине, которой — по прекрасному выражению Грановского — Россия вверила знамя своей образованнос-

ти. О членах этой дружины надо уметь помнить и их надо уметь чтить».

Близ памятника Шехтелю, на краю кладбища, стоит деревянный крест с надписью:

Вукол Михайлович
ЛАВРОВ
сконч. 10 января 1912 г.
на 60 г. жизни [5].

Под этим бедным незаметным холмиком погребен основатель «Русской Мысли», начавшей выходить в 1880 г. В свое время журнал, редактируемый В. А. Гольцевым, занимал первое место в числе толстых русских журналов как по тиражу, так и моральному влиянию на читателей, и был единственным представителем независимой ежемесячной прессы в Москве. На его страницах появлялись произведения Глеба Успенского, Златовратского, Нефедова, Астырева, Гаршина, Григоровича, Лескова, Мордовцева, Скабичевского, Венгерова, Джаншиева, Чупрова, Вл. Соловьева и многих других известнейших писателей и ученых.

Впереди могилы Лаврова, под деревянным крестом погребен московский журналист Николай Петрович Лопатин, покончивший с собою 1 января 1914 г. еще молодым человеком, на 32-м году жизни [6].

Рядом с памятником Шехтелю находится скромный серого гранита памятник с надписью:

Александр Михайлович
ВВЕДЕНСКИЙ
московский журналист.
Сконч. 26 июля 1913 г.
на 51 году [7].

— — —

Дорогому товарищу
от редакции и сотрудников
«Утро России».

В этой газете покойный работал последнее время перед смертью. Остроумный, всегда жизнерадостный, он пользовался большой любовью в своей среде.

Не доходя до памятника Гольцеву, среди скромных

крестов, стоит небольшая часовня над могилой известного детского врача профессора Нила Федоровича Филатова, род. 4 апреля 1847 г., ум. 26 января 1902 г.

Почти в самом конце первой дорожки, с краю ее, напротив часовни Пахомова [9], и недалеко от часовни Прохорова, доживает последние дни убогий деревянный крест с надписью:

Академик
Алексей Кондратьевич Саврасов
род. 12 мая 1830 г. сконч. 26 сентября 1897 г. [10]

Крест наклонился назад, могильный холмик примят и зарос травою. Ни венков, ни их остатков, никаких следов, что могила еще посещается. В 1871 г. появилась его картина «Грачи прилетели» (находится в Третьяковской галерее, воспроизведения помещены даже во многих хрестоматиях). Ничего особенного в ней не было — стоит церковь с старинной шатровой колокольней, голые деревья, проталины снега — все так обычно. Но перед ней чувствуется что-то невольно хватающее за душу. Это была первая картина русского реального пейзажа. Саврасов преклонялся перед русскою природой. Как только начиналась весна, он уходил со своими учениками в Сокольники, уезжал в Саввинскую слободку под Звенигородом любоваться и зарисовывать первую травку, первое цветение дерева. Как многие талантливые русские люди, Саврасов страдал известным недугом. Посещать в таком состоянии училище живописи, где он преподавал, стало наконец невозможно, и ему пришлось оставить преподавание, от него отшатнулись и забыли. Если не вспомнит о заброшенной могиле Саврасова какое-нибудь художественное общество или учреждение, она скоро исчезнет, и не будет известно, где погребен художник, написавший первый русский реальный пейзаж, создавший новое течение в живописи.

Около Прохоровской часовни, с краю дорожки, погребен «Нестор русских физиологов» И. М. Сеченов. На его могиле — памятник-крест черного полированного мрамора, в железной ограде. На памятнике написано:

Профессор
Иван Михайлович

СЕЧЕНОВ
родился 1 августа 1829 г.
скончался 2 ноября 1905 г. [11]

Отец Сеченова был симбирский помещик, а мать простая крестьянка, да еще с примесью калмыцкой крови. «Из всех братьев,— шутил И. М.,— я вышел в черную родню матери и от нее же получил тот облик, благодаря которому Мечников, возвратясь из путешествий по Ногайской степи, говорил мне, что в этих палестинах что ни татарин — вылитый Иван Михайлович». Сеченов учился в Инженерном училище (военном), но карьера военного инженера не была его призванием, почему он перешел в Московский университет. Был профессором Петроградской медицинской академии, Петроградского и Новороссийского университетов. Кроме многочисленных ученых сочинений, написал «Автобиографию», в которой, между прочим, так объясняет добровольное оставление под старость преподавательской деятельности: «Покончить преподавательскую деятельность побудили меня лета, сознание начавшейся отсталости в науке и убеждение, что старику не следует дожидаться времени, когда публика будет желать его ухода». В 1904 г., думая, что, «отсталый для чтения в университете, годен еще на чтение элементарных курсов», он стал было читать анатомию и физиологию на Пречистенских курсах для рабочих, но в качестве преподавателя этих курсов его не утвердили.

Между каменной и новой деревянной часовнями Прохоровых [12], ближе к углам их, обращенным в глубь кладбища, стоит совершенно невидный в зелени желтый деревянный крест на могиле заслуженного профессора Московского университета Николая Алексеевича Умова, ум. 2 января 1915 г. [13], «патриарха московских физиков», имя которого известно в ученых кругах и за пределами России. «Это был человек,— говорит некролог в «Русск. Вед.», № 3, 1915 г.,— с большим глубоким сердцем, с великой любовью к добру и человечеству. Он щедро дарил свою любовь окружающим и глубоко страдал от всякой несправедливости, от всякого зла, совершавшегося вокруг. Это был светильник, ярко горевший, освещавший и согревавший все вокруг себя».

В этой же части кладбища погребен последний представитель народнического течения Николай Николаевич

Златовратский [14] (род. 1845 г., ум. 1911 г.). Дед его был дьячком в церкви при Золотых воротах во Владимире (отсюда происхождение фамилии), а отец служил во Владимирской губернской канцелярии. Разъезжая с матерью в молодости по деревням к родным из духовенства, быт которого в то время был близок к народному, Златовратский близко ознакомился с деревней. Отец его был незаурядным чиновником, он открыл библиотеку, мечтал о газете, что, конечно, не осталось без влияния на впечатлительного юношу. Златовратский начал писать очерки из народного быта под псевдонимами Н. Череванина и Золотого человека; первою обратила на себя внимание его повесть «Крестьяне-присяжные», напечатанная в «Отечеств. записках», затем следовали сделавшие ему имя «Деревенские будни», «Золотое сердце», «Скиталец», «Семья Кремлевых», «Господа Караваевы» и пр. Златовратский горячо верил в народ, идеализировал его и этим заслужил большой успех у молодежи.

При входе на кладбище, недалеко от левого края главной дороги, напротив церкви, в тесноте незаметно скрывается высокий крест темно-серого гранита, с византийским орнаментом и символическими животными евангелистов. На кресте надпись славянскими буквами:

Профессор
Сергей Алексеевич
УСОВ
родился 5 января 1827 года
скончался 27 октября 1886 года.

Это — могила основателя Московского зоологического сада и издателя журнала «Природа» [15].

Напротив колокольни, тоже близко от левого края главной дороги, выделяется довольно высокий памятник белого мрамора треугольной формы, с портретом-горельефом и надписью:

Александр Васильевич
ЛОГАНОВСКИЙ.
Родился в 1812 г. Марта 12 дня.
Скончался 1855 года ноября 18 дня [16].

Логановский принадлежит к той плеяде ранних русских

скульпторов, которая находилась под влиянием академических традиций и даже «Мальчика играющего в свайку» изображала в классической позе. Общеизвестны горельефы работы Логановского на наружных стенах храма Христа Спасителя. Но надо помнить, что там не все горельефы его работы, на восточной и северной сторонах часть, принадлежит барону Клодту и Рамазанову.

По второй от входа на кладбище левой дорожке, напротив обширного за решеткой места Ермаковых [17], недалеко от края погребен профессор и журналист С. П. Шевырев. Как ученый, он известен трудами «Теория поэзии», «История русской словесности преимущественной древней», «Дант и его время», как лектор и журналист получил нелестную оценку за напыщенность, нетерпимость и непонимание литературного движения своего времени. Поэтесса Е. Ростопчина в своем «Сумасшедшем доме» посвятила ему такие строки:

Вот уста, что нам точили
Мед с елеем пополам,
Вот те руцы, что кадили
Безразборно всем властям...
Вот профессор сладкогласный,
Что так горько был гоним
Молодежью, столь пристрастной
К людям, к мнениям иным.
Очистительною жертвой
Духу века принесен,
Видит он: теперь уж мертво
Все, что чтил, что славил он...
И враги ему студенты —
И за то он им постыл,
Что любил кресты и ленты,
Что метафоры любил.

На могиле Шевырева — высокий крест темного полированного гранита со скатной кровлей, утвержденный на большой темной глыбе. На глыбе небрежно брошены три закрытые книги: «История поэзии», «Теория поэзии», «История русской словесности». На глыбе вырезано:

Учителю русской словесности
профессору Московского университета

и академику
Степану Петровичу Шевыреву
Друзья, товарищи и ученики.

— — -

Родился в Саратове 1806 года Октября 18
скончался в Париже 1864 года Мая 8.
Сеяй в плоть свою от плоти пожинает истление, а сеяй
в духе от духа пожнет живот вечный.
К Гал. VI 7-8 [18].

Дальше от входных ворот, пройдя церковь, налево ведет широкая дорожка, которую называют то Центральной, то Филипповской, так как в конце ее находятся памятники московским булочникам Филипповым [19].

На ней, немного не доходя до обширного места под крышей с проволочной решеткой на могилах Салаевых (издательская фирма) [20], налево, близко от края погребен В. И. Даль, писавший под псевдонимом «казака Луганского», богато одаренная натура: он был писателем, медиком, естествоиспытателем, этнографом, лингвистом. По происхождению датчанин, Даль по духу был одним из лучших русских людей своего времени, он жил и работал только на пользу России. Его «Толковый словарь живого русского языка», «Пословицы русского народа» заслуживают глубокую благодарность потомства. Перед смертью Даль жил на Пресне и сам пожелал, чтобы его похоронили на Ваганьковском кладбище.

Могила Даля окружена железной оградой, на ней гранитный крест грубой формы, с трудно разбираемой надписью славянской вязью:

Владимир Иванович
род. умер
10 нояб. 22 сен.
1801. ДАЛЬ 1872. [21]

На следующей левой дорожке, ближе к домам причта, тоже есть могилы известных лиц.

Около средины ее, налево, с краю, в железной ограде — небольших размеров временный деревянный крест указывает могилу знаменитого художника Василия Ивановича Сурикова, ум. 6 марта 1916 г. [22]

Кто не останавливался в Третьяковской галерее перед

огромными полотнами этого гениального художника: «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове»?..

В них «Суриков поведал людям страшные были прошлого, показал нам героев минувшего, представил человечеству в своих образах трагическую загадочную душу своего народа. Боже, как прекрасны эти образы! Как близки они нашему сердцу своею многогранностью, своими страстными порывами, своими грехами, молитвами и покаянием. У Сурикова душа нашего народа падает до самых мрачных низин; у него же душа народная поднимается к престолу Божию и теплится там неугасимым светом за всех здесь живущих. Суриков и Достоевский — два великих национальных таланта, родственных в их трагическом пафосе. Оба они прошли свой земной путь, как великий подвиг». «На каждой исторической картине Сурикова трепещет жизнью народная масса. Народ, а не герои делают историю, или, лучше сказать, народ-то и есть главный герой исторической драмы,— вот первое, чему уит Суриков»... «Суриков умел открыть в нашем прошлом и героизм масс, и героизм лиц, и он умел показать в своих созданиях созвучность и взаимозависимость того и другого. Он творил как поэт и художник. На его творчестве лишний раз оправдалась та истина, что произведения подлинного художественного гения раскрывают широкие горизонты не только в мире красоты, но и в мире идей» (М. Нестеров, А. Кизеветтер. «Русск. Вед.», 8 марта 1916 г.).

Напротив могилы Сурикова выделяется красивый памятник белого мрамора, с лирой, на могиле артиста Николая Петровича Киреева [23].

Дальше по этой дорожке, направо, с краю, могила известного москвичам оригинала артиста и антрепренера Лентовского, одевавшегося всегда в казакин, поддевку, высокие сапоги и картуз. На его могиле красный дубовый крест с надписью:

Михаил Валентинович
ЛЕНТОВСКИЙ
сконч. 11 декабря 1906 года [24].

«Лентовский,— вспоминает М. В. Шевляков в «Ист. Вестн.», янв. 1913 г.,— был человеком «широчайшего

размаха» и в 1880-х годах таким любимцем москвичей, что его иначе не называли ни в печати, ни устно, как «маг и волшебник». Другой бы на его месте менее затейливый предприниматель нажил миллионы, а он после своих «сказочно-блестящих дел» последний десяток лет нуждался в мелочах и считался безнадежным банкротом. Основанный им сад «Эрмитаж» делал громадные обороты, а сам Лентовский только должал, потому что у него было слишком много друзей и помощников, которые очень уж усердно заботились о собственном благополучии. Умный и зоркий Лентовский это видел отлично, но принципиально никому не мешал себя разорять, потому что он был «широк».

— Пусть! Всего не возьмут...

А оказалось — взяли...

Во время своего могущества не жалел он денег и на себя. Его расходы не поддавались учету. Масса прихлебателей, толпа поклонников, большинство из которых он знал только в лицо, совершенно не интересуясь ни фамилиями их, ни именами. Ему было совершенно безразлично, кого кормить своими лукулловскими обедами и ужинами.

И из-за того, что окружающих он знал только в лицо, с ним однажды случилась неприятная история. Имея всегда деловой, озабоченный вид, Лентовский у себя в «Эрмитаже» не ходил, а бегал. Он знал, что к нему это «шло». И вот как-то, пробегая от открытой сцены к закрытому театру, он встречает солидного господина, который, раскланиваясь с ним, сделал попытку его остановить.

Лицо знакомое. Лентовский на ходу ему крикнул:

— Иди ко мне в кабинет!

— Виноват.

— Говорят тебе, в кабинет!

Господин гордо выпрямился и с недовольством в голосе начал было:

— Господин Лентовский, я бы попросил вас...

Но нетерпеливый Михаил Валентинович разозлился в конец.

— В кабинет, черт тебя возьми! Экий идиот!

И побежал дальше.

Через несколько минут два театральных капельдинера рыскали по саду, разыскивая антрепренера.

— Что вам? — крикнул на них Лентовский.

— Его сиятельство к себе требуют.

«Его сиятельство», приснопамятный московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, не в меру баловавший своего любимца Лентовского, нередко посещал «Эрмитаж» и всегда призывал к себе в ложу «мага и волшебника», чтобы похвалить его спектакли.

Разумеется, Лентовский сейчас же направился к князю, но каково было его удивление, когда, переступив порог ложи, он увидел вместе с генерал-губернатором и того незнакомца, которого только что обозвал идиотом.

— Послушайте, Лентовский,— сказал князь: — кто вам сообщил, что этот господин идиот?

Хоть это и не было похоже на Лентовского, но он сробел.

Выдержав паузу, князь продолжал:

— Запомните, пожаллйста, навсегда, что идиотов губернаторами не называют.

— Виноват...

— Завтра в одиннадцать утра извольте явиться ко мне, и я вам преподам урок вежливости».

Около могилы Лентовского соединяются под острым углом Филипповская дорожка и та, на которой находится могила Сурикова.

Если, немного не доходя до могилы Лентовского, свернуть направо в глубь кладбища, то в нескольких шагах будет заметный еще издали оригинальный массивный крест темного дуба, со скатной кровлей, резными украшениями, на могиле талантливой художницы Е. Д. Поленовой. Надпись на кресте вырезана красивыми славянскими буквами:

А иже сотворит и научит сей
велий наречется в царствии
небеснем.
Матф. 5. 19.
Елена Дмитриевна
ПОЛЕНОВА
7-го ноября 1898 г.

Могилу Поленовой окружает обширная ограда [25].

Позади ее стоит заметный массивный памятник розового гранита, с черным крестом наверху и надписями:

Иван Егорович

ЗАБЕЛИН
род. 17 сентября 1820 г.
сконч. 31 декабря 1908 г. [26]
Императорский
Российский Исторический Музей
своему Товарищу Председателя.

Забелин не получил достаточного общего образования, учился он в школе Матросской богадельни в Москве, откуда поступил писцом в Оружейную палату. Здесь он увлекся богатыми архивными материалами царского быта и благодаря природному таланту из канцелярского служителя превратился в известного русского историка и археолога, получив в 1871 г. ученую степень доктора русской истории. В своих трудах Забелин много места отводил быту и характеру народа, тому сироте-народу, который в истории обходился обыкновенно молчанием. Своеобразным, близким к народному языком, с большой любовью к старине и прекрасным знанием ее, описывает Забелин родное прошлое, заставляя его оживать перед нами. Главнейшие произведения Забелина: «Домашний быт русских царей», «Домашний быть русских цариц», «История Москвы» и др.

Недалеко от Забелина, направо, если смотреть на лицевую сторону его памятника, на краю тропинки стоит убогий деревянный белый крест с надписью:

Алексей Алексеевич Попов (Монастырский)
журналист и поэт
род. в 1844 г. сконч. 5-го октября 1906 г. [27]

Произведения его помещались в мелкой московской прессе и там пропадали незаметно, хотя некоторые отличались большою теплотою. Вот для примера одно его стихотворение из журнала «Гусляр» за 1890 г., № 9.

Как часто, к твоему приникнув изголовью,
Дитя мое, прошу я Бога об одном,
Чтоб Он прикрыл тебя Своей святой любовью
От горестей земных, как пламенным щитом!

Пусть жизнь твоя, мой друг, не знает озлобленья,
Ни темной зависти, ни гнусной клеветы

И пусть тяжелое и горькое сомненье
Твоей не омрачит незлобивой мечты...

Но, проходя свой путь, усыпанный цветами,
Средь песен сладостных и счастия, и грез,
Ты помни, что не все ликуют между нами,
Что много в мире есть невыплаканных слез...

И если иногда к тебе протянет руки
Твой брат, без слов, в отчаяньи немом,
Ты облегчи ему страдальческие муки.
Согрев души своей живительным теплом...

Тут же вблизи погребены и другие работники московской мелкой прессы.

С другой стороны тропинки находится большой белый деревянный крест, весь покрытый старыми металлическими венками. На нем надпись:

Поэт-писатель
Иван Андреевич Вашков
сконч. 26 марта 1893 г. 46 л. [28]

Незаурядный литератор, Вашков из-за нужды и пристрастия к вину вынужден был работать как ремесленник, чтобы только прокормиться с семьей. Он много сотрудничал в «Московском листке», Пастухов и похоронил его на свой счет.

Рядом — в тесной чугунной ограде — литой чугунный крест, с надписью:

Николай Степанович
ИОГАНСОН
журналист
скончался 19 дек. 1897 г.
на 56 году жизни [29].

Это другой сотрудник «Моск. листка», с которым, как, впрочем, и с другими сотрудниками доброго старого времени, Пастухов обращался по-домашнему, считая свою редакцию чем-то вроде старозаветного гостинодворского амбара. Недаром в торговом мире эта газета пользовалась тогда большим успехом.

Рядом с могилою Иогансона, в высокой решетчатой ограде, стоит небольшой цинковый крест с надписью:

Артист
Императорских театров
Леонид Иванович
ГРАДОВ-СОКОЛОВ
сконч. 28 ноября 1890 г. [30]

Пожилые москвичи, вероятно, еще помнят его как талантливого комика по театру Корша.

В этом же уголке кладбища погребен Илиодор Иванович Пальмин [31] (род. 1841 г., ум. 1891 г.), поэт города, его темных закоулков, закоптелого неба, обывательской тоски и невысоких идеалов. Он сам признается:

Скучны песни мои, в мрачной их глубине
Ни луча и ни искры отрадной,
Полны желчи они, полны яду они,
Полны осени мглы непроглядной.

Потому столько яду в напевах моих
И аккорды их злобно-суровы,
Что столичная жизнь мне навеяла их,
А не щепот зеленой дубровы.

И не яркие звезды своим серебром
Струны лиры моей осыпали,
Но под тусклым столичного газа лучом
думы песен моих возникали...

Не любовь диктовала те песни в тиши,
В темной роще, под липой ветвистой,
А вражда, накипевшая в мраке души,
Под ярмом атмосферы нечистой...

Но порой и его музв вырывалась из цепких лап города, таков, например, положенный на музыку —

РЕКВИЕМ

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,

Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

Но в серые будни в юмористическом стихотворении «Из моего завещания» он и о смерти шутит по-обывательски:

Когда закидают землей
Мои многогрешные кости,
Ко мне на могилу весной
Приди, моя милая, в гости.
Яснее ты выбери день,
Чтоб все ликовало с весною,
И если, мой ангел, не лень,
Возьми и кофейник с собою.
На воздухе кофей вкусней...
Притом на заветной могиле!..

Пальмин не был яркой звездой на родном Парнасе, но и его имя заслуживает благодарной памяти, как этого пожелал ему собрат по перу Вл. Гиляровский в стихотворении:

НА МОГИЛЕ Л. И. ПАЛЬМИНА.

Слыхали мы не раз, когда струна
Порой на арфе нежной оборвется,
И звука тонкая, дрожащая волна
Замрет и в воздух унесется.
Здесь жизни порвалась струна. Поэт
Окончил жить. Но песни его живы,
И прозвучат, хоть нет его, на много лет
У нас в душе знакомые мотивы.

На следующей тропинке, под памятником-крестом погребен артист Императорского балета Василий Федорович Гельцер, род. 1840 г., ум. 30 декабря 1908 г., отец известной балерины Е. В. Гельцер [32].

Тут же недалеко -- белая плита в решетчатой ограде на могиле антрепренера Виктора Ивановича Габель-Родона, род. 1846 г., ум. 1892 г. [33]

Несколько в стороне от памятника Забелину (левее, если смотреть на памятник) выделяется обломок высокой белой колонны на пьедестале из розового гранита, с портретом-барельефом и надписью:

Сергей Васильевич
ШУМСКИЙ
род. 7 октября 1820 г.,
сконч. 6 февраля 1878 г. [34]

Талантливый комик из славной плеяды Щепкина, неподражаемый Кречинский и образцовый Аркашка, он заслужил такую оценку своих современников:

Мы им привыкли восхищаться,
И наш артист неистощим:
Велит — и будем мы смеяться,
А часто плачем вместе с ним.
Создаст ли чудо гримировки —
И вот сутяга, плут, старик...
Лицо, манеры, жест, уловки,
Его игры — живой язык!
Вот денди, нравственный калека:
Монокль, осанка, наглый вид,
Живую личность человека
Широко в нем животворит.
Душе присущего лиризма
Он на подмостках не терял
И горьким ужасом комизма
Он нас глубоко потрясал.

Еще левее нетрудно отыскать большой памятник из красного полированного гранита, с маленьким белым крестом, на могиле В. И. Живокини. Памятник находится в железной ограде, вместе с другими надгробиями артистической семьи Живокини; на нем вырезана надпись:

Артист
Императорских
Московских театров
Василий Игнатьевич
ЖИВОКИНИ
родился 1-го января 1809 г.
скончался 18-го января 1874 г. [35]

У Живокини был природный комический талант, и уже одной своей физиономией, без грима, он умел вызывать неудержимый смех. От его игры галерка неистовствовала, помирая со смеху. Больших ролей он не любил и больше играл в водевиле, в котором чувствовал себя вполне на месте. Н. Долгов в статье «Наш старый водевиль», напечатанной в № 42 — 1915 г. журнала «Столица и усадьба», дает интересную иллюстрацию свободной игры Живокини в таких пьесах. «В водевиле «Комедия с дядюшкой» Живокини изображал дядюшку. Выходит он на сцену и, проговорив свой монолог, ожидает выхода Бороздиной, игравшей жену его племянника. Оказывается, что она не поспела переодеться. Об этом шепчет ему из-за кулис режиссер Соловьев: «Продлите сцену... Бороздина не готова...» Василий Игнатьевич уселся на диван и экспромтом начал рассказывать свои дорожные впечатления. Публика хохотала до бесконечности. Когда же рассказ пришел к концу, начал петь, после пения опять разговаривать. Наконец, все это ему надоело, и он искреннейше произнес: «Фу, какая скука! Хоть бы кто-нибудь вышел...» Наконец, явилась Бороздина, и водевиль продолжался своим порядком».

Возвратившись назад к могиле Лентовского, на левой стороне этой дорожки, во втором ряду, можно отыскать малозаметный деревянный крест, окрашенный в желтую краску, на могиле профессора Владимира Карловича Рота, скончавшегося 6 января 1916 г. [36]

«Сошел в могилу,— сказал при погребении проф. М. Н. Кулагин,— деятель широкого ума, обширной эрудиции, с художественным вкусом, редкой доброты. Вера в науку, приобщение широких масс народа к мировой культуре — вот основные принципы символа веры В. К. И эти принципы он старался осуществить в жизни, воплотить в деле. Научные исследования В. К. многочисленны и известны и неспециалистам. Близкий друг осно-

вателя первого свободного русского университета А. Л. Шанявского, В. К. много сделал для создания этого университета. Первый председатель попечительного совета университета, его глава, — он был исполнен сознанием высокой ответственности и святости взятой на себя задачи. Он верно служил в свободном университета науке и правде. Опытный учитель, искренний друг молодежи, он являлся всем примером стойкого борца за свободу науки, за идеалы научной вольной школы».

В нескольких шагах от этой могилы к краю кладбища погребен знаменитый экономист А. И. Чупров. Его могилу отличает серый гранитный памятник с белым крестом, заключенный в чугунную ограду. На памятнике сделана надпись:

Профессор
Московского университета
Александр Иванович
ЧУПРОВ
родился 6 февраля 1842 г.
скончался 24 февраля 1908 г. [37]

Еще свежа память об этом ученом, да и нельзя забыть его, хотя бы только по одним статьям, помещенным им в «Русск. Вед.». Как лектор и писатель, Чупров излагал свои мысли стройно и изящно. Его выводы основывались на конкретных явлениях действительности, на статистических данных, — потому-то ему верили, к нему прислушивались даже и люди других убеждений. Как человек, он заслужил короткой оценки: «знать Чупрова, значит любить его». Сын русского священника, он и по наружности был чисто русский, с окладистой бородой, с подстриженными в скобку волосами. С уважением относясь к человеческой личности, он не мог пройти мимо обездоленного русского крестьянина и немало думал над улучшением его благосостояния. Вот его завет, написанный в альбом свой дочери:

Уметь любить людей и в радости, и в горе,
С участьем дружеским невзгоды их делить,
В привете, в действиях иль в братском разговоре
Уметь всегда себя с другой душою слить,
Вот новый к счастью ключ: он тоже в нашей воле.

Почти рядом стоит сиротою дубовый крест, на котором написано всего три слова: «Лидия Васильевна Верещагина». Это могила трагически покончившей с собою вдовы художника В. В. Верещагина[38].

Тут же, на краю кладбища в сторону оранжереи, находится могила редактора «Русск. вед.» В. М. Соболевского. На ней высокий черный крест на высоком темного гранита пьедестале, с надписями:

Василий Михайлович
СОБОЛЕВСКИЙ
редактор-издатель
Русских ведомостей
1882 – 1913
родился 11-го апреля 1846 г.
скончался 9-го мая 1913 г.[39]
Verbo immota movebo.

Кто сроднился с «Русскими ведомостями», тому был родным и В. М. Соболевский, а кто не знает этой газеты, тому ничего не скажет и имя ее бывшего руководителя, стоявшего на своем посту в течение более 30 лет. Соболевский отдал всего себя газете, и вне ее его не существует. Юрист по образованию, он все свои познания, все труды вложил в эту газету, и только смерть отдалила его от любимого дела.

В нескольких шагах от Соболевского, тоже с краю, погребен литератор и педагог Петр Михайлович Шестаков, на его могиле стоит желтый деревянный крест[40].

Близ оранжереи погребен один из самых старых «чайковцев» Дмитрий Александрович Клеменц[41] (ум. 1914 г.). Он пошел в народ весною 1874 г. с одною из первых партий народовольцев-пропагандистов. «Он,— говорит С. Степняк, автор «Подпольной России»,— человек простой, душа нараспашку, веселый собеседник и бесподобный рассказчик. Его вольная, богатая речь, пересыпанная образами и сравнениями, блещет всеми сокровищами русского народного языка, которым он владеет с изумительным крыловским мастерством. Он едва ли не лучший из наших народных пропагандистов. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. Клеменц ведет свою пропаганду всю в шутках. Он смеется и заставляет хвататься за животы слушающих

его мужиков, старых и малых, несмотря на всю их обычную невозмутимость. Однако он всегда ухитрится вложить в свою шутку какую-нибудь серьезную мысль, которая так и засядет гвоздем им в голову».

В 1880 г. Клеменц был сослан в Восточную Сибирь, там он занялся изучением края и, по окончании срока ссылки, остался добровольно. Свои труды печатал в местных и столичных изданиях; заслуженной известностью пользуются его «Древности Минусинского края».

Вместе с Д. А. Клеменцом погребена скончавшаяся почти одновременно с ним его жена Елизавета Николаевна [42], сибирячка по рождению. Кончив Бестужевские курсы по естественному отделению, она была мужу сотрудником-товарищем в работе, сопровождая его в постоянных странствованиях по изучению Сибири. Ее работы по гербаризации растений имеют большую ценность.

Рядом с могилой Клеменцов погребен народоволец В. С. Ефремов [43], за принадлежность к полтавскому кружку народовольцев приговоренный к смертной казни, замененной ему каторгой, которую он и отбывал много лет на карийских рудниках. Покойный долго сотрудничал в сибирских газетах.

У домов причта, с левого краю их, напротив забора — уголок писателей-народников. Здесь в листве скрывается высокая розового гранита пирамида с надписями:

Александру Ивановичу
ЛЕВИТОВУ
изобразившему
«горе сел, дорог и городов».
родился 20 июля 1835 года
ум. 4 января 1877 года [44].

Погребен среди
товарищей-писателей
М. А. Воронова и М. И.
Орфанова (Мишла)

Блажени алчущие
и жаждущие правды.

«Я взглянул окрест меня, — говорит Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», — душа моя страдани-

ями человечества уязвлена стала». Левитов тоже взглянул и увидел, что горем людским переполнены села, города, сплошь залиты им дороги. Перед ним дорога. «Шел я — и опять думал о скорбевших некогда и скорбящих теперь на этой дороге. В ее застланной пыльными туманами дали рисовались мне лица, захлестанные зимними вьюгами и проливными летними дождями, иссушенные зноем и страшным трудом, — идти по ней бесконечной, заваленной или снежными сугробами, или песками горючими». Дорога привела в город, и там он видит «бесконечный ряд лиц, сокрушенных безвыходным горем своей жизни». Он призывает на них внимание добрых людей: «Станет перед вами длинный строй тех лиц, безмолвный, не умеющий даже сказать о своем страдании и попросить помощи. Станет, говорю, он перед вами; а у вас свое горе — и благо вам, если по этому случаю можно будет иметь право сказать про вас, что вы с напрасно скрываемой слезой отвернетесь от него и прошепчете: «Братцы! Что же я для вас могу сделать?»

Когда угасла в университетской клинике многострадальная жизнь уязвленного страданиями человечества большого и нежного сердца, то его хоронили на деньги, собранные по подписке. «Похороны были,писал тогда в «Русск. вед.» за 1877 г., № 9 «Скромный наблюдатель», — более, чем скромные, даже дрог не было; но зато церковь была переполнена публикою... вокруг гроба виднелись незнакомые лица, лица молодые, полные жизни и энергии; это все были студенты, пришедшие отдать последний долг писателю, честно служившему своему делу... После отпевания студенты донесли гроб покойного на своих руках до самого кладбища. В этом похоронном шествии не участвовали ни духовенство, ни факельщики; за гробом не двигались печальные колесницы; только двое парных саней, запряженных тощими клячами,вот и весь похоронный кортеж; и тем не менее эта толпа молодежи, с пением несущая гроб, на крышке которого скромно красовался лавровый венок, представляла собою нечто весьма отрадное и не лишенное некоторой назидательности».

Михаил Иванович Орфанов [45] (род. 1848 г., ум. 1884 г.), беллетрист, известный под псевдонимом Мишла, писал главным образом о Сибирской и тюремной жизни, хорошо знакомой ему по службе в должности судебного следова-

теля. Рассказы его о Сибири, печатавшиеся в разных периодических изданиях, вышли в 1883 г. отдельной книгой «В дали», с предисловием знатока Сибири С. В. Максимова. Перед читателями этой книги проходят ряды людей, которые, по сибирской поговорке, «едят прошеное, носят брошенное, живут краденым». Встают ужасы былых порядков, когда ночевки на этапах вповалку на полу, без различия пола и возраста, при пронизывающем холоде из щелей, в зараженном воздухе от параш, из которых к утру зловонная жидкость нередко подтекала под спящих на полу людей. После такой ночевки утром «измученные, бледные, все наперерыв стремятся на двор, чтобы вдохнуть сколько-нибудь того, что ничего никому не стоит, и чего им, однако, не дали в эту ночь — воздуха».

Эта книга имела большой успех; автор ее мог бы многое еще сказать о горьком сибирском житье, но он рано умер, в самом расцвете своего задушевного таланта.

Михаил Алексеевич Воронов [46] (род. 1840 г., ум. 1873 г.) — литературный пролетарий, дал ряд дышащих глубокой любовью к народу очерков и рассказов. Был в Казанском университете на медицинском факультете, в Москве — на юридическом, но курса не кончил и вел жизнь полную самых тяжелых лишений. Социальное положение таких людей иллюстрируется таким диалогом:

— Что же, он служит, что ли?

— Нет! Принимать никуда не велено, потому они с Моховой, как там его называют, энту... училишшу-то?

— Университет.

— Так, так! Они из ней поключемные...

— За что же это?

— А за... как энто? Собрались они энта...

— Т-сс! Страху на тебе нет, дурища!

(М. А. Воронов и А. И. Левитов. «Московские норы и трущобы»).

Рядом с памятником Левитову находится красивый черный памятник с портретом покойного на могиле его друга, беллетриста и этнографа Ф. Д. Нефедова, печатавшегося преимущественно в «Русск. вед.», где он сотрудничал с 1871 года. На памятнике сделана надпись:

Писатель
Филипп Диомидович
НЕФЕДОВ

родился 6 октября 1838 г.
скончался 12 марта 1902 г. [47]

Памятник поставлен 19 мая 1913 года на средства, собранные между знакомыми и почитателями писателя.

На некотором расстоянии от Левитова погребен Николай Михайлович Астырев 48 (род. 1857 г., ум. 1894 г.) — писатель, автор очерков крестьянского самоуправления «В волостных писарях». Он учился в институте инженеров путей сообщения, но когда жизнь в городе, в «культурной» среде, стала ему ненавистна, бросил институт и ушел в помощники волостного писаря на 10 руб. жалованья; жил в крестьянской «пуньке» без окошка, платил за стол и квартиру 3 рубля, обедая вместе с хозяйской семьей чем Бог послал. Кляузы и «контры» с писарем Ястребовым, Живоглотовы «старички», мирское вино, передел земли, затеянный одной партией и противодействие другой, пьяненький сельский писарь Брюхан, все имущество которого было на нем и состояло из одного дырявого полушубка — все это описано Астыревым правдиво и с захватывающим интересом читалось теми, для кого деревня была настоящей terra incognita. Астырев был искренне предан народу, но не идеализировал его и смело освещал темные и мрачные стороны его быта.

Перед памятником Левитова одиноко стоит всеми забытый маленький цинковый крест на почти сравнявшимся с землею могильным холмике. На кресте еще можно прочесть надпись:

Писатель
Николай Васильевич
УСПЕНСКИЙ
сконч. 21 октября 1889 г. [49]

Быть может, никто из его товарищей-народников не видел такой крайней нужды, такой неблагодарности общества, как Н. В. Успенский. Он одним из первых начал писать о народе без всяких прикрас, приглашая полюбить его черненьким. Это вызывало тяжелое впечатление, и Успенского обвиняли в намеренной тенденции очернить народ, от него отшатнулись.

Успенский был в медико-хирургической академии, был в университете, но курса нигде не кончил, был сельским

учителем. Иногда в нем принимали участие. Так Тургенев продал ему как-то в рассрочку 30 десятин земли, чтобы был свой уголок, где бы можно было спокойно работать. «Купив эту землю, — говорит Успенский, — я выстроил себе среди поля избенку и нанял караульного, который ходил ко мне ночевать... А была осень... Вокруг моей хижины бушевал порывистый ветер и завывали волки... Я написал Ивану Сергеевичу письмо, что более не в силах выполнять роль чернского помещика и просил взять обратно купленную мною землю... Недели через две последовала резолюция Тургенева, в силу которой я вновь очутился на свободе...»

От учительства он уклонился, не видя «в этом роде подвижничества» никакой пользы. Училище его играло роль церковной сторожки, куда в антрактах, между заутреней и обедней, стекались прихожане, которые, пользуясь отсутствием замка у шкафа и беспомощно висевшими, как крылья у подстреленной птицы, аляповатыми дверцами, без всякого зазрения совести рвали учебные пособия, делали из них так называемые «носогрейки» и, таким образом, в самом корне подрывали народное образование». Ближайшее начальство, волостной старшина, был закадычный друг училищного сторожа. «А последний служил совершенным «камнем преткновения» для моей педагогической деятельности. Представьте себе лежащего на печи вечно пьяного отставного солдата, который, во время моих лекций, преподавал моим ученикам с своей патриархальной трибуны такого рода сентенции: «Вы слышите, ребята, что вам учитель-то говорит?.. «Чти отца твоего и матерь твою»... А нонче разве дети почитают своих родителев?.. Ни в жисть!.. Теперь какое время настало? Брат на брата, а сын на отца... Вот и разбирай кого хочешь...»

В последние годы Успенский совсем опустился, ночевал в ночлежках, собирал подаяние, играя на гармонике и забавляя в вагонах публику рассказами народных сцен. Говорят, ему сопутствовала его 10-летняя дочь, переодетая мальчиком и плясавшая под гармонику отца... Но нельзя вынести такой жизни, и в глухую осень Успенский зарезался у какого-то забора в одном из пустынных тогда переулков Грузин...

Тяжело в этом уголке писателей-народников, печальников земли русской...

О, край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?
Шумят леса свободным шумом,
Играют птицы... О, зачем
Лишь воли нет народным думам
И человек угрюм и нем?

(Жемчужников).

За церковными домами, позади какого-то сарая, нетрудно отыскать памятник в виде большого обломка скалы, с коротенькой надписью:

Иван Васильевич
САМАРИН
скончался 13 августа 1885 г. [50]

Это могила талантливого артиста, блестящего исполнителя Чацкого. Кстати сказать, что у него был и крупный недостаток перевирать слова. Раз в переводной трагедии «Дитя» у лица, спасшего ребенка, спрашивают с тревогой: что с ребенком? Самарин с ясной улыбкой и самым жизнерадостным тоном отвечает: Умер! вместо: Жив!

Но возвратимся отсюда снова к входным воротам и пройдем направо за церковь, в аристократическую часть кладбища, о которой поэт говорит:

...первый разряд
Мне по сердцу, будто в гостиной,
Где все полно жеманною миной.
Щегольские гробницы здесь с шиком блестят
И отделкой и модным фасоном...
Позолота и мрамор и в вазах цветы,
Столько светской тщеславной во всем суеты,
Каждый памятник веет салоном.
Здесь над прахом гробов слезы, вместо очей,
Серебром из бумажника льются...
Панихиды стройнее поются...

(И. Пальмин)

При входе на кладбище, направо, с краю, на самом видном месте, в строгой стильной ограде, выделяется превосходным из белого мрамора барельефом-портретом красивый черный обелиск, с надписью:

Драматический писатель
Виктор Александрович
КРЫЛОВ
родился 29 января 1838 г.
скончался 28 февраля 1906 г. [51]

Здесь погребен талантливый драматург и переводчик «Натана Мудрого» Лессинга. Пьесы Крылова, написанные в 60-х годах, имели большое значение, затрагивая темные стороны русской общественной жизни. Таковы: «Столбы», «Земцы», «Не ко двору». Потом Крылов стал писать так много, что из-под его пера начали появляться ремесленные вещи. Кончил он еще хуже, написавши пьесу «Контрабандисты» с яркой юдофобской окраской, которую публика встречала свистками.

Дальше по дорожке, миновав церковь, недалеко от паперти, почти на краю, погребен знаменитый в свое время профессор А. Ф. Мерзляков [52]. На его могиле ржавый чугунный памятник с урной наверху, обвитой лентами и окруженной атрибутами поэзии — лирой, лавровым венком, тут же извилась змея. На пьедестале многословная, в духе того времени, надпись:

Здесь погребено тело
профессора Красноречия и Поэзии,
Статского Советника и Кавалера
Алексея Федоровича Мерзлякова
скончавшегося 26-го июля 1830 года
на 53 году от рождения.
Отъемлеши дух их,
и исчезнут, и в персть
свою возвратятся.
Послеши духа твоего
и созиждутся.
— — — —
Незабвенному
Учителю Русского Слова
благодарные ученики —

Студенты Московского
университета и любители
отечественной
словесности.
Сооружен в 1832 г.

«Будучи еще учеником пермского народного училища, Мерзляков написал оду «На заключение мира со шведами». Директор училища, Иван Иванович Панаев, представил эту оду начальнику того края генерал-поручику и кавалеру Алексею Андреевичу Волкову. Екатерина с высоты своего престола, узнав об этом опыте ученика народного училища, повелела привезти его на казенный счет в Москву и определить на казенное содержание. Куратор, известный Херасков, принял его под свое покровительство, ободрил, и таким образом образовался знаменитый профессор Московского университета» (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина).

Мерзляков был поэт, переводчик, теоретик поэзии, критик. Как поэт и переводчик древних трагиков, он не обладал гибкостью стиха; как критику ему принадлежит большая заслуга — он один из первых разобрал произведения Хераскова, сурово выставив недостатки, тогда как его предшественники указывали только на достоинство разбираемого автора. Мерзляков писал еще народные песни, отличавшиеся большой задушевностью, и слава его, как сочинителя песен, надолго пережила его самого. Кому не известна его песня:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.
Высокий дуб развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один бедняжечка,
Как рекрут на часах!
Взойдет ли красно солнышко:
Кого под тень принять?
Ударит ль непогодушка:
Кто будет защищать?
Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,

Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.
Ах, скучно одинокому
И деревцу расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!
Есть много сребра, золота:
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей:
Но с кем их разделить?
Встречаюсь ли с знакомыми:
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими:
Поклон — да пара слов.
Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня:
Все други, все приятели
До черного лишь дня!
Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!
Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!
Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!
Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

Рядом погребен профессор римской словесности и древностей Дмитрий Леонидович Крюков [53], прекрасно говоривший по-латыни и увлекавший своих слушателей красивыми живыми лекциями по древней истории. Могильный памятник Крюкову представляет высокую цилиндрическую колонну черного полированного камня, завершенную белою урной. Надпись, вероятно, на память о человеке, умевшем даже живую обыденную речь вести на мудреном мертвом языке, сделана по-латыни:

DEMETRIO
LEONIS F.
KRIUKOVIO
PROF. P. ORD.
COMMILITONES
NAT. VIII D. APR. A MDCCCX
LITERAS LATINAS IN
UNIVERSITATE MOS.
QUENSIS DOCUIT ANN. X
MOR IV D. MAR A MDCCCXLV.

Здесь же, но немного поближе к церкви, погребены композитор А. Н. Верстовский [54] и его супруга артистка Н. В. Репина-Верстовская [55].

Под защитным шатром из проволочной сетки стоит черный камень в форме аналоя, с длинной надписью золотыми буквами:

Под сим памятником погребено тело
почившего в Бозе раба Божия
Действительного Статского Советника
Алексея Николаевича
ВЕРСТОВСКОГО
Родился 1799 года февраля 18 дня.
Скончался 1862 года ноября 5 дня.
И супруги его
Надежды Васильевны
ВЕРСТОВСКОЙ,
родилась 1809 года сентября 25 дня
скончалась 1867 года ноября 20 дня.

16 сентября 1835 года в московском Петровском (теперь Большой) театре была поставлена опера «Аскольдова могила», первая русская народная опера, имевшая огромный успех. Композитор ее Верстовский и либреттист Загоскин не сходили с уст театралов доброго старого времени. Теперь эта опера почти забыта, с ней забыт и Верстовский, давший, кроме «Аскольдовой могилы», еще несколько опер, уже далеко не пользовавшихся таким успехом. Отдельные вещицы из «Аскольдовой могилы» с большим удовольствием слушаются и теперь, таковы арии: «Близко города Славянска», «В старину живали деды», «Ходит ветер у ворот», хоры: «Ах, подружень-

ки, как скучно мне», «Ходили чарочки по столику» и др.

Надежда Васильевна Репина-Верстовская, по свидетельству «Современной летописи» за 1864 г., № 4, «из каждой роли создавала законченное художественное произведение. Тонкое, эстетическое понимание ролей, глубина и сила чувств, симпатичный голос, одушевленное выразительное лицо, блестящие черные глаза и грация, присущая всем ее движениям, вот те орудия, которыми она побеждала все трудности искусства, очаровывая всех зрителей». Для нее написана партия Надежды в «Аскольдовой могиле». Белинский, говоря об игре Репиной в роли Сусанны («Свадьба Фигаро»), отзывается так: «признаемся, что если бы все и всегда так играли, то не было бы более плохих пьес».

На первой правой аллее от ворот кладбища, приблизительно на средине ее, с правой стороны, погребен Е. И. Маковский [56], художник-самоучка, вместе с Ястребиловым основавший первый в Москве натурный класс, из которого развилась впоследствии Московская школа живописи, ваяния и зодчества. Е. И. Маковский — отец знаменитых художников Владимира, Константина и Николая Маковских.

Тут же интересный памятник работы Е. Асторри из Милана. Издали посетитель кладбища с удивлением вдруг замечает три высокие пальмы, но пальмы эти железные, а не настоящие. Между ними поднимается к небу гений с крестом, а внизу крылатый амур играет с цветами. На доске лаконическая надпись: «София 4 янв. 1895 г. Верующий всегда на Бога надеется» [57].

Минуя церковь, на первой дорожке направо, с левого края ее, нельзя не заметить огромную витрину с венками. Перед нею небольшой памятник белого мрамора, с надписью:

Артистка
Императорских театров
Акилина Дмитриевна
МЕДВЕДЕВА
скончалась 99 лет [58].

Она умерла почти в наше время, 31 июля 1895 г., но это о ней еще Грибоедов писал: «Медведева — здесь прехорошенькая, я ей вчера в Сандрильоне много хлопал».

Рядом, под белым изящным памятником погребена:

Балерина
Императорских театров
Любовь Андреевна
РОСЛАВЛЕВА
(Садовская)
Скончалась 9 ноября 1904 г. [59]

Дальше по этой же дорожке, направо с краю, могила известного опереточного артиста Блюменталь-Тамарина. На ней, за решеткой, стоит деревянный крест, с надписью:

Артист Императорских театров
Александр Эдуардович
БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН
род. 7 марта 1857 г., сконч. 1 декабря 1911 г. [60]

Еще дальше, тоже с правого края дорожки, на высоком чугунном пьедестале издали видна довольно убогая фигура сидящего гипсового ангела с крестом, окрашенного в голубой цвет. Надпись на памятнике показывает, что здесь погребен:

Сергей Васильевич
ВАСИЛЬЕВ
артист
Императорских
Московских театров
родился 7-го
сентября 1827 г.
скончался 5-го
июня 1862 г. [61]

Васильев принадлежал к золотому веку московского Малого театра, на подмостках которого его комический талант так жизненно, так образно воспроизводил типы Островского. Васильев ослеп и вынужден был оставить сцену еще молодым. А. Н. Плещеев написал ему прощальные стихи:

Друзья свободного искусства
Тебе, артист наш дорогой,

С стесненным сердцем, с грустным чувством
Несут привет прощальный свой.
Ты честно шел — прямой дорогой,
Искусству честно ты служил,
И юмор твой правдивый много
Мгновений светлых нам дарил,
Не в мишуре, не в ложных блестках
Являлся ты перед толпой,
Ты на сценических подмостках
Был человек, а не герой!
Осмыслить пошлые явленья
Вседневной жизни ты умел,
И чистый пламень вдохновенья
В душе художника горел.
Смеялись мы, когда пред нами
Лгал с увлеченьем Хлестаков...
Глубоко трогал нас слезами
Своими Тихон Кабанов.
Но, вот, недуг неумолимый
День от очей твоих сокрыл,
И расстаешься ты с любимой
Тобою сценой в цвете сил.
И грусть нам в сердце западает,
И слышу я со всех сторон:
«Васильев сцену покидает,
Но позабыт не будет он!»

Рядом — могила одного из более ранних артистов. На ней колонна из черного полированного гранита, перебитая прямоугольником, с надписью:

Под сим камнем положено
тело Императорских Московских
театров артиста
Николая Владимировича
ЛАВРОВА
скончавшегося 25 мая 1840 года в 9 часов
пополуночи, жития его было 35 лет и 13 дней [62].

Свернув с этой дорожки, около средины ее, налево — сейчас же будут видны три красивых памятника современной работы на могилах артистов Н. И. Музиля, А. А. Федотова и Д. М. Вадимовой.

Музилю принадлежит крайний изящный памятник белого мрамора с портретом и надписью:

Заслуженный артист
Императорских театров
Николай Игнатьевич
МУЗИЛЬ
родился 14 ноября 1839 г.
скончался 26 июня 1906 г. [63]

Рядом, в оригинальной низенькой ограде — крест серого гранита простой четырехконечной формы. На памятнике надпись:

Артист
Императорских театров
Александр Александрович
ФЕДОТОВ
скончался 8 февраля 1909. [64]

Следующий памятник розового гранита в форме массивного креста с нишей, в которой стоит бронзовый бюст покойной, окружен красивой железной решеткой. На памятнике надпись:

Дарья Михайловна
ВАДИМОВА
23 февраля 1912 г. [65]
Душу чистую, жизнь
молодую сцене отдала.

Вадимова создала роль «Псиши» в пьесе Ю. Д. Беляева. Ей шумно аплодировали Москва и Петроград. Но...

Тихо замер последний аккорд над толпой,
С плачем в землю твой гроб опустили;
Помолились в приливе тоски над тобой,
Пожалели тебя и забыли...
Ты исчезла для них, этих добрых людей,
Навсегда — без следа и возврата.

(Надсон).

Свернув с дорожки, на которой находятся эти три

памятника, по первому повороту направо и, пройдя порядочное расстояние по кривой тропинке, на левой стороне, с краю, нетрудно отыскать могилу знаменитого трагика П. С. Мочалова, провозглашенного Белинским гением сценического искусства. Гамлет и другие роли шекспировских пьес, созданные природным талантом Мочалова, много способствовали известности Шекспира в России.

Памятник находится в железной ограде, он представляет невысокую цилиндрическую колонну розового гранита, с краткой надписью и стихами:

Павел Степанович
МОЧАЛОВ
скончался 16 марта 1848 года.
Ты слыл безумцем в мире этом,
И бедняком ты опочил,
И лишь пред избранным поэтом
Земное счастье находил.
Так спи, безумный друг Шекспира,
Оправдан вечности Отцом...
Вещал он, что премудрость мира —
Безумство пред его судом...
(Коринф. 3, 14) [66].

В этой же ограде — памятник на могиле его отца, тоже актера, Степана Федоровича Мочалова, ум. 1823 [67].

Свернув от Мочалова в глубь кладбища, туда, где могилы свободно раскинулись на широкой площадке, в обширном огражденном решеткой месте можно найти небольшой памятник белого мрамора, с коленопреклоненным ангелом. Здесь погребена известная исполнительница ролей комических старух

Артистка
Императорских
театров
Софья Павловна
АКИМОВА.
Скончалась 4 июля
1889 года [68].

В этом же конце кладбища, но ближе к ограде, находится очень красивый памятник — черный крест с портретом-

барельефом, за высокой стильной решеткой, на могиле талантливого артиста Художественного театра Аполлона Федоровича Горева, ум. 10 февраля 1912 г. [69]

Вблизи находится могила его отца, тоже известного артиста Федора Петровича Горева, ум. 1909 г. [70]

На второй от церкви дорожке направо, близко с краю ее, стоит белый мраморный крест на круглом постаменте, с надписью:

Профессор
Николай Ильич
СТОРОЖЕНКО
родился 10 мая 1837 г.
скончался 12 января 1906 г. [71]

— — — —

Не строгим Ты, о Господи, мне будешь Судией,
но суд мой сотвори по милости Твоей.

— — — —

Ни смерти не страшись, ни горечи забвенья,
Нет, в памяти людей ты будешь жить всегда.
Шекспир.

Здесь погребен известный шекспиролог, показавший русскому обществу, что творения Шекспира проникнуты учением любви и терпимости и что «только великая и любвеобильная душа могла вложить в уста просветленного несчастиями короля Лира золотые слова: «Нет в мире виноватых!», которыми, как ореолом, окружается нравственная личность Шекспира».

Недалеко отсюда, к глубине кладбища, находится могила артиста, переводчика и стихотворца Д. Т. Ленского, любимца публики и труппы. Его памятник — колонна серого полированного гранита, с небольшим чугунным крестом, заключенная в тесную ограду. На колонне вырезана эпитафия:

Дмитрий Тимофеевич
ЛЕНСКИЙ
Скончался 9 декабря 1860 года [72].

Об этот камень лишь ступилося перо,
Которым он писал не злобно, но остро.

Ленский так рекомендовал сам себя:

А этот Прындик-Пастушков,
С широким носом, с миной женской,
Несчастный переводчик Ленский.

Свернув от угла домов причта направо и пройдя по дорожке до шатра с полукруглой железной кровлей, свернув за него тоже направо по тропинке, скоро можно найти четырехугольный столб черного мрамора с надписью:

На сем месте покоится прах
академика Императорской
Академии Художеств
Василия Андреевича
ТРОПИНИНА
скончавшегося 1857 года Мая
3 дня, на 78 году своей жизни [73].

Академик Тропинин, известный портретист, был сыном крепостного крестьянина.

Приблизительно между домами причта и северо-восточной окраиной кладбища (в сторону Ходынского поля и тверской заставы) погребены:

Профессор органической и аналитической химии Вл. Вас. Морковников (род. 1838 г., ум. 1904 г.), заслуживший своими работами мировую известность; на его могиле белый столб, с бронзовыми украшениями [74].

Составитель популярных в свое время «Градобоевских прописей» Прокофий Ефимович Градобоев (род. 1817 г., ум. 1885 г.); на его могиле серый чугунный памятник в чугунной же ограде [75].

Профессор архитектуры и председатель Московского архитектурного общества Константин Михайлович Быковский; памятником ему служит простой темный крест, врезанный в вертикальную плиту, сооруженный по проекту архитектора С. А. Власьева «от семьи Московского архитектурного общества и почитателей» [76].

Рядом лежит огромная черная плита на могиле Михаила Дормидонтовича Быковского (род. 29 октября 1801 г., ум. 9 ноября 1885 г.), построившего в Москве Ивановский монастырь, колокольню и ограду Страстного монастыря, Мещанское училище на Калужской площади и проч. [77]

Почти в конце церковной дорожки, на одной из боковых

тропинок направо, среди бедных деревянных крестов, особняком стоит высокий сероватый камень, с бронзовым барельефом-портретом покойного. Здесь погребен:

Николай Артемьевич
ЛАЗАРЕВ
(Н. Темный)
писатель из рабочих.

— — — —

Знал он рабочих тяжелые муки,
Сам человек был труда
И успокоил уставшие руки
В темной земле навсегда.

— — — —

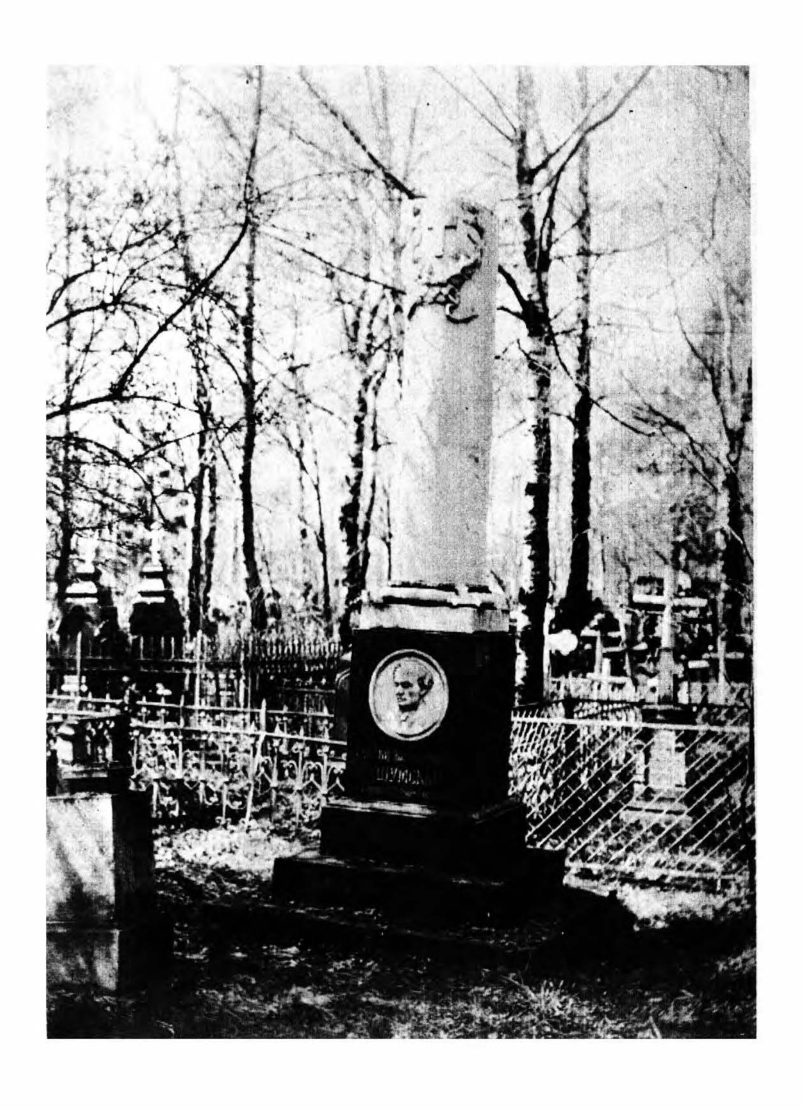
Родился 23 апреля 1863 г.
Скончался 21 мая 1910 г. [78]

Ближе к северному концу кладбища возвышается высокая пирамида с датою «18 мая 1896 г.». Это — общий памятник жертвам Ходынской катастрофы, погибшим во время коронационного праздника, при раздаче подарков народу. Тогда погибло около 1.500 человек и большинство трупов было погребено на Ваганьковском кладбище, длинными рядами с той и другой стороны кладбища. Трупы сюда свозили без гробов, посиневшие и разлагающиеся под горячими лучами солнца. На кладбище происходили потрясающие сцены [79].

Могила А.К. Саврасова

Могила С.В. Шумского

Могила Н.В. Успенского

Могила А.И. Левитова и М.И. Орфанова (Мишла)

Могила Ф.Д. Нефедова

Могила Н.А. Лазарева (Темного)

Могила А.Н. Верстовского и Н.В. Репиной-Верстовской

Армянское кладбище

круженное высокою кирпичной стеною, за которою виднеются верхушки деревьев, да купол старой часовни, кладбище это (рядом с Ваганьковским) всегда на запоре, и почти никогда не увидишь входящего в его ворота человека.

Внутри кладбища тихо и пусто. Даже назойливые звуки города не залетают за высокую ограду, только галки и вороны на деревьях своим зловещим карканьем иногда нарушают мертвую тишину. Могил здесь сравнительно немного, и в центре свободна большая лужайка.

Здесь перед часовней находится одинокая могила известного публициста Григория Аветовича Джаншиева (род. 1851 г., ум. 1900 г.), на ней лежит простая черная плита, окруженная чугунной оградой.

Автор «Эпохи великих реформ», апологет светлых явлений 60-х годов, отзывавшийся на все гуманное, честное, он страстно, как южанин, защищал приобретения освободительной эпохи от нападок ее врагов. Необыкновенная ясность и теплота изложения создали большую популярность его произведениям. Читатель чувствовал в нем идейного бойца, узнавал, за что он боролся, и сам становился в ряды защитника прав человека. Снимем же шляпу перед его могилой:

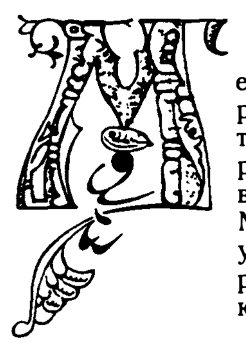
Это ведь труженик мысли,
Правды поборник лежит.

(Омулевский).

Намогильные памятники Армянского кладбища ничем не отличаются от православных памятников, на них только параллельные надписи на русском и армянском языках.

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

ежду Малой и Большой Всехсвятскими рощами, там, где приблизительно в центре села Всехсвятского налево, к Серебряному бору, ведет Песочный переулок, в старом барском парке устраивается Московским городским общественным управлением Братское кладбище — всероссийский памятник небывалой жестокой войны.

Для кладбища приобретена усадьба Голубицкой, занимающая более 11 десятин под вековым липовым парком; кроме того, прирезано ее 8 десятин земли, принадлежащей ведомствам Удельному и Государственных имуществ. Вся эта огромная площадь будет распланирована аллеями, газонами и заселена могилами по заранее намеченному строгому плану.

На кладбище будут групповые памятники, трофеи войны, музей с предметами, относящимися к войне, посреди кладбища строится по проекту академика А. В. Щусева стильная церковь.

К кладбищу будет устроен удобный проезд через Малую Всехсвятскую рощу, туда пройдет трамвай.

Но на устройство всего этого нужно время, а пока, в первые годы своего существования, кладбище имеет простой и совершенно оригинальный вид.

Через прежние усадебные ворота посетитель входит в парк и, к удивлению, нигде не видит ни крестов, ни памятников. Деревья парка остались почти нетронутыми, но у их корней по всем направлениям разбегаются продолговатые цветочные клумбочки, с дощечками, какие ставят

ученые садоводы с названием растений. Это и есть могилы. Только в центре кладбища на офицерских могилах лежат деревянные плитки, да кое-где выступают кресты в форме пропеллеров на могилах военных летчиков.

В глубине кладбища виднеются сотни продолговатых песчаных холмиков, еще не обделанных дерном и не засаженных цветами, там же десятки готовых открытых могил желтеют в полусумраке бывшего барского парка. По окраинам пока нетронутые пространства, там даже были целы полусгнившие скамейки, на которых когда-то сидели владельцы парка, прислушиваясь, как журчит по дну оврага ручей Таракановка.

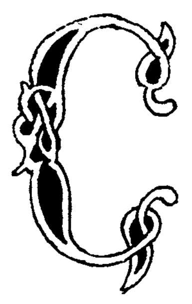
Братское кладбище открыто 15 февраля 1915 г. В этот день были произведены первые погребения сотника В. И. Пряничникова, нижних чинов Ф. И. Панкова, А. И. Анохина, Е. И. Гутенко и Я. Д. Салова.

К средине ноября здесь уже были погребены 3 генерала, 7 полковников, 120 других офицеров и много нижних чинов, а также 4 сестры милосердия. Из сестер милосердия первой погребена Ольга Иннокентьевна Шишмарева, 19 лет, скончавшаяся 28 марта 1915 г. от ран, полученных на передовых позициях.

Посредине кладбища, на одной из угловых могил лежит доска с надписью: «Сергей Саввич Мамонтов, 48 л., штаб-ротмистр, военный цензор 18 армейского корпуса, скончался 3 августа 1915 г.». Это могила известного московского журналиста и драматурга, сына бывшего мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Мамонтовский дом прежнего времени наполняли художники, литераторы, артисты, в их кружке вырос и со многими подружился Сергей Саввич; потом он и сам сделался профессиональным литератором.

Братское кладбище — в будущем, но и по настоящему уже можно судить, что это будет что-то особенное, еще небывалое. Жертвы войны получат вечный памятник. Но отдавая дань этому памятнику, не надо забывать, сколько безвестных могил останется там на полях сражений, сколько костей затянут пески на дне рек и озер, сколько трупов сгниют в болотах, ущельях, на дне моря, застынут в льдах и снегах заоблачных гор, везде, куда проникла война, а она заползла всюду, все охватила своими страшными щупальцами... Поминая жертвы войны — помни войну!..

КЛАДБИЩЕ СКОРБЯЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

корбященский женский монастырь — самый молодой в Москве. Он основан в 1890 году на средства княжны А. В. Голицыной, на принадлежащей ей усадьбе, близ Бутырской заставы.

Кладбище Скорбященского монастыря уже довольно населено. В дальнейшем оно обещает дать много художественных надгробий и, кто знает, быть может, в будущем веке оно будет так же ценно для наших потомков, как мы ценим кладбище Донского монастыря, с его надгробиями конца XVIII и начала XIX века.

Внутри монастырской ограды еще цел парк прежней барской усадьбы. От церкви вглубь идет аллея из дубов и кленов, а в стороне направо невольно обращает внимание свидетель прежней жизни — флигель с колоннами. Вся средина парка пока еще не занята могилами, там царит прохлада и тишина. Изредка торопливо пройдет монахиня, да где-нибудь на скамейке отдыхает одинокий посетитель кладбища. Хорошо лежать покойникам под защитою стен этой святой обители, но не для всякого это доступно, могилы здесь довольно дороги.

Могилы располагаются около церкви, пока их здесь немного, а главным образом дальше, у восточной ограды.

При входе в монастырь, прямо за церковью, встречается большая часовня-усыпальница. На правой стене ее литыми рельефными буквами написано:

Николай Иванович
ПАСТУХОВ
род. 22 ноября 1831 г.
сконч. 28 июля 1911 г.

на левой стороне — такими же буквами:

Виктор Николаевич
ПАСТУХОВ
род. 25 декабря 1863 г.
сконч. 11 мая 1902 г.

Кто не знал в Москве в свое время Николая Ивановича Пастухова, короля московских репортеров, основателя мелкой московской прессы, редактора-издателя «Московского листка» и автора романа «Разбойник Чуркин»? Личность Пастухова очень характерна для Москвы, это был в полном смысле простой русский человек старого закала, грубый, самодур, но с доброю, открытою душою. В редакции он держал себя так, как это делали «сами» — хозяева торговых амбаров в Замоскворечье, на сотрудников смотрел как на тесную семью и обращался с ними запросто по-отечески.

Начал свою карьеру Пастухов, как тогда говорили, с пивной лавки на Арбате. В литературу его посвятил Ф. Н. Плевако, посещавший лавочку Пастухова, будучи бедным студентом. Обладая каким-то особенным нюхом, Пастухов стал строчить удачные заметки о московских происшествиях, понемногу выдвинулся на литературную дорогу, с большими затруднениями стал издавать с 1 августа 1881 г. первую в Москве уличную газету «Московский листок», помещая в ней свой роман «Разбойник Чуркин». Этот роман так понравился простым читателям, что положительно произвел брожение умов, и Пастухову было предложено «умертвить» Чуркина, что он с душевным прискорбием и сделал, придавив его деревом в лесу, так трагически и закончился этот роман-фельетон. Простота изложения, понятное содержание, близость к простому обывателю затрагиваемых вопросов, создали огромный тираж газеты. Пастухов быстро разбогател, стал жить в Ницце, в Париже, занося туда свои привычки истого москвича, так, в дорогих отелях ему приготовляли квас для окрошки, варили рубцы, в номере пристраивали огромный образ-складень с неугасимой лампадой, который он постоянно возил с собою.

Его сын, Виктор Николаевич, принял от отца редакторство «Московского листка». В этот период Пастуховы начали издавать журнал «Гусляр», отличавшийся пре-

красно выполненными иллюстрациями, но он не пошел, не пошел также и появившийся вслед за ним юмористический журнал «Заноза». А вскоре стал меркнуть и сам «Московский листок».

Дальше по центральной аллее, в самом начале главной части кладбища возвышается огромный крест древней формы из серого гранита, выполненный по рисунку художника В. Васнецова. Крест стоит на массивном пастаменте, утвержденном на черных полированных плитах. Это могила «второго Каткова», известного представителя московской реакционной печати, В. А. Грингмута. Надгробие заслуживает внимание как со стороны художественной, так и своими надписями, подобранными из Священного писания и выражающими дух русской монархической партии. Вот эти надписи:

На лицевой стороне пьедестала —

родился
1851 года 3 марта.
скончался
1907 года 28 сентября.
Православные
русские люди собирайтесь,
объединяйтесь,
молитесь!
Монархисты своему вождю
Владимиру Андреевичу
ГРИНГМУТУ

С боков постамента —

Не вотще текох, не вотще трудихся.
В усердии не ослабевайте,
духом пламенейте, Господу
служите, будите едино
мысленны между собою.

— — — —

Пецитеся, братие моя, аще
ненавидит вас мир, бодр
ствуйте, стойте в вере, му
жайтеся, укрепляйтеся!
всех почитайте, братство воз
любите, Бога бойтеся, царя чтите.

— — — —

Колчаны яко противу
Вавилона гнев его,
отмщение Господне есть,
Воздвигнете знамя!

На лицевой стороне креста —

Господи
сил
с нами
буди.
Аще хощет по мне
идти отвержется
себе, возмет крест
свой и по мне
грядет.

Грингмут состоял преподавателем древних и новых языков в лицее цесаревича Николая. Начал сотрудничать в «Московских ведомостях» еще с 1880 года, в которых проводил свой взгляд о пользах классической системы преподавания. С 1896 года был редактором-издателем «Московских ведомостей». Как публицист, Грингмут мало известен, он получил своеобразную славу только благодаря политическим событиям 1905 года.

Налево от могилы Грингмута, перед часовней-усыпальницей Зубаловых, похоронен знаменитый адвокат, «московский Златоуст» Ф. Н. Плевако. Памятник его представляет большой мраморный четырехугольник, завершенный полукруглой серой массой с барельефом «Снятие со креста». На памятнике даты:

Федор Никифорович
ПЛЕВАКО
родился 1842 — скончался 1908 [1].

На обратной стороне памятника — изречение:

Не с ненавистью, а с любовью
судите, если хотите правды.

Ф. Н. Плевако — чистейший русский самородок, хотя

отец его и был поляк, а мать башкирка. Родился он в Оренбургской губ. и приехал в Москву полунищим юношей. В Москве из провинциального юноши выработался знаменитый, первый в России адвокат, чем он обязан исключительному своему таланту, главным образом ораторскому. Плевако умел говорить просто и понятно для самого неразвитого человека, а потому простой народ считал его своим, называя «плевакой» и придавая этому слову особый смысл. Свобода речи у Плевако была изумительна: без остановок, без запинок слова свободно лились, соединяясь в красивые образные предложения; ярко вспыхивали остроты, каламбуры. Красивые эпитеты, сравнения, образные определения очаровывали, гипнотизировали слушателей. Человеческая душа, со всеми ее достоинствами, пороками, страстями, была для него открытая книга, он читал ее страница за страницей, и перед слушателями вставала не безличная схема преступника, а рисовалась подлинная живая душа человека. В преступных душах он находил не одну тьму зла, но и огонек стремления к добру, хотя бы чуть-чуть, но все же освещавший эту тьму.

Постоянный защитник прав человеческой личности, он особенно горячо и убедительно защищал «меньшого брата», когда виною его было разве только то, что он родился в тех, а не иных условиях. В таких процессах речь его была особенно проста и всем понятна, у него не было нужды прибегать к модным социальным доктринам. Защищая обвиняемых в беспорядках на фабрике Коншина, Плевако так прекрасно определил характер подобных печальных выступлений рабочих масс: «Толпа — здание, лица — кирпичи. Из одних и тех же кирпичей созидается и храм Богу, и тюрьма, жилище отверженных. Перед первым вы склоняете колени, от второй бежите с ужасом. Но разрушьте тюрьму, и из кирпичей, оставшихся целыми от разрушения, вы снова построите храм».

Плевако знал русский народ, любил русскую жизнь, православную веру, с ее монастырями, обрядами. Но он не был квасным патриотом и восторженно приветствовал манифест 17 октября 1905 г. Церковь он считал только домом молитвы и, когда хотели использовать духовенство в политических целях, он сложил с себя обязанность церковного старосты.

В последние годы своей жизни Плевако примкнул в

партии 17 октября и под ее флагом прошел в Государственную думу, но он не был политиком, и узкие партийные рамки были для него чужды. Смерть положила конец несправедливой оценке этого человека с партийных точек зрения. Он умер... много есть и будет талантливых адвокатов, но другого или, по-народному, другой «плеваки» не будет, самородки по одному образцу не повторяются.

По главной дорожке направо, недалеко за кладбищенской церковью стоит деревянный крест с надписью:

Анатолий Леонидович
ДУРОВ (старший)
скончался 7 января 1916 г. [2]

Клоуна Анатолия Дурова, с его дрессированными крысами, мышами, свиньями, т. е. такими животными, которых и в голову никому не приходило дрессировать, знала вся Россия. А его остроты с арены больно, но заслуженно разившие противника, выходили далеко за пределы обыкновенной цирковой шутки.

За часовней находится могила основательницы монастыря кн. А. В. Голицыной. Белый камень и крест окружены массивной решеткой. На камне вырезано:

Княжна
Александра Владимировна
ГОЛИЦЫНА
родилась 3-го февраля 1831 г.
скончалась 15-го июля 1900 г.
— — —
Господи помилуй!

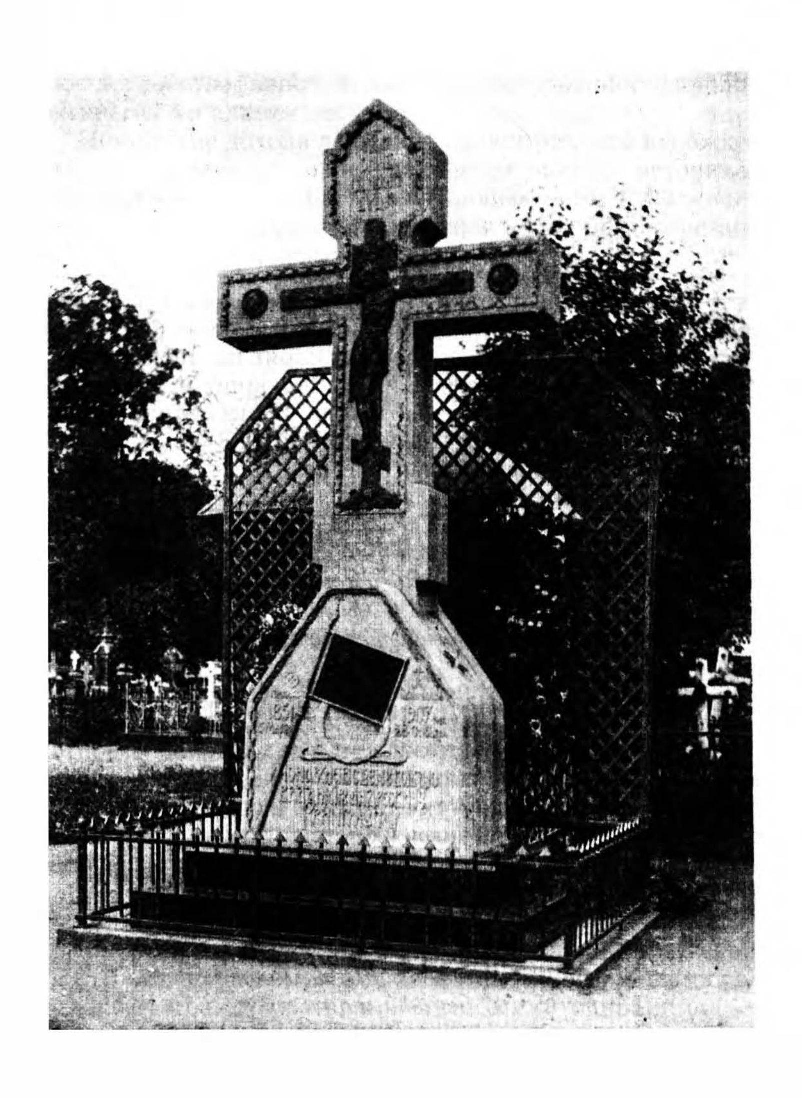
Из художественных надгробий обращают внимание прекрасные скульптуры белого мрамора: на могиле младенца Игоря Шаляпина (ум. 1903), у церкви налево,сидящий на земле ангел, с поднесенным к губкам пальцем, как бы приглашающий не нарушать тишину этого места [3]; на могиле Е. А. Балихиной (ум. 1906 г.), около первой часовни, направо, — небольшая женская фигура, сидящая у креста в глубокой задумчивости, и на могиле А. и В. Слесаревых (ум. 1912 г.), за второй часовней направо, почти в конце кладбища — закутанная в покрывало женщина, с отчаянием схватившаяся за голову.

Как грандиозный богатый памятник надо отметить часовню-усыпальницу Зубаловых, близ кладбищенской часовни. Это обширный и высокий павильон розовато-серого гранита, украшенный барельефом Георгия Победоносца и бронзовой статуей Богоматери.

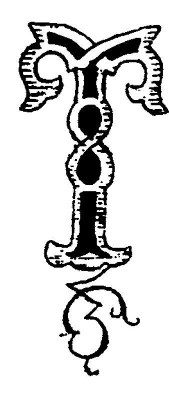

Могила Ф.Н. Плевако

Могила В.А. Грингмута

МИУССКОЕ КЛАДБИЩЕ

ихие уголки, навевающие элегическое настроение, найдутся на каждом кладбище, но на многих там рядом царят пышные мавзолеи, известные имена покойников невольно наводят на иные мысли. Ничего этого нет на небольшом Миусском кладбище, оно все олицетворенная элегия. Здесь всюду слышится —

...говор зеленых ветвей:
Устал ты и ищешь покою!
Усни здесь и мы над могилой твоей
Раскинемся тенью густою.

(Плещеев)

Налево от главной дорожки, там, где кладбище разбито на небольшие аллейки плакучих берез, где могилы еще не громоздятся одна на другую, там тихо и спокойно. Там не только слышится говор зеленых ветвей, там чувствуется и неуловимое приглашение к себе уже ушедших в вечную беспробудную тишину.

Спокойно мы в могилах наших тлеем,
Нам не восстать из них на голос суеты,
И о тебе мы, бедный, сожалеем.
Еще волнуешься, еще страдаешь ты?

(Плещеев).

Миусское кладбище бедно во всех отношениях, поэтому нельзя претендовать и на его благоустройство. Содержит-

ся оно все же в полном порядке, несмотря на очень плохой сырой и глинистый грунт, делающий дорожки при малейшем дожде грязными и скользкими. Это, пожалуй, главное неудобство, впрочем, оно отчасти устраняется проложенными по аллеям досками.

Немного не доходя до церкви по центральной дорожке, налево, близко от края, находится могила историка, критика и издателя «Вестника Европы» — М. Т. Каченовского. На ней невысокая гранитная колонна, перерезанная кубом, с надписями:

Здесь погребено тело
Михаила Трофимовича
КАЧЕНОВСКОГО
заслуженного профессора
Императорского Московского
университета действительного
статского советника и кавалера

— — — —

родился 1 ноября 1775 года
скончался 19 апреля 1842 года.

— — — —

И возвратися персть в землю
яко же бе и дух возвратися
к Богу иже даде его.

— — — —

Не строгим Господи ему будь судией,
но суд Твой сотвори по милости твоей.

— — —

Праху незабвенного супруга
и чадолюбивого отца
признательное семейство.

Как историк, Каченовский был основателем русской скептической школы, возникшей в противовес Карамзину и другим его подражателям. Каченовский не принимал на веру то, что считал неубедительным для его разума, и в этом, несомненно, заслуживает признательности потомства. Как издатель «Вестника Европы» и журналист, Каченовский подвергался нападкам А. С. Пушкина, преследовавшего его злыми эпиграммами. Всем известна его ядовитая эпиграмма:

Как, жив еще курилка-журналист? —
Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью замучен:
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку. —
Фу! надоел курилка-журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

И. А. Гончаров, слушатель Каченовского, так рисует его образ: «Это был тонкий аналитический ум, скептик в вопросах науки и, отчасти, кажется, во всем. При этом — строго справедливый и честный человек... Особенно обширны были его познания в истории и во всем, что входит в ее сферу — археологии и пр. Когда он касался спорного в истории вопроса, щеки его, обыкновенно бледные, загорались алым румянцем и глаза блистали сквозь очки, а в голосе слышался задор редактора «Вестника Европы». Он мысленно видел перед собой своих ученых противников и поражал их стрелами своего неумолимого анализа. И всю историю так читал, точно смотрел в нее глубоко, как в бездну, сквозь свои критические очки...» [1]

В этом же уголке кладбища, но поглубже и поближе к церкви находится могила С. Г. Никифорова, молодого талантливого художника-передвижника. На выставках он появился с 1904 года и обратил внимание каким-то особенным уменьем передавать движение людей и животных. Примыкая к реалистическому направлению передвижников, он, однако, был вполне самостоятелен, как это показали его даже первые картины «Прасол», «Кухня». Картины «В сарае», «Приехали» (1907 г.) приобретены Третьяковской галереей.

На могиле Никифорова поставили было огромный памятник, представляющий гигантскую сидящую фигуру, вылепленную из цементной массы, но ваятель плохо рассчитал соотношение толщины стенок средней части с весом верхней, и фигура обвалилась по пояс. Никаких признаков, что под обломками этого колосса погребен прах талантливого художника, не было бы, если бы не случайно сохранившаяся жестянка от прежнего деревянного креста, кем-то заботливо поднятая с земли и положенная на остатки пьедестала. На жестянке еще не

совсем стерлась надпись: «Классный художник Семен Гаврилович Никифоров род. 1877 г. 31 января, сконч. 1912 г. 13 февраля 35 лет». Упадет и втопчется в грязь жестянка, уберутся обломки цементной массы, и от могилы молодого таланта не останется никакого признака [2].

С правой стороны главной дороги, почти посредине ее, в нескольких шагах от края находится серый гранитный обелиск на могиле директора Бактериологического института Николая Михайловича Берестнева (ум. 1910 г.), бактериолога, много работавшего над изучением чумы в Бомбее, заведовавшего чумным фортом в Кронштадте [3].

На самой крайней дорожке, около западной ограды кладбища, среди простора еще не занятых могилами участков, стоит деревянный белый крест с лаконичной надписью: «Надя Львова». На могильном холмике, окруженном тесной железной решеткой, лежат несколько потускневших металлических венков. Вот все, что осталось от цветущего юного таланта, сраженного первыми заморозками житейской прозы. У нее было свое счастье —

Я нынче светлая. Я нынче спокойная,
Нежная, нежная...
Душа моя нынче, как стих твой, стройная,
Как сон безмятежная.

И небо серое, осенне-тоскливое,
Ветра рыдание —
Мне радостны, радостны... Вся я счастливая,
Вся я сверкание.

Мое падение встречаю улыбкою,
Славлю страдание...
Ах, я павилики веточка гибкая
В миг увядания!

Но это счастье больное, призрачное. Ослепительно сверкнуло оно — и его уже нет, а взамен —

И дружбы зов, солгавший мне невольно,
И зов любви несмелой и невластной,
Все ранит сердце слишком, слишком больно...

И кажется мне жизнь такой напрасной,

Что в этот вечер радостный и ясный,
Мне хочется ей закричать: «довольно!»

Жизнь обманула, насмеялась...

Сверканье дня, куда мечта звала,
Мне не увидеть, нет! Я падаю безгласна.
О, солнце, солнце! Я тебя ждала
Напрасно!

Широкая публика узнала о поэтессе Львовой только тогда, когда в 1913 г. застрелилась Надя Львова и отрывки ее прекрасных стихотворений смешались с трогательными словами некрологов, заполнивших столбцы московских газет и журналов. На кладбище провожала ее прах огромная толпа новых почитателей. Похороны были трогательные, хотелось плакать над разбитой жизнью, над аккордом оборвавшейся мелодии нежной молодой песни. Но, кто знает, что было бы дальше, если бы она не ушла так рано от жизни. Быть может, так надо, так лучше. Это хорошо выражено в стихотворении, напечатанном в одной провинциальной газете за подписью «В. Панин».

Юной жизни не жаль,
Если только она
За любовь отдана.
— Этой жизни не жаль.

Юной жизни не жаль,
Если не было в ней
Ярких солнечных дней.
— Этой жизни не жаль.

Юной жизни не жаль,
Если чистой ушла
От разврата и зла.
— Этой жизни не жаль.

Юной жизни не жаль,
Что была неземной
И рвалась в мир иной.
— Этой жизни не жаль[1].

Близ самой колокольни кладбищенской церкви погребены: заслуженный профессор Московского университета Федор Иванович Синицын (1835-1907) [5] и заслуженный профессор Московской духовной академии Алексей Иванович Введенский (1861-1913), автор богословских трудов «Вера в Бога», «На современные темы», «Религия и социология» и др. [6]

Перед входом в церковь, на уровне мостовой, лежит чугунная плита с четкою надписью:

Действительная тайная советница
Надежда Васильевна
ШЕПЕЛЕВА
урожденная Энгельгардт.
Родилася 1761 года августа 15
скончалась 12 июня 1834.

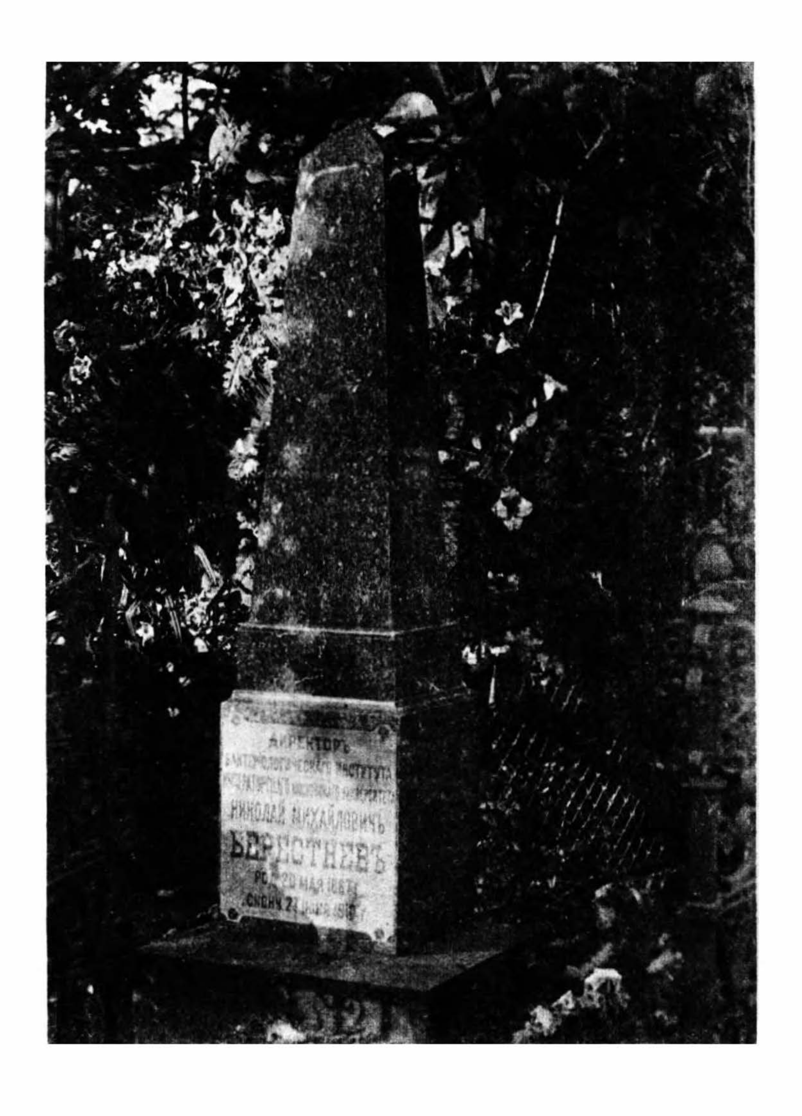
Такие плиты перед входом в храм клали, как мостки, чтобы по ним проходили, «попирали» их ногами входящие в храм. Делалось это из смирения покойника. Но едва ли о смирении говорит приведенная надпись! [7]

По главной дорожке к церкви, близ могилы Берестнева, следует посмотреть памятник на могиле И. И. Митта (ум. 1879 г.). Это женская фигура белого мрамора, одетая в какой-то оригинальный сарафан с застежками и платок на голове, обшитый кружевами. Собственно, интересна только работа деталей сарафана и платка, так трудно выполнимая на мраморе [8].

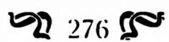
Могила М.Т. Каченовского

Могила Н.М. Берестнева

Могила Н. Львовой

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга эта была подготовлена Алексеем Тимофеевичем Саладиным к печати около 80 лет назад. А. Т. Саладин надеялся на то, что сочинение это заинтересует знаменитое издательство Сабашниковых, только что выпустившее книгу «По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям» под редакцией Н. А. Гейнике и других (М., 1917). Но революционные события тех лет отразились на судьбах и автора, и его сочинения, и издательства. Книга тогда не нашла издателя; автор вскоре скончался от истощения; библиотека его разошлась по рукам, большая часть архива (включавшего и множество уникальных фотографий и негативов), видимо, погибла. Имя Саладина, и при жизни крайне редко упоминавшееся в печати, надолго исчезло из поля зрения москвоведов и библиографов.

Первые статьи о жизни и творчестве А. Т. Саладина появились лишь в 1990 г. — это студенческие работы моего ученика по Московскому государственному историко-архивному институту Андрея Васильевича Иванкива [1], выступившего и с докладом на семинаре-совещании москвоведов в 1989 г. Его очерк о раменском краеведе опубликован в первом сборнике «Краеведы Москвы», в 1991 г. [2] А теперь при деятельном участии другого моего ученика Сергея Юрьевича Шокарева — научного сотрудника Музея истории Москвы и ныне уже аспиранта Российского государственного гуманитарного университета, автора работ о российской генеалогии, историческом некрополе, о лицах, заметных в истории России, и о тех, кто изучал источники по истории России и особенно Москвы, подготовлено к печати это особенно дорогое А. Т. Саладину его произведение, и сопровождено реальным историческим комментарием о современном состоянии описанных в книге захоронений. Тем самым, книга обретает значение путеводителя и по современным кладбищам Москвы, информируя о нынешнем состоянии «исторических» надгробий.

А. Т. Саладин родился 19 мая 1876 г. в многодетной семье выходцев из деревни, осевших в Тверской-Ямской

слободе Москвы. Поступить по окончании в 1888 г. начального училища в гимназию трудолюбивому и любознательному мальчику не удалось (не сумел справиться с экзаменами), но тяга к очагам просвещения была столь очевидна, что он работая наборщиком в типографии, самостоятельно овладел учебной программой, сдал экзамены на курсы по подготовке сельских учителей. В 1896 г. получает свидетельство на право преподавания и начинает учительствовать в одном из подмосковных сел. Однако, вскоре оказывается в числе политически неблагонадежных за то, что организованные при его участии «народные чтения» стали трибуной обсуждения и вопросов общественно-политической жизни. Лишенный места учителя (а труд такого рода, судя по написанному им — стилистике и самой направленности — был призванием А. Т. Саладина), молодой человек устраивается на работу мелкого чиновника-делопроизводителя в управление Казанской железной дороги и перебирается на жительство в подмосковные Люберцы. Там сближается с революционно настроенными участниками событий 1905 года. Настроение недовольных были ему понятны и близки, что нашло отражение и в незатейливых по художественной форме стихах: «Все создано плетью, слезами полито, // Проклятьями воздух вокруг напоен. // И сколько здесь жизней напрасно разбито // В позорные годы тяжелых времен».

А. Т. Саладин был в дружбе с активным революционером-эсером машинистом А. В. Ухтомским, распространял листовки. В начале 1906 г. ему пришлось провести месяц в Бутырской тюрьме, затем жить под надзором полиции в селе Рязанской губернии. В середине 1908 г. перебирается с семьей в Рязань, где работает письмоводителем железнодорожной станции. В Подмосковье стало возможным возвратиться лишь в августе 1909 г. Он поселился в Раменском, где до конца жизни работал мелким чиновником на станции железной дороги. В Раменском и скончался 18 июля 1918 г. Могила его утеряна.

А. Т. Саладин еще в 1902 г. приобрел фотоаппаратуру и специализировался на изготовлении снимков с видами Москвы и Подмосковья. Он постоянно путешествует с этим нелегким грузом на плечах в поисках «натуры» — фотографирует усадьбы и исторические памятники, храмы и кладбища, железнодорожные вокзалы, уютные дач-

ные места, пути прогулок. Фотографии группируются в изящно оформленные альбомы — из которых некоторые сохранились («По пригородам Москвы» 1902 года, «По Москве» 1910 г., «Некрополи Москвы» 1915-1918 гг.).

Собирая материал по истории Подмосковья с особым вниманием и, пожалуй, даже с особой любовью относился к Бронницкому уезду, к местам близ Московско-Казанской железной дороги. В 1914 г. ему удалось издать с иллюстрациями талантливо составленный и одновременно на редкость практически полезный «Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги». В этой книжечке и историко-географическое описание (подчас и с индивидуального характера лирическими отступлениями) и сведения о дачных удобствах, железнодорожном сообщении и т. п.).

А. Т. Саладин — краевед-просветитель по строю своей души и по убеждению. Обладал он и талантом своеобычного видения следов прошлого и умением передавать другим это живительное ощущение связи времен. Краеведение для него — краелюбие, а учительство — нравственная категория; обучая, он и воспитывает. «Бесконечно рад,— писал А. Т. Саладин отцу,— частицу моей любви к родной Москве передать другим, в особенности молодому поколению. Это будет лучшей наградой, а никакой другой мне не надо». Живший в малом достатке, отец большого семейства, отличавшийся особой скрупулезностью и обязательностью в исполнении своих служебных обязанностей, А. Т. Саладин всей душой отдавался любимому делу краеведения, писал о Москве и Подмосковье без какой-либо материальной корысти. Лишь истинно привлекательным натурам, особенно дорога возможность приобщения и других к радости душевного и умственного обогащения, ими самими испытываемой!

Историк-самоучка, писатель, художник-фотограф, А. Т. Саладин — из тех даровитых и совестливых самородков, которые, не принадлежа к касте выпускников высших учебных заведений, воплощали в своей деятельности высокие нравственные устои истинной образованности, подлинную интеллигентность. Такого типа люди свято руководствовались в своей общественной работе и в личном жизненном укладе заветом «сеять разумное, доброе, вечное». Благодаря в значительной мере трудам и самоот-

верженности подобных личностей укреплялись и обогащались разнообразием форм и само краеведение и взаимосвязи его с общественным движением (на рубеже XIX и XX столетий с земством) и «большой наукой» (академической, университетской). Это и обеспечивало видное место краеведению в общественной и культурной жизни России в первые десятилетия XX века, тогда именно оно во многом определяло культурный облик российской провинции, ее научные и учебновоспитательные потенции. Потому-то после бросавшегося всем в глаза подъема в 1920-е годы — в «золотое десятилетие» советского краеведения, — оно первым подверглось разгрому с утверждением сталинского тоталитаристко-бюрократического режима в зловещий год «великого перелома» — на рубеже 1920-х — 1930-х гг. [3]

А. Т. Саладин ясно осознавал учебно-воспитательное значение исторического — точнее сказать, историко-культурного краеведения, особое значение краеведных знаний и навыков для формирования представлений (и самых первичных и более усложненных) о взаимосвязи природы и общества, об источниках познания прошлого, о той сфере научного знания, которое ныне называют памятниковедением. Он был убежден в важности и дела организации «загородных прогулок», т. е. экскурсий школьников, и сталался реализовать эти намерения с участием и своих детей и соседских. (Возможно, что такое внимание к привлечению детей в годы Первой мировой войны к участию в подобных «прогулках» познавательно-оздоровительного рода объяснялось у А. Т. Саладина и тем, что многие отцы семейств и старшие братья детей были на фронте, дети оставались обездоленными, и это помогало уберечь их от дурного воздействия «улицы».)

Взгляды эти в русле того направления, которое характерно для передовой педагогической мысли начала XX столетия. Показательно, что это обосновывалось — уже в первые советские годы — и обоими моими предшественниками по руководству Археографической комиссией Академии наук, когда они, в молодые годы, много сил отдавали преподаванию в средней школе и выработке его методики: возродивший с 1956 года деятельность Археографической комиссии академик Михаил Николаевич Тихомиров — классик нашей отечественной исторической науки в 1920-е гг. был организатором школьного экскурсионного

дела и кинолектория для школьников (в кинотеатре напротив московского зоопарка), а будущий член-корреспондент Академии наук Виктор Иванович Шунков (председатель Комиссии в 1965-1967 гг.) в 1920-е гг. был одним из пионеров школьного краеведения, автором статей о жизни и работе московских школьников в подмосковной деревне. Его первый печатный труд, опубликованный в №№ 5/6 «Вестника просвещения» за 1926 год, имел заголовок: «Как мы изучаем деревню (из опыта работ 2-й опытной школы МОНО)». В более широком историко-культурном плане существенно то, что выработанная А. Т. Саладиным программа в определенной степени смыкалась с теми разработками и печатными трудами, которые мы связываем с деятельностью петербургского профессора-медиевиста Ивана Михайловича Гревса и его близкого ученика Николая Павловича Анциферова, начавших с экскурсий студентов в западноевропейские страны давних исторических традиций, а затем создавших стройную и научнообоснованную систему краеведно-познавательной деятельности в России в 1920-е года.

А. Т. Саладин, можно полагать, был выдающегося таланта экскурсоводом, слова которого доходчивы и для юных. Ему присуща подкупающая доверительностью интонация и умение дать почувствовать то, что в основе его занимательного (а, иногда и поучительного) рассказа серьезные знания эрудита-знатока. Это ощущается по тем немногим очеркам, которые ему удалось напечатать в 1917 г. (очерки о «святых» местах Подмосковья и о местностях напоминающих нам об именах Пушкина, Герцена). А. Т. Саладин свел знакомство с московским писателем и краеведом Иваном Алексеевичем Белоусовым, вокруг которого группировались литераторы «из народа». Переписывался с ним, при его содействии публиковал свои очерки. В личном фонде И. А. Белоусова в РГАЛИ имеются письма А. Т. Саладина, воспоминания о нем. На его поддержку А. Т. Саладин рассчитывал, готовя к печати и сочинения большого объема: «Прогулки по Москве», «Прогулки по окрестностям Москвы», «Прогулки по кладбищам Москвы». До нас дошла только рукописная книга «Прогулки по кладбищам Москвы», и даже не в одном экземпляре.

Вероятно, частью книги «Прогулки по окрестностям Москвы» были очерки, печатавшиеся в 1917 г. в журнале

«Юная Россия» под общим заголовком «Прогулки под Москвой» и сопровождавшиеся фотографиями, сделанными автором: «По народной тропе»(Ярославское шоссе), «Скорбный путь» (Владимирка), «Царская усадьба XVII века» (Коломенское), «Усадьба вельможи XVIII века» (Кусково), «Московский невидимый град Китеж», «Святые горы под Москвой», «На поклоне родной Москвы», и опубликованные в сборнике под редакцией И. А. Белоусова «Дорогие места» в 1918 г.: «Колыбель Пушкина», «В Соколове».

Публикуемая книга – результат и визуального знакомства со всеми московскими кладбищами и с литературой о московском некрополе и — что особенно существенно — с многообразной литературой и устными преданиями широкого историко-культурного характера — от сочинений захороненных до написанного о них (очерков, воспоминаний, даже исследовательского характера книг и статей, заметок в журналах, газетах).

Традиция описания московских кладбищ, особенно надгробных надписей и памятников, ведет по крайней мере к пушкинским временам — замечательный для своего времени бытописатель Москвы 1830-х гг. Александр Анфимович Орлов, с сочинениями которого с интересом знакомились И. А. Крылов и А. С. Пушкин, в 1834 г. выпустил книгу «Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских» [4].

Не обходил описание кладбищ и младший современник А. А. Орлова друг юности Герцена и Огарева Вадим Васильевич Пассек. Многосторонняя оборванная ранней кончиной творческая деятельность этого увлеченного ученого и популяризатора, стоявшего у истоков нескольких отраслей отечественных гуманитарных наук – археологии, этнографии, фольклористики, статистики, археографии, видимо, была особенно ценима А. Т. Саладиным. Привлекала и сама личность Вадима, о котором с равной теплотой вспоминали позднее разошедшиеся уже к тому времени по разным «лагерям» общественной мысли славянофилы и западники. Можно думать, что Пассек был для А. Т. Саладина любимым образом предшественника; и потому-то он сфотографировался именно подле его могильного памятника (ныне – увы! – уничтоженного). А знакомство с трудами и биографией В. В. Пассека,

которому мы обязаны и утверждением материалов о прошлом края на страницах местных изданий газетного типа, помогло А. Т. Саладину сформировать представление о возможностях и «обязанностях» краеведения и его источниковой базе. Современный исследователь жизни и творчества В. В. Пассека К. Е. Новохатский точно и емко формулировал: «По предмету, характеру и методике исследования труды В. В. Пассека с полным основанием можно отнести к тому направлению общественной и научной детяельности, которое позже, уже в XX в., получило название «краеведение». Причем его деятельность, пожалуй, краеведческая в самом полном, каноническом смысле этого слова. Ведь он занимался не только изучением, но и популяризацией прошлого и современного ему состояния различных местностей, комплексно используя для этого самые разнообразные источники» [5].

Сочинение А. Т. Саладина о московских кладбищах можно охарактеризовать как новаторское. В книге объединяется и словесная информация о похороненных лицах и могильных памятниках и изобразительный материал, причем специально подготовленный для издания. Теперь такого типа издания уже не в редкость. Но и по сей день никто не сумел объединить сведения о кладбищах в поучительно-занимательном и в то же время трогательном повествовании очень достойной и благородной манеры.

Сочинение А. Т. Саладина есть серьезное основание рассматривать в плане развития отнюдь не только краеведения, но шире — нашей российской культуры, общественного сознания. В период, когда нагнетали революционные настроения и официально провозглашали лозунг разрушения «до основания» «старого мира». А. Т. Саладин убежденно и любовно отдавал свои силы составлению книги Памяти, воспитывая уважение к корневым многовековым основам нашей духовности и исторический преемственности поколений.

Память — основа не только культуры, но и мировосприятия. И именно сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений.

В основе общераспространенного отношения к понятию «некрополь» [6] еще первичные представления о важности сохранения памяти об умерших (а также и о возмездии от них или какого-либо «божества» за пренебрежение этой памятью). Это свидетельствует о давнем осознании того,

что хотя жизнь человка ограничена сроком сравнительно немногих лет, есть некая связь времен и поколений, определяющая вечность самого процесса «бытия» человечества. И для действенности этой связи имеет значение не только освоение опыта предшественников, но и степень уважения к ним. И то и другое — опыт истории.

Проблема «жизнь и смерть» была, есть и будет одной из главнейших в мировоззрении и мироощущении и человечества в целом и каждого отдельного человека. Подход к этой проблеме — сознательно мотивированный или в рамках привычного, кажущегося, самим собой разумеющимся,— во многом предопределяет представления и о прощании с умершим и похоронах его, формах сохранения его памяти.

Это находит отражение и в религиозной обрядности и во многих произведениях искусства (изобразительных, музыкальных), художественной литературы, и в праздниках памяти — в юбилеях с их особым церемониалом воспоминания об ушедших из жизни и оценки их деятельности, и напоминанием о том, что предстоит вслед за ними делать или довершить живущим.

Идея сохранения тела умершего и связанных с ним предметов духовной и материальной культуры, устройства ему памятника — бесконечно древняя, воспринятая христианством из глубины веков. Всякое захоронение, отмеченное памятным знаком,— всегда показатель отношения живых не только к умершему и к делу его жизни, но и к самому обычаю, к идее сотворения памятника усопшему.

Следует иметь в виду и то, что захоронение — «мемориал» и кладбище в целом являются элементами и нашей общественной жизни, ее не только внутренней, но и внешней стороны, ее публичности. Можно пытаться весь свой век не допускать никого к себе во внутренний мир, ограничиваться крайне узким кругом общения; кладбище же для всех открыто. Оно напоминает об умершем, и всем видно отношение к усопшим. Тем самым кладбище формирует и само представление о характере напоминания о прошлом: кого, за что и кому следует помнить, и в какой форме выражать эту память.

И похороны (точнее: процедура похорон) и оформление места захоронения представлялись ранее и представляются теперь как своеобразный обряд, ритуал с опреде-

ленным порядком последовательности действий и соблюдением церемониальных условностей, даже с особой манерой поведения — это настолько вошло в наше обыденное сознание, что бюро похоронных услуг официально стали называть комбинатом ритуального обслуживания. Такая обрядность находит выражение и в выборе и оформлении места захоронения, во внешней форме могильного памятника, в содержании и форме намогильных надписей, т. е. в стереотипах, в определенной традиции (обычно достаточно устойчивой, хотя и многовариантной в частностях), облегчающей, тем самым, ученым систематизацию и научное описание могильных памятников.

Четкие «приметы» стереотипных захоронений городского кладбища XIX в. отмечены Н. А. Некрасовым в стихотворении «О погоде»: «...где кресты, там мещане, // Офицеры, простые дворяне; // Над чиновником больше плита, // Под плитой же бывает учитель...»

Поэтому кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культуры не только тех лет, когда жили похороненные там, но и времени жизни их потомков. Эти знаковые системы — всегда и ценностные категории, причем обычно консервативные. Но и они меняются с годами: и по прошествии веков, и даже десятилетий (как в России после Октябрьской революции) нелегко уже осмыслить и даже приметить многое, казавшееся нашим предкам знаменательным. Показательны и степень внимания (или невнимания) к кладбищам вообще, к захоронениям определенных лиц (или лиц определенной сословной принадлежности), к элементам надгробных памятников (к примеру, уничтожение на могильных памятниках в 1920-е — 1930-е гг. крестов) в те или иные годы. Отношение к мертвым всегда показывает и лицо живых.

В плане истории культуры отношение к могилам предков символизирует понятие о корнях своей истории и культуры и уровень нравственного развития общества. В России это особенно ясно выражено А. С. Пушкиным в незавершенном и неозаглавленном стихотворении 1830 года.

«Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня.
Земля была б без них мертва,
Как......... пустыня
И как алтарь без божества».

Тема «кладбища» вообще занимает особое место в поэтических размышлениях Пушкина. Напоминание о сельском кладбище возвращает к чистоте простодушной юности — вспомним слова Татьяны, обращенные к Онегину: «...Сейчас отдать я рада // Всю эту ветошь маскрада, // Весь этот блеск, и шум, и чад // За полку книг, за дикий сад, // За наше бедное жилище, // За те места, где в первый раз, // Онегин, встретила я вас, // Да за смиренное кладбище, // Где нынче крест и тень ветвей // Над бедной нянею моей...» Но и совсем юного поэта тревожила мысль о «камнях гробовых» — и в стихотворениях 1814 г. «Осгар» и «Воспоминания о Царском селе», и в стихотворениях 1815 г. «Мое завещание» (там такое удивительное определение, как «тихий праздник погребенья»), «Гроб Анакреона», «Моя эпитафия». К этой теме возвращают нас и стихи последующих годов; среди них с детства запомнившаяся «Песнь о вещем Олеге» (1822 г.). И знаменательно, что за семь дней до сочинения программного стихотворения — завещания «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», когда поэт глубоко и неотступно размышлял об итогах им свершенного и о вечных ценностях, в августе 1836 г. написано было незаконченное стихотворение, начинающееся строками: «Когда за городом, задумчив, я брожу // И на публичное кладбище захожу». Там соображения о том, что можно было бы назвать «стилем кладбищ»: сравнение сельских кладбищ («кладбище родовое», «где дремлют мертвые в торжественном покое» и «неукрашенным могилам есть простор») со столичным кладбищем, где могилы, «стесненные рядком», и «дешевого резца нелепые затеи, // над ними надписи и в прозе и в стихах // О добродетелях, о службе и чинах: // По старом рогаче вдовицы плач амурный, // Ворами со столбов отвинченные урны»...» На сельском же кладбище «на месте праздных урн и мелких пирамид. // Безносых гениев, растрепанных харит // стоит широко дуб над важными гробами // Колеблясь и шумя...»

Совершенно очевидно, что в мучительный для него последний год жизни, думая о кончине (а, быть может, и предвидя ее близость), Пушкин выразил здесь свою волю быть похороненным именно на родовом кладбище в Псковской земле, где «близ камней вековых, покрытых желтым мохом, // Проходит селянин с молитвой и со вздохом». Это подтверждается и письмом А. И. Тургенева от 1 февраля 1837 г.: «В 11 часов будет отпевание и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он пожелал покоиться — до радостного утра!»

Конечно, эти размышления Пушкина в определенной мере отражают настроения меланхолизма, распространенные в период господства художественно-литературных стилей сентиментализма и романтизма. (Это глубоко со многими примерами разъяснено в книге академика Д. С. Лихачева о поэзии садов (1982)). Обращение к теме кладбища характерно для стиля русской культуры конца XVIII — начала XIX вв. Н. М. Карамзин, как и другие поэты той поры, еще молодым сочинял стихотворные эпитафии. Широко известна была его эпитафия 1792 г. на могилу ребенка: «Покойся, милый прах, до радостного утра»: эту надпись вспоминал А. И. Тургенев в цитированном письме о захоронении Пушкина; она и на могиле матери Ф. М. Достоевского, любимым чтением которого были последние четыре тома «Истории государства Российского».

Творчеству Карамзина как бы сопутствует тема кладбища — и в «Бедной Лизе», и в «Письмах русского путешественника», и в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре», где не только не раз упоминается о «погребениях знаменитых людей», но и вставлены рассуждения такого содержания: «Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести, все безмолвствует вокруг древнего гроба! глубокая тишина его прерывается только благословениями или проклятием идущих мимо и читающих гробовую надпись» (это о фамильном погребении Годуновых). Еще выразительнее Карамзин пишет в «Записке о московских достопамятностях» об Архангельском соборе Московского Кремля: «Вот святилище истории российской! Сии безмолвные гробы красноречивы для того, кто, смотря на них, воспоминает предания Московских летописей от XIV до XVIII столетия. Там искал я вдохновения, чтобы живо

изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей...» (Не пришли ли эти слова или упоминания о погребениях в «Истории государства Российского» на память Пушкину, когда он писал цитированные строки о «любви к отеческим гробам»?).

Карамзин же напечатал в журнале «Вестник Европы» в 1802 г. элегию В. А. Жуковского «Сельское кладбище» — вольный перевод английского стихотворения Т. Грея. Владимир Соловьев полагал, что «Сельское кладбище» может считаться «началом истинно-человеческой поэзии в России», напомнил об этом и в близком по духу к нему стихотворении 1897 г. «Родина русской поэзии».

Поэзии тех лет свойственно и ощущение в душе присутствия ушедших из жизни. Об этом мудро сказал Жуковский в утещающем нас и до сих пор четверостишии:

«О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были».

Сходна с таким пониманием и мысль Ф. И. Тютчева: «Душа моя — элизиум теней».

Эти представления поэтов конца XVIII — первой половины XIX вв. оказались близкими и многим поэтам последующего времени (Вспомним строки И. А. Бунина: «И мне печаль могил понятна и близка, // И я родным преданьям внемлю»).

Потому, что в основе их прежде всего многовековые устои отношения к своим кладбищам, к самому акту захоронения, к покойникам, и пониманию взаимосвязи захоронений и природы (уход тела опять в вечный круговорот природы). Похороны всегда дают повод к раздумьям не только об ушедшем человеке и о том, что он оставляет в памяти (что до пронзительности ясно отражено в картине В. Е. Попкова «Хороший был человек бабка Анисья»). Эти глубинные народные представления наблюдаем и в характерных мотивах преданий и песен: молитва, просьба: не оставить тело без погребения, или даже похоронить в определенном месте, на Родине (классически убедительный пример — «Заповит» Тараса Шевченко), близ могил родственников или сподвижников. И в общепринятом порядке — особенно у людей одиноких —

копить и оставлять деньги на похороны и поминки. И в обычае сажать на могиле деревья и цветы. И вряд ли основательны соображения нашего выдающегося мыслителя Н. Ф. Федорова, столь решительно противопоставляющего «светское», «городское» стихотворения В. С. Соловьева «народному», «сельскому» представлению о сельских похоронах и кладбищах.

Уже издавна выработалась, если можно так выразиться, система представлений о форме и месте захоронений. К давней традиции относится и обычай возведения храмов или часовен на месте сражений и в память павших на поле боя (начиная, по крайней мере, со знаменитого Софийского собора в Киеве). Еще в первой половине XIX в. стараниями вдовы генерала А. А. Тучкова был построен храм на Бородинском поле, где погиб ее муж. Рано утвердился и порядок захоронения лиц в определенном месте: в Московском Кремле прах высших иерархов — в Успенском соборе, великих князей и их родственников (а позднее царей) — в Архангельском, великих княгинь и княжен в Вознесенском монастыре; российских императоров хоронили в Петропавловском соборе Петербурга. Особенно почетным признавалось захоронение в храме или близ него.

До революции аристократическими кладбищами были в Петербурге Александро-Невская лавра, в Москве в XVIII—XIX вв. кладбище Донского монастыря. На некоторых кладбищах (или даже в храмах, в XIX — начале XX вв., и в домовых храмах) сосредоточены родовые усыпальницы определенных дворянских фамилий, позднее и купеческих. Стремление знатных людей закрепить за своим родом устойчивое место погребения и отметить его особой символикой (иногда включающей и родовой герб) можно рассматривать во взаимосвязи с составлением родословцев (а изредка даже и родовых летописцев), изображением гербов на фамильных особняках.

В больших городах в XVIII в., выделяют постепенно места преимущественного захоронения лиц интеллигентных профессий (как на Пятницком кладбище в Москве, где близ друг друга захоронены историк Т. Н. Грановский, актер М. С. Щепкин, переводчик, друг Герцена Н. Х. Кетчер и др., «артистические мостки» на Новодевичьем кладбище, знаменитые «Литераторские мостки» на Волковом кладбище в Петербурге). В меньшей мере это заметно и на других кладбищах.

Захоронения давно признаются важным источником исторических знаний и предметом изучения искусствоведения. Не говоря уже о том, что археологи, как правило, раскапывают прежде всего древние поселения (точнее: места поселений), либо древние захоронения. Еще Н. М. Карамзин в предварявшей его «Историю государства Российского» главе «Об источниках Российской истории до XVII века» сетовал на то, что «к сожалению, на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена».

Впоследствии было немало сделано для изучения некрополей — столичных (Москвы и Петербурга) и провинциальных и составления трудов о них. В библиографическом указателе «Справочники по истории дореволюционной России», подготовленном под научным руководством П. А. Зайончковского и вышедшем вторым изданием в 1978 г., указаны основные материалы о некрополях. Отрадно, что в последующие годы усилиями М. А. Артамонова, М. Т. Белявского, С. Е. Кипниса, В. В. Сорокина и других изданы новые материалы о Московском некрополе. Опубликованы большой справочник-путеводитель «Исторические кладбища Петербурга» (СПб, 1993) составленный А. В. Кобаком и Ю. М. Пирютко, книги о кладбищах Иркутска, Тулы и других городов. Это — знамение времени, свидетельство и возрастающего понимания корневых основ нашей культуры, особого значения местных историко-культурных традиций, и расширяющихся представлений об источниковой базе исторических знаний.

Материалы «некрополей» важны не только для уточнения дат жизни и деятельности и биографий отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории. Так исследования Е. С. Сизова (бывшего в последние годы жизни главным хранителем Государственных музеев Московского Кремля) о захоронениях в Архангельском соборе, в частности, тематики стенной живописи, сделанной по распоряжению царя Ивана IV в приделе, избранном им как место погребения, добавляют много существенно нового для понимания общественно-политических взглядов грозного царя в самый канун опричнины.

Надгробия привлекают издавна и историков искусств,

тем более, что создателями некоторых из них были крупнейшие мастера культуры, архитектуры, живописи, мозаичного искусства. На это обращал внимание еще Ю. Н. Шамурин в постановочно-обобщающей статье «Московские кладбиша» в восьмом выпуске многотомного предреволюционного издания «Москва в прошлом и настоящем».

Некоторые надгробия признаются классическими образцами скульптуры — в советские годы работы на Новодевьчем кладбище: И. И. Шадра (надгробия Е. Н. Немирович-Данченко, Н. С. Аллилуевой), В. И. Мухиной (надгробия М. А. Пешкова, Л. В. Собинова), удивительное надгробие живописца Сергея Герасимова работы Е. Ф. Белашовой, изображающее спящего юношу в состоянии полета, и др. Иногда памятником скульпторам становятся копии их же произведений (на могиле Е. Ф. Белашовой, на могиле С. Т. Коненкова на том же Новодевичьем кладбище, где воспроизведены и автопортрет и сделанное им кресло его гостинной). Некоторые памятники с уничтоженных кладбищ или созданные из материала, не могущего выдержать наши погодные условия (например, из итальянского мрамора), становятся частью музейных экспозиций и воспринимаются как произведения искусства (вне зависимости даже от кладбищенских ассоциаций), — и ведь самый впечатляюший в мире скульптурный ансамбль — статуи Микельанджело «Утро», «Вечер», «День», «Ночь» — это ансамбль гробниц Лоренцо и Джулиано Медичи в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции!

Для специалистов в области социологии и социальной психологии интересна символика знаковых систем надгробий, особенно традиционного типа; а также подчеркивающих профессиональную деятельность умершего: изображение пера и книги на могильных памятниках писателям и ученым, нот и музыкальных инструментов — музыкантам, кистей — живописцам, сабель и шлемов — военным и т. д.

Объединения краеведов и в дореволюционные годы и в первое («золотое») десятилетие советского краеведения уделяли немало внимания «историческим некрополям». Однако, значительная часть собранных тогда и даже подготовленных к печати материалов осталась неизданной. Так в обществе «Старая Москва» выявляли и иссле-

довали не только старинные захоронения, но и XVIII — начала XX вв. В 1920-х гг. там была особая комиссия (Комитет), регистрировавшая и охранявшая могилы выдающихся деятелей на кладбищах Москвы — об этом узнаем из наиболее полного обзора архива общества (хранящегося в Российской Государственной библиотеке), подготовленного С. Б. Филимоновым. (Дополненное — третье издание этой книги с указателями вышло тиражом уже 7000 экземпляров в 1989 г., под грифами Археографической комиссии АН СССР и Советского фонда культуры.) [8] В личном архиве старейшей активистки общества «Старая Москва» Ольги Владимировны Сваричовской-Мамет сохранялись методические материалы комиссии: «Проект инструкции для работы на кладбищах по выявлению могил выдающихся людей», образцы «учетной карточки по описанию могил». В 1925-1926 гг. были составлены Списки выдающихся лиц, погребенных на московских кладбищах» (содержащие данные и о тех кладбищах и отдельных захоронениях, которые теперь не существуют). Составлены были и «Списки декабристов, захороненных на московских кладбищах»; там скопированы и некоторые эпитафии. Готовили альбом фотографий могил декабристов (негативы переданы были Мамет-Сваричовской в Музей революции). Части могил уже нет, или сохранились они в измененном виде, поскольку уничтожались не только кресты, но сдавали в утиль и каслинское литье. Надо предпринять усилия к тому, чтобы найти эти материалы, важные не только для историков, но и искусствоведов (в частности, и знатоков прикладных искусств). Личный архив передали после кончины краеведа — на девяносто третьем году жизни — в Мосгорархив. Об этом фонде и коллекции открыток и газетных вырезок о прошлом и настоящем Москвы еще при жизни фондообразователя написано в студенческой статье Владимира Фотиевича Козлова — ныне председателя Московского краеведчесого общества и заведующего кафедрой музейного дела Российского государственного гуманитарного университета [9]. Материалы о городских некрополях и в фонде одного из руководителей Комитета по охране могил выдающихся деятелей при обществе «Старая Москва» известного архивиста Николая Петровича Чулкова (в РГАЛИ) и они использованы С. Ю. Шокаревым и в комментариях к этой книге и в статье о Н. П. Чулкове,

подготовленной для третьего выпуска сборника «Краеведы Москвы», находящегося сейчас в печати. Обращение к архивным фондам (учреждений, обществ, личным) — важное предварительное условие возрождения отечественного краеведения.

Выясняется, что уже до нас было немало сделано, и следует ознакомить с результатами этой работы и использовать ее в нашей сегодняшней деятельности, проверять имеющиеся в этих трудах сведения, дополнять их. Поэтому особая задача в этом плане: сведение воедино данных об архивных материалах по московскому некрополеведению, и прежде всего о подготовленных обобщающего типа трудах.

Показательно, что в Москве стали регулярными научные конференции, посвященные изучению Московского некрополя, в организации которых участвуют различные научные и просветительские учреждения и общественные организации. На первой из этих конференций Людмила Васильевна Иванова предприняла серьезную попытку обобщить данные по истории изучения московского некрополя, начиная с конца XVIII в., напомнить об изданиях, содержащих такие сведения, и архивных материалах.[10] Сейчас такая работа продолжается (главным образом усилиями Московского краеведческого общества). По инициативе и под редакцией Л. В. Ивановой в Институте российской истории Академии наук подготовлена книга о местах захоронения московских краеведов. Проблема «исторический некрополь», не может ограничиваться задачами научного характера. Это — сфера нравственной культуры. И забвение уважения к ушедшим из жизни и местам их упокоения не может не тревожить тех, кто думает о будущем нашего общества, о возрождении нашего духа. Все больше раздается в печати, по радио, с телеэкрана взволнованных голосов, призывающих пока не поздно обратить внимание на судьбу наших кладбищ, уберечь их от глумления, охранить, обиходить, да именно обиходить, ибо кладбища, встреча со смертью — и нас самих и наших близких — это сфера нашего повседневного бытия. Воспитание уважения к кладбищам должно входить необходимейшим элементом в воспитание историей. С малых лет! Младшие школьники должны — сначала под руководством учителей, а затем уже по зову сердца, ухаживать за памятниками, могилами. К этому следует

приобщить и их родных. Это лишь сблизит школу и родителей ее учеников. Задача — охранять не только захоронения известных людей, но вообще могилы. И потому так греет душу стремление молодых людей (а среди них немало и студентов, бывших военнослужащих советской армии) принять участие в экспедиции «Поиск» для установления имен погибших героев Великой Отечественной войны, чьи останки остались непогребенными.

Конечно, собственно «историчесий некрополь», в таком огромном городе как Москва не может включать все захоронения. Пока с действительной полнотой сведения о захоронениях (при том и о похороненных и о надгробиях) сосредоточены только в уникальном по богатству информации издании — в книге «Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища», подготовленном Соломоном Ефимовичем Кипнисом (М., 1995). Приходится невольно ограничиваться выборочным перечнем имен и художественно выполненных надгробий. Тем более необходимо сосредоточить где-то данные обо всей документации кладбищ и соответствуюшей литературе, чтобы система получения справок о захоронениях приобрела бы и научную основу.

Интерес к некрополям, точнее сказать, расширение круга кладбищ и лиц, которым придавалось значение достойных особой исторической памяти, — показатель распространения исторических (и искусствоведческих) знаний и постепенной демократизации общественно-исторических представлений, понимания того, что внимания заслуживают не только лица, особо «избранные» — государи, государственные и военные деятели, виднейшие созидатели культуры. Это отражает и возрастающую потребность в изучении «повседневности», деятельности обычных людей и ее последствий. И, конечно же, осознаваемой на новом витке образованности и культуры нерасторжимой взаимосвязи времен, обыденного и вечного, того, что жизнь и смерть всегда рядом, и где конец различных форм нашего существования мы не знаем и, быть может, никогда не узнаем.

* * *

Сочинение А. Т. Саладина «Прогулки по кладбищам Москвы» сохранилось в фонде писателя, библиографа,

москвоведа Николая Семеновича Ашукина — автора многих работ о русских писателях, книги «Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина» (М., 1949), составившего вместе с супругой Марией Григорьевной известный сборник комментированных изречений «Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения». Ее рукой написана пояснительная записка, вложенная в рукопись: «Автор этой книги принес ее Ашукину с просьбой помочь опубликовать, но Ашукин отказался за неимением возможности. Саладин страшно расстроился, так как очень бедствовал. Кончилось тем, что Ашукин купил ее. Даже эта поддержка обрадовала его» [11].

Другой экземпляр рукописи и сохранившиеся фотографии из тех, которые А. Т. Саладин предназначал для ее издания, обнаружены у Валерии Валентиновны Лобановой, увлекающейся краеведением Подмосковья, и проживающей в городе Жуковский. По этому экземпляру, любезно предоставленному исследователям, рукопись и подготовлена к изданию. Уцелевшие негативы фотографии надгробий В. В. Лобанова передала в дар Московскому городскому объединению архивов (Мосгорархиву). Некоторые из этих уникальных фотографий, к сожалению, плохо сохранились, но воспроизводятся почти что все фотографии, предназначавшиеся А. Т. Саладиным для такого издания. Материалы, связанные с жизнью и творчеством Алексея Тимофеевича Саладина переданы родственниками его и В. В. Лобановой и в Раменский краеведческий музей, в экспозиции которого ныне особый стенд о замечательном местном краеведе.

Издание книги — долг благодарной памяти и ее автору и тем, кому эта книга посвящена.

С. О. Шмидт,
академик Российской Академии образования,
Председатель Археографической комиссии Российской Академии наук и Союза краеведов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мир источниковедения. М.— Пенза. 1994. С. 386.
2. Иванкив А. В. «Свою любовь к Москве отдаю юному поколению». Алексей Тимофеевич Саладин. 1876-1918. // Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991. С. 156-166.

3. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 11-27; Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь. 1992.

4. См.: Корнеев А. В. Бытописатель Москвы 1830-х годов. Александр Анфимович Орлов. 1791-1840 // Краеведы Москвы. Вып. 2. М., 1995.

5. Новохатский К. Е. «...Прошедшее в настоящем...» Вадим Васильевич Пассек. 1808-1842. // Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991. С. 61. Фотография с изображением А. Т. Саладина, опирающегося на могильный памятник В. В. Пассека воспроизведена между страницами 224 и 225 этого издания.

6. Подробнее: см.: Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. М. 1991. С. 8-23.

7. Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 196. С. 160-174.

8. Филимонов С. Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. С предисловием и под редакцией С. О. Шмидта.

9. Козлов В. Ф. Фонд и коллекция О. В. Сваричовской-Мамет // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 66-69.

10. Иванова Л. В. История изучения Московского некрополя // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 34-47.

11. РГАЛИ. Ф. 1890, оп. 3. д. 549. л. 2.

КОММЕНТАРИИ

Книга Алексея Тимофеевича Саладина уникальна тем, что она дает представление и о разрушенных некропольных комплексах. Из двадцати шести описанных Саладиным кладбищ было уничтожено четырнадцать, остальные в той или иной степени претерпели разрушения — от полностью уничтоженного и заново восстановленного некрополя Новодевичьего монастыря до хорошо сохранившегося некрополя Донского монастыря.

Особую прелесть книге придает живое и увлекательное изложение; чувствуешь себя на прогулке с умным и знающим человеком, который постепенно, шаг за шагом открывает особый мир кладбищ, наполненный воспоминаниями, ассоциациями, сюжетами. Комментарий к саладинскому повествованию мыслился построенным исключительно на визуальном осмотре и непосредственном общении с кладбищами и памятниками, без привлечения архивных данных и особых разысканий по поводу того или иного предмета. Комментарий касается, прежде всего, современного состояния кладбищ и памятников и никак не относится к персоналиям и рассказам Саладина об упокоенных на московских кладбищах выдающихся деятелях. Комментарий предназначен в помощь тем, кто хотел бы вслед за Саладиным совершить паломничество на могилы «к близким, не по крови, а по духу».

Девятнадцать глав книги снабжены отдельной статьей комментария, в основном это те главы, в которых рассказывается о сохранившихся кладбищах. Исключение составляют некрополи Данилова, Симонова и Скорбященского монастырей и кладбища Еврейское и Дорогомиловское. Несмотря на то, что эти кладбища уничтожены, им посвящены отдельные главы комментария, поскольку с них были перенесены отдельные могилы.

Кратко о печальной участи, постигшей двенадцать кладбищ, описанных у Саладина. В 1920-1930-е годы были варварски уничтожены следующие московские кладбища: Лазаревское, Старое Лютеранское, кладбище Алексеевского монастыря, кладбище Скорбященского монастыря, Семеновское и Семеновское военное, кладбище Покровского монастыря, кладбище Симонова монастыря, кладбище Данилова монастыря, Дорогомиловское, Еврейское, Братское. К этому списку можно добавить: кладбище Спасо-Андроникова монастыря, кладбище Новоспасского монастыря, кладбище Новодевичьего монастыря, Миус-

ское, в которых уничтожена большая часть дореволюционных захоронений.

Поскольку в задачу комментария не входит дополнять рассказ Саладина с содержательной стороны, для читателей, интересующихся историей кладбищ укажем, несколько книг, посвященных уничтоженным кладбищам. Лазарево кладбище // Н Розанов. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода. – М., 1870, ч. 3, кн. 1; В. Ф. Остроухов. Московское Лазарево кладбище: историческое исследование на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов. – М., 1893; А. Ростиславов. Московское Лазарево кладбище // Старые годы. – 1909, № 1. Старое Лютеранское: О надписях на гробовых камнях в Марьиной роще // Вестник Европы. 1830, N 23-24. Кладбище Алексеевского монастыря: И. Ф. Токмаков. Историческое и археологическое описание московского Алексеевского монастыря. – М., 1889. Семеновское кладбище: Н. Розанов. Положение о Семеновском в Москве кладбище // Н. Розанов. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода. – М., 1870. ч. 3, кн. 2. Кладбище Покровского монастыря: Н. П. Бочаров. Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве: историко-биографические очерки священно-архимандритов о. Филарета и о. Веньямина. – М., 1889. Кладбище Симонова монастыря: В. В. Пассек. Историческое описание московского Симонова монастыря. – М., 1843. Братское кладбище: С. В. Пучков. Московское городское Братское кладбище. – М., 1915; С. Яблоновский. У братских могил // Московский журнал. – М., 1992. – № 2; Московское городское Братское кладбище. Опыт биографического словаря. Сост · И. М. Алабин, А С. Дибров, В. Д. Судравский. – М.: ГНИБ, 1992. За время подготовки настоящего издания вышли следующие книги, посвященные московским кладбищам: Старцев В. Ваганьковский некрополь. – М. 1994 и Артамонов М. Д. Московский некрополь. – М: Столица. 1995 (путеводитель по Армянскому, Ваганьковскому, Введенскому, Донского и Ново Девичьего монастырей, Калитниковскому и Пятницкому кладбищам). К сожалению, по техническим причинам, информация из этих книг в настояще издание не вошла.

Кроме того, в качестве обзорного материала можно использовать следующие книги: В И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. Московский некрополь. Т. I-III. – СПб., 1907-1908 и сборник Московский некрополь. история, археология, искусство, охрана. – М., 1991. Эти две наиболее упоминаемые в тексте комментария книги сокращаются следующим образом: В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. Московский некрополь – МН, т. I-III; Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана – МНИАИО Кроме того, часто употребляемая книга –

В. В. Ермонская, Г. Д. Нетунахина, Т. Ф. Попова. Русская мемориальная скульптура: к истории художественного надгробия в России XI-начала XX вв. — М., Искусство, 1978 — сокращается по фамилиям авторов — Ермонская, Нетунахина, Попова.

В настоящем издании использован, подготовленный А. Т. Саладиным указатель имен и памятников. Составитель комментария простит простить ему возможные ошибки и неточности, поскольку, как пишет автор «Прогулок по кладбищам Москвы», «отыскивать даже недавние могилы известных деятелей на обширных и запущенных московских кладбищах дело довольно трудное».

Сергей ШОКАРЕВ

Пятницкое кладбище

Пятницкое кладбище является действующим по настоящее время. Территория его значительно увеличилась, но старые участки почти не сохранились — все заполнено новыми захоронениями. Такое активное "заселение" Пятницкого кладбища началось, судя по датам, в 1960-1970-е годы. Ввиду плохой сохранности старых захоронений кладбища, сложно указать на упомянутые Саладиным могилы известных деятелей. Назовем лишь несколько имен: на Пятницком кладбище были похоронены — Е. Ф. Татаринова (1783-1856) — основательница полухлыстовской мистической секты "Духовный союз", широко известной в самых высших кругах петербургского общества; выдающийся биолог, основатель научной школы морфологии растений профессор И. Н. Горожанкин (1848-1904); поэт и переводчик, воспитатель Ф. И. Тютчева и учитель М. Ю. Лермонтова С. Е. Раич (1792-1855); декабристы — Р. В. Любимов (1784-1838), Н. В. Басаргин (1800-1861), И. Д. Якушкин (1793-1857).

Памятники над могилами Р. В. Любимова и С. Е. Раича находятся рядом друг с другом на 22-м участке, на так называемом "месте Грановского", о котором подробно говорит А. Т. Саладин. Оба памятника — беломраморные обелиски. Памятник Любимову символический, так как могила этого декабриста утрачена. Памятники Басаргину и Якушкину, так же рядом друг с другом, в одной решетке. Оба памятника были установлены в 1950-х годах по решению Моссовета и являются старинными памятниками (примерно середины XIX века) с других могил. У Басаргина — прямоугольный обелиск черного полированного мрамора, увенчанного урной. У Якушкина — колонна, перебитая кубом, так же черного полирован-

ного мрамора. Интересно, что И. Д. Якушкин завещал не ставить над своей могилой памятника, и вплоть до начала 1950-х годов на Пятницком бережно сохранялся могильный холм, под которым покоились останки декабриста, но памятник установлен не был.

В советское время Пятницкое кладбище не считалось таким престижным как Новодевичье, а затем Введенское, поэтому похоронены там, в основном люди простые — обыкновенные москвичи. От этого общий вид кладбища схож с обликом Даниловского или Преображенского.

В заключение несколько слов о состоянии старых памятников на Пятницом кладбище. Старые надгробия на Пятницком кладбище сохранились в основном там, где похоронены их потомки. Большинство старых памятников использованы заново, надписи стерты, кресты сбиты или заменены. Все же несколько старых памятников сохранилось, есть даже могилы, судя по форме надгробий конца XVIII века. Интересен небольшой участок, всего из трех могил — захоронения Асланбеговых: генерала-майора Богдана Авраамовича (1774-1844), его жены Марии Ильиничны (1792-1842), их сына Авраама Богданович (ум. 1900 г.) и дочери Елизаветы (ум. в 1884 г.) на 2-м участке, дающие представление о прежнем виде кладбища. Любопытна усыпальница С. П. Смирнова (1885-1907) и его рода. Возможно, она не привлекла внимание А. Т. Саладина, так ка была рядовой на кладбище 1916 года. Но в настоящее время — это чуть ли не единственная усыпальница на всем кладбище. Это прямоугольный павильон у входа на кладбище, справа от церкви, с решеткой и длинными окошками — типичный памятник мемориальной архитектуры начала XX в.

1 Могила не сохранилась.

2 Пространство в обширной ограде — "место Грановского" находится в запущенном состоянии, все заросло травой. Памятник Т. Н. и Е. Б. Грановским сохранился полностью, но носит на себе следы небрежения — слегка порос мхом. О могиле Грановского любопытные известия сообщает в своих воспоминаниях П. И. Бартенев: "Грановского похоронили на Пятницком кладбище недалеко от могилы знаменитой Екатерины Филипповны Татариновой. Через несколько лет могила Грановского оказалась в некотором запустении, а на могилу Татариновой еще кто-то продолжал класть цветы" (Бартенев П. И. Воспоминания // Российский архив. — М., 1992, т. 1. С. 71) (22-й уч.).

3 На памятнике Н. Х. Кетчеру нет креста, он зарос мхом, надпись наполовину стерлась (22-й уч.).

4 На памятнике нет креста, надпись почти стерлась, рядом лежит упавший памятник сестры Корша — Марии Федоровны (22-й уч.).

5 Памятник М. С. Щепкину сохранился полностью (22-й уч.).

6 Памятник И. З. Сурикову к концу 1940-х гг. сильно разрушился, и, по-видимому, в начале 1950-х гг. был поставлен новый: усеченная пирамида с урной черного полированного гранита. На лицевой стороне нанесена надпись:

Поэт-крестьянин
Иван Захарович
Суриков
Род. 25.III.1841 г. – сконч. 24.IV.1880 г.

На боковых сторонах памятника нанесены тексты стихов Сурикова. На одном могильном участке с поэтом похоронены его родители: Захар Андреевич (ум. 1881) и Фекла Григорьевна (а не Кондратьевна, как у Саладина) и жена Мария Николаевна (ум. 1905) (21-й уч.).

7 Плита на могиле Ф. В. Ростопчина сохранилась, но все надписи стерлись. Семейное "место Ростопчиных" (под решетчатым павильоном) находится в небрежении, заросло травой, рядом лежит перенесенная откуда-то плита с могилы Наталии Федоровны Нарышкиной (1798-1863), обломки старых памятников – плит, колонн и т. д. (11-й уч.).

8 Памятник Е. П. Ростопчиной сохранился полностью. (11-й уч.).

9 Могила А. И. Соколовой не сохранилась.

10 Над могилой А. И. Урусова у памятника нет решетки, крест сломан и разбитый лежит перед памятником (2-й уч.).

11 – 12 Памятник над могилой П. М. Садовского сохранился, а над могилой М. П. Садовского – нет, поэтому у креста П. М. Садовского, с левой стороны, у самого основания, выбита надпись: "Михаил Провович Садовский, скончался 26 июля 1910 г.". С правой стороны: "Ольга Осиповна Садовская, скончалась 25 ноября 1919 г.". С тыльной стороны: "Господи, упокой души их". Памятник находится в хорошем состоянии, его окружают четыре захоронения Садовских, доходящие до наших дней (1-й уч.).

13 Могила не сохранилась.

14 Могила не сохранилась.

Кладбище в Черкизове

Кладбище вокруг церкви Ильи Пророка в Черкизове все заполнено новыми могилами, однако могила И. Я. Корейши сохранилась, причем не только сохранилась, но и находится в почитании. Место погребения Корейши выглядит следующим образом: в решетке, под защитной кровлей, опирающейся одной

стороной на старую липу, находятся две могилы. Это деревянные саркофаги с крестами. Один крест железный с лампадкой и портретом Корейши — лысого старика в рубище на голубом фоне. К кресту прикреплена мраморная доска с надписью золотыми буквами:

Корейша
Иван Яковлевич
8.9.1784
ск. 6.9.1861
в Московской
Преображенской больнице.

Крест украшен искусственными цветами. Другой крест — деревянный, также украшен искусственными цветами, над могилой дьякона Никифора, женатого на племяннице Корейши. Пол в ограде с могилами и основание выложено кафельной плиткой, внутри, вдоль стен, посажены цветы.

Об обстоятельствах погребения и жизни И. Я. Корейши см.: *Прыжов И. Г.* История кабаков в России // Дружба народов, 1992, с. 323-335.

Преображенское кладбище

Преображенское кладбище, так же как и Пятницкое является действующим. Большую часть его территории покрывают новые захоронения. Однако старые участки и отдельные могилы сохранились на нем гораздо лучше, чем на Пятницком. Старые могилы сохранились в основном в виде семейных участков, окруженных решетками. Большинство могил на этих участках принадлежат XIX веку — новые могилы, могилы потомков. Таковы семейные места Матвеевых, Ефимцовых, Кондрашковых, Гучковых и др., это по большей части купеческие роды.

Старые памятники на Преображенском кладбище находятся в хорошем состоянии и бережно оберегаются. Показательны в этом отношении могилы старообрядческих отцов (почему-то не упомянутые А. Т. Саладиным): основателя Преображенской богадельни Ильи Алексеевича Ковылина (1731-1809), отца Антония Симеоновича (ум. 1902), отца Ефрема Агеевича Щербакова (ум. 1913), попечителя Преображенской богадельни Никифора Васильевича Кочегарова (ум. 1892), находящиеся за церковью в середине кладбища.

Основные формы старых надгробий, сохранившихся на Преображенском кладбище,— высокие саркофаги из черного мрамора. Кроме того, прослеживается общая тенденция сохранности старых могил — почти вся левая часть кладбища занята новыми захоронениями, а на правой части — много старых.

1 Обе часовни сохранились. Одна, как утверждают потомки купеческой династии Гучковых, принадлежит Федору Алексеевичу Гучкову (1775-1856), основателю династии. Эта часовня находится за церковью, в окружении могил старообрядческих отцов. О Федоре Алексеевиче Гучкове известно, что уже под конец жизни, в сороковых годах XIX века, как ярый старообрядец он был сослан в Петрозаводск, где и умер. Возможно, это гонение за старую веру придало Гучкову статус мученика среди старообрядцев-федосеевцев и обусловило погребение его среди старообрядческих отцов. Потомки Ф. А. Гучкова также похоронены на Преображенском кладбище, но почему-то возле другой часовни, принадлежащей В. Е. Морозову. Эта часовня, при самом входе, сохранилась неплохо, однако волюты с колонн сбиты, сбиты также беломраморные кресты со стен.

Иноверческое кладбище на Введенских горах

Введенскому кладбищу посвящена книга М. Д. Артамонова "Введенские горы". — М: Московский рабочий, 1993, в которой подробнейшим образом рассказывается об этом некрополе, а в приложении дается схема кладбища и указатель захоронений выдающихся деятелей, погребенных на Введенском кладбище. Кроме того, в № 3 за 1992 год "Московского журнала" опубликовау очерк А. А. Солодовникова "Сокровища Введенских гор". Поэтому отсылаю читателей к этим двум работам, а комментарий будет включать в себя лишь описание современного состояния упомянутых Саладиным надгробных памятников.

1 На могиле Ф. П. Гааза на решетке нет факелов и барельефа (10-й уч.).

2 Мавзолей Эрлангер находится в отличном состоянии, внутри усыпальницы горит лампада. Находящаяся внутри усыпальницы фреска работы К. С. Петрова-Водкина теперь открыта для обозрения. Ведутся реставрационные работы по укреплению фундамента (11-й уч.).

3 На обелиске Фишеру фон Вальдгейму беломраморный обелиск не сохранился (11-й уч.).

4 На памятнике нет креста и ограды (14-й уч.).

5 На памятнике К. Ю. Давыдову нет бронзовой виолончели и доски с именем, на памятнике его брату А. Ю. Давыдову надгробная надпись почти стерлась. В одной решетке с семьей Давыдовых находятся еще шесть захоронений послереволюционного периода, среди них одно принадлежит жене А. И. Куприна писательнице Марии Карловне Куприной-Иорданской (1880-1966), дочери К. Ю. Давыдова (3-й уч.)

6 Памятник сохранился полностью (9-й уч.).

7 Памятник сохранился полностью (8-й уч.).

8 Памятник сохранился полностью (13-й уч.).

9 Памятник сохранился полностью, но содержится не в самом лучшем виде, пространство внутри решетки, перед памятником заросло сорной травой (13-й уч.).

10 Памятник над могилой Георга Лиона (1853-1909) и Александры Ивановны Рожновой (1849-1912) сохранился. Однако на мозаичном полотне есть утраты, внутренность павильона заросла, сам памятник порос мхом (15-й уч.).

11 Памятник над могилой Александра Бавастро (ум. 1910) и Эдварда Данзигера (ум. 1876) сохранился полностью (16-й уч.).

12 Могила не сохранилась, хотя обелиск над могилами Карла-Генриха (1821-1870) и Филиппа Максимовича (1807-1880) Вогау, очевидно стоявший рядом, сохранился и находится сейчас в окружении новых могил (15-й уч.).

Кладбище Спасо-Андроникова монастыря

Судьба некрополя Спасо-Андроникова монастыря сложилась трагично. Почти сразу после закрытия (1919 г.) монастырь был превращен в тюрьму для политических заключенных. Потом в монастыре был поселок рабочих завода «Серп и молот». Обследовавшие в 1924 г. некрополь В. А. Мамуровский и Н. Р. Левинсон отмечали ужасное состояние памятников. Кладбище подвергалось уничтожению, сносилось, памятники разрушались, в числе других пострадала скульптура Витали.

В 1925 г. с кладбища в Донской монастырь были перевезены памятники с могил Трубецкого (Витали), Толстого, Нарышкина, Демидова. В 1928 г. с кладбища в Кочаковский некрополь близ Ясной поляны был перенесен прах князя Н. С. Волконского, деда Л. Н. Толстого. Археолог О. Г. Ульянов, научный сотрудник Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева в своем докладе «Некоторые аспекты археологического исследования отечественных некрополей (по материалам раскопок Спасо-Андроникова монастыря)» на конференции «Исторический некрополь Москвы» (12—13.03.1990) сообщил, что, по всей видимости, в 1928 г. был перенесен прах не князя Н. С. Волконского, а прах другого человека. Останки кн. Волконского были обнаружены во время раскопок на территории Спасо-Андроникова монастыря в мае 1989 г. и опознаны по сохранившемуся обшлагу рукава его генеральского мундира.

В 1930-е годы кладбище было полностью уничтожено. Чудом сохранилось только одно надгробие — слева от Спасского собора, небольшой памятник без креста: «Вознесенского монастыря монахиня Митрофания, скончалась 12 марта 1894 г.». Кроме

этого, на территории монастыря стоят еще два памятника, восстановленных уже в нынешнее время — символический памятник на могиле актера Волкова и деревянный крест, поставленный в 1990 г. над могилой известного ученого, нумизмата П. В. Зубова. Крест стоит у алтаря церкви Михаила Архангела. На нем табличка:

Павел Васильевич Зубов
1862 — 1921.

Часть надгробий лежат вдоль северной стены. Они вытащены работниками Музея имени Андрея Рублева из оврага за стенами монастыря. Это надгробия — Ивана Егоровича Каракина (1846-1900), купеческого сына Сергея Владимировича Сувирова (1868-1877), князя Ивана Никитича Шаховского (ум. 1743), его сестры княжны Прасковьи Никитишны (1720-1743), Аксиньи, жены стольника Богдана-Ивана Андреевича Большого Вельяминова (ум. 1676 г.), Марфы Ивановны, схимницы Марианны, жены Дмитрия Владимировича Головина (перв. пол. XVII в.), дворянина Андрея Афонасьевича Барнышлева (ум. 1679 г.), Дмитриевны Бахтеяровой, дочери Дмитрия Васильевича Булгакова (ум. 1615 г.). Остальные надгробия фрагментарны и невозможно определить чьим могилам они принадлежали. Всего с вышеперечисленными у северной стены монастыря лежит, не считая мелких, 15 фрагментов XIX в., 11 — XVIII в., 14 — XVII в. и 1 — XVI в.

Описание кладбища Спасо-Андроникова монастыря А. Т. Саладиным носит характер искусствоведческого изучения и касается в основном надгробных памятников XVIII века, а между тем на кладбище монастыря были похоронены многие замечательные деятели науки и искусства, могилы которых ныне все затеряны. На кладбище монастыря были погребены — А. А. Барсов (1730-1791), профессор красноречия, писатель-картограф Я. В. Ханыков (1818-1862), профессор Московского университета Н. К. Соколов (1835-1874), поэт М. В. Сушков (ум. 1799), писатель И. В. Селиванов (1809-1832), П. Г. Де-мидов, меценат, благотворитель, ученый, основатель Демидовского лицея в Ярославле (1738-1821). А. А. Баратынский (1767-1811), отец поэта, графиня Е. И. Головкина (1702-1779), предшественница декабристок, последовавшая за мужем в ссылку в Сибирь.

В. Ф. Козлов. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.) // МНИАИО; МН, т. I-III.

1 В мае 1989 г. на территории монастыря были произведены раскопки с целью обнаружить мощи преподобного Андрея Рублева, однако это предприятие не увенчалось успехом (О. Г. Ульянов. Некоторые аспекты археологического исследованияотечественных некрополей (по материалам раскопок

Спасо-Андроникова монастыря) / доклад на конференции «Исторический некрополь Москвы» (12—13.03.1990).

2 Памятник на могиле Ф. Г. Волкова находится между собором и северной стеной. Это горизонтальная плита красного гранита с лавровым венком на ней и надписью:

Основателю русского театра
великому актеру
Федору Волкову
1723 — 1763

3 Памятник Жигареву работы Г. Т Замараева сохранился и находится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА) (Ермонская, Нетунахина, Попова, 87-88).

4 Могила не сохранилась.

5 Могилы и памятники не сохранились.

6 Могила и памятник не сохранились.

7 Памятник был перенесен в 1925 г. в Донской монастырь и находится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева

8 Могила и памятник не сохранились.

9 Могила не сохранилась.

10 Могилы и памятники не сохранились.

Кладбище Новоспасского монастыря

Богатейший в историческом отношении некрополь Новоспасского монастыря был безжалостно уничтожен. В Новоспасском монастыре, одним из первых в Москве, в 1918 г. был организован концентрационный лагерь. В сентябре 1927 г. Моссоветом было принято решение о полной ликвидации кладбища Новоспасского монастыря, однако исполнение этого решения затянулось, и поэтому Моссовет принял повторное решение, которое было в 1932 году выполнено незамедлительно.

Согласно спискам, составленным кладбищенской комиссией «Старой Москвы» в 1927-1929 гг., на кладбище Новоспасского монастыря были погребены следующие выдающиеся деятели науки и культуры: писатель, поэт и книгоиздатель П. П. Бекетов (1761-1836) (памятник его отцу описан у Саладина); московский городской глава А. В. Алексеев (1788-1841); историк и собиратель древних рукописей П. Ф. Карабанов (1767-1851); профессор политической экономии П. Е. Медовиков (ум. в 1855 г.); академик живописи В. С. Смирнов (1858-1890); московский городской голова Н. А. Алексеев (1852-1893) — от этих могил ныне нет и следа.

Сохранились только захоронения в подклетях церкви Знамения (там похоронены митрополит Московский Филарет (Дроздов), князья Урусовы, Сицкие, Лобановы-Ростовские, графский род Шереметевых), и Преображенского собора (где покоится боярский род Романовых и их родственники

князья Черкасские). Кстати, и с этими захоронениями не все обстоит благополучно, так были перенесены в Музей архитектуры им. А. В. Щусева, находящийся в Донском монастыре (ГНИМА), два парных портрета XVIII в. с надгробия князей Черкасских. На территории монастыря сохранились две часовни — одна справа от собора, без надписей, другая — над могилой инокини Досифеи. Кроме этого, еще несколько памятников сохранились на прежних местах, а часть расставлены вдоль северной и восточной стен. Стоит привести их перечень, поскольку эти захоронения не упомянуты не только у Саладина, но и большая их часть и в «Московском некрополе»:

1. Владимир Михайлович Бобарыкин (1809-188..)
2. Московский купец Дорон Вавилович Вавилов (1756-1824)
3. Его жена Глафира Вавилова (эти две плиты вделаны в качестве строительного материала в пол перехода под колокольней при входе в монастырь, хотя, правда, существовал обычай хоронить так, чтобы плиты служили дорожкой к входу в храм, но захоронения в полу колокольни маловероятны)
4. Виноградова (XIX в.) (на территории)
5. Московский купец 9-й гильдии Петр Михайлович Галкин (1786-1839)
6. Княгиня Ирина Гавриловна Долгорукова (ум. на 78-м году, XIX в.)
7. Девица, дочь надворного советника Елизавета Александровна Кавелина (ум. 1851)
8. Титулярная советница Мария Ерофеевна Калинина (1755-1817)
9. Александра Афанасьевна Колокольникова (урожденная Кукина) (1811-1845)
10. Московский купец Иван Сергеевич Кокорин (1833-1883)
11. «Болярин» Василий Петрович Колычев (XIX в.) (на территории)
12. Его жена Дарья Алексеевна Колычева (XIX в.) (на территории)
13. Московский купец Андрей Тарасьевич Миляков (XVIII в.)
14. Московский купец Кирилл Тарасьевич Миляков (1696-1784)
15. Дочь московского купца (Милякова?) (ум. 1787)
16. Никифор Власьев, инок Нифонт (XVII в.)
17. Александр Васильевич Новосильцев (1841-1896)
18. Почетный гражданин Кузьма Данилович Рыкалов (1799-1866)
19. Его жена Аграфена Ивановна Рыкалова (1813-1867)
20. Анна Васильевна Соболева (урожденная Татаринова) (1848-1869)
21. Поручик Петр Иванович Хотяинцев (XIX в.)

22. Его жена Мария Николаевна Хотяинцева (урожденная Жолобова) (XIX в.)

23. Их дочь Екатерина Петровна Хотяинцева (XIX в.)

24. Московский купец Герасим Васильевич Четвериков (1758-1825)

В настоящее время территория Новоспасского монастыря, переданного церкви, благоустраивается. Восстанавливается и некрополь. Перед входом в собор, под деревянным крестом с лампадой, погребен видный историк церкви и богослов архимандрит Иосифо-Волоколамского монастыря Иннокентий (Анатолий Иванович Просвирнин) (5.V.1940 — 12.VII.1994), скончавшийся после тяжелой болезни и душевного потрясения, вызванного нападением грабителей на Иосифо-Волоколамский монастырь, жестоко избивших отца Иннокентия. 17.09.1995 г. в усыпальнице бояр Романовых под Преображенским собором был перезахоронен прах великого князя Сергия Александровича (1857-1905) — московского генерал-губернатора, убитого эсером И. П. Каляевым. Первоначально, останки великого князя были похоронены в Чудовом монастыре, в специально устроенном приделе церкви св. Алексия Митрополита. После сноса монастыря останки великого князя продолжали покоиться в земле, пока в 1985 г. не были случайно обнаружены во время ремонтных работ, а в 1995 г. — перенесены в Новоспасский монастырь.

Козлов В. Ф. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.) // МНИАМО; Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей московских. — М: Московский рабочий, 1991 (Бураков указывает в подклете церкви Знамения место погребения патриарха Никона (с. 65), хотя Никон был погребен в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим) (см. описание его гробницы в кн. Иконникова. Царицы и царевны из дома Романовых (исторический очерк). — М: Народная книга, 1991. С. 64); Селифонтов Н. Н. Родословная рода Романовых — СПб, 1898, ч. II; МН, т. I-III.

1 Памятник сохранился хорошо.

2 Памятник П. А. Бекетову, работы И. П. Витали (1823), перенесен в Музей архитектуры им. А. В. Щусева (Донской монастырь) (Ермонская, Нетунахина, Попова, 100).

3 Памятник А. А. Хованской, работы Г. Т. Замараева, также перенесен в Донской монастырь (Ермонская, Нетунахина, Попова, 88).

4 Могила не сохранилась.

5 Часовня сохранилась, долгое время находившаяся в полуразрушенном состоянии, ныне реставрируется.

Рогожское кладбище

Рогожское кладбище (действующее) по состоянию сохранности старых памятников стоит после Преображенского, но перед Пятницким. Старые памятники встречаются как отдельно, так и участками. Много сохранилось семейных мест — таковы могилы Трофимовых, Пуговкиных, Соловьевых и других купеческих семей. Среди могил Соловьевых очень интересен надгробный памятник Макару Васильевичу Соловьеву (2-й уч.) — красивое мозаичное распятие на черном мраморном кресте, композиции присущи декоративность и пластика модерна.

Основные формы старых надгробий — высокие черные саркофаги, как и на Преображенском кладбище. Есть отдельные памятники конца XVIII — начала XIX в. — небольшие беломраморные саркофаги и отдельные колонны, перебитые кубом, много деревянных крестов-голубцов, отмеченных еще А. Т. Саладиным.

Из примечательных захоронений Рогожского кладбища нельзя пройти мимо места погребения архиереев и священников старообрядческой иерархии (на главной дорожке слева, посередине кладбища). Архиереи погребены под высокими саркофагами, священники и диаконы — под деревянными крестами-голубцами.

1 Могила и часовня не сохранились. Там были погребены Николай Петрович (1830-1882) и Анна Алексеевна (1834-1894) Мануйловы (МН, II, 223).

2 Памятник сохранился полностью.

3 Часовня над могилой Тимофея Саввича (1823-1889) и Марии Федоровны (1830-1911) Морозовых сохранилась. Крест, венчавший ее, сбит, но в остальном памятник сохранился хорошо. Часовня защищена кровлей, покоящейся на красивой кованой решетчатой основе, вокруг похоронены представители знаменитой династии Морозовых. Поскольку они не упомянуты у А. Т. Саладина, то стоит, по крайней мере, перечислить их. Под высоким черным саркофагом погребен основатель династии Савва Васильевич (1770-1860), рядом, под таким же надгробием, его жена Ульяна Афанасьевна (1778-1861), их сыновья — Иван Саввич (1812-1864) и Тимофей Саввич (над его могилой часовня, созданная по проекту Ф. О. Шехтеля), внуки — Сергей Иванович (1861-1904) и Савва Тимофеевич (1861-1905) — над его могилой стоит замечательный памятник — беломраморный крест с распятием и резным саркофагом работы Н. А. Андреева. Там же похоронены: жена Саввы Тимофеевича — Зинаида Григорьевна (1867-1947) и их сын Савва Саввич (1903-1964), внук Савва Тимофеевич (1911-1995) и другие потомки морозовского рода: Кира Николаевна Морозова (1916-

1958), Ольга Геннадьевна Кавелина (1885-1975) (внучка Т. С. Морозова), Надежда Александровна Кавелина (1906-1981), Михаил Андреевич Маркевич (1940-1992), Мария Тимофеевна Лебедева (1885-1960), Шалва Парменович Парейшвили (1894-1970) и Ксения Николаевна Парейшвили (1908-1994).

Могилы Рябушинских и Трындиных не сохранились. Как сообщает МН (т. III), на Рогожском кладбище были погребены: Александра Степановна (1852-1901), Фекла Панфиловна (урожденная Зеленова) (1836-1895), Василий Михайлович (1828-1885), Иван Михайлович (1820-1876), его жена Наталья Дементьевна (1820-1855), Михаил Яковлевич (1783-1858), его жена Евфимия Степановна (1790-1853), Павел Михайлович (1808-1899), Петр Артемьевич (1830-1879) и Петр Петрович (1870-1887) Рябушинские (МН, т. III, 55-56) и Евдокия Нестеровна (1759-1831), Георгий Сергеевич (1823-1868), его жена Елизавета Кондратьевна (1820-1860) и дочь Ольга Георгиевна (1844-1865), Иван Абрамович (1827-1873) и Михаил Сергеевич (1792-1879) Трындины (МН, т. III, 222).

4 Могила не сохранилась, так же как и могилы других Солдатенковых — Терентия Георгиевича (1772-1850), его жены Евдокии Григорьевны (1778-1836), Константина Георгиевича (1779-1834), его жены Пелагеи Никифоровны (ум. 1851 г.), Ивана Терентьевича (1812-1852), его жены Александры Осиповны (урожденной Сушкиной) (1826-1846) и Елены Терентьевны (1812-1826) (МН, т. III, 137-138).

Калитниковское кладбище

Общий вид Калитниковского кладбища соответствует описанию А. Т. Саладина, сделанному 80 лет назад: здесь нет громких имен, могилы просты, все заросло травой и кустами, кладбище расположено на холмистой местности, пополам разделено оврагом, и по-прежнему напоминает провинциальное кладбище. Формы старых памятников разнообразны, в основном это обелиски черного мрамора со сбитыми крестами, но есть и любопытные в художественном отношении надгробия. Таков памятник на могиле Анны Копыловой (1908-1924) — скорбящая женская фигура с цветами (10-й участок). Интересен и деревянный крест 1914 года на могиле Дремичевых (15-й участок).

Старые памятники находятся на всей территории кладбища, перемежаясь с позднейшими захоронениями. Иногда встречаются отдельные участки старых могил — семейные места, например, Лобачевы, Генераловы, Колесины и др. Наконец, характерно, что большинство старых памятников принадлежат крестьянским захоронениям.

1 На памятнике И. С. Богомолову нет образа Богоматери с младенцем, находившегося посередине мраморного креста.
2 Памятник М. А. Богомоловой сохранился полностью.
3. Могила купца Н. Я. Соколова не сохранилась.

Кладбище Симонова монастыря

Некрополь Симонова монастыря был разрушен в 1930-х годах. Ныне на его месте построены гаражи, территория заросла, часть перекопана. Уничтожению некрополя предшествовало уничтожение архитектурного ансамбля и фактическое разграбление церковных ценностей. Древнейший Успенский собор, усыпальница монастыря, был взорван в 1930 г. П. Д. Барановский, разбиравший развалины собора, открыл усыпальницы Головиных, Татищевых, князей Мстиславских, Черкасских, Сулешевых и других знаменитых фамилий. Из усыпальницы Головиных был извлечен саркофаг с женским погребением (1620), но из-за спешки лишь малая часть найденного была передана в Исторический музей.

В соборе Симонова монастыря были погребены следующие деятели отечественной истории — князь Константин Дмитриевич, в иночестве Кассиан, сын Дмитрия Донского (1389-1434); князья Мстиславские — Федор Михайлович (ум. 1540), литовский выходец, женатый на племяннице Василия III; Иван Федорович (ум. 1568), первый боярин при Иване IV, глава Боярской Думы; Федор Иванович (ум. 1622), боярин и конюший, глава семибоярщины; царь Симеон Бекбулатович (зять князя Ф. И. Мстиславского) (ум. 1616), занимавший московский престол по воле Грозного в 1575-1576 гг.; династия Головиных, начиная с ее основателя грека князя Стефана Васильевича Ховра (Комнина), среди них — граф Николай Федорович (ум. 1745), адмирал, видный военачальник и военный деятель; граф В. П. Мусин-Пушкин (1735-1804), фельдмаршал и многие другие.

На кладбище Симонова монастыря были погребены, не указанные Саладиным, следующие видные деятели — А. Е. Вик-торов (1827-1883), археограф и археолог; В. М. Ундольский (ум. 1864), библиограф; М. И. Невзоров (1763-1827), писатель, А. А. Алябьев (1787-1851), композитор; П. М. Муравьева (1788-1834), жена декабриста А. И. Муравьева и другие

В. Ф. Козлов. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.) // МНИАИО; И. Ф. Токмаков. Историческое

и археологическое описание московского ставропигиального первоклассного Симонова монастыря. — М., 1892, вып. 1; МН, т. I–III.

1 Могила Веневитинова была перенесена на Новодевичье кладбище. С перенесением праха поэта связана следующая история, описанная в воспоминаниях Т. А. Аксаковой, дочери выдающегося ученого генеалога и нумизмата А. А. Сиверса. «Дело это, — пишет Т. А. Аксакова, — было поручено сотруднице Исторического музея и приятельнице моего отца Марии Юрьевне Барановской (жене П. Д. Барановского, кстати, она же занималась перенесением праха Гоголя, Языкова и Хомякова. — С.Ш.), от которой я узнала следующее: Веневитинов всегда носил на руке кольцо, подаренное ему Зинаидой Волконской, и завещал не снимать этого кольца после его смерти. При перенесении останков гроб был вскрыт — кольцо оказалось на месте, но по распоряжению свыше было изъято и помещено в Литературный музей». (Т. А. Аксакова. Дочь генеалога; публикация Л. Остроумова // Минувшее: исторический альманах. — М.: Прогресс. Феникс, 1991, вып. 4).

Могила Веневитинова находится на 2-м участке Новодевичьего кладбища, в одном ряду с могилами Аксаковых, Хомякова и Языкова и напротив могилы Гоголя. Памятник представляет собой колонну, перебитую кубом, с надписью:

Дмитрий Владимирович
Веневитинов
1805 – 1827

2 Могилы Аксаковых также перенесены на Новодевичье кладбище. Они находятся на 2-м участке рядом с могилами Хомякова, Языкова, Гоголя и Веневитинова. Над могилой стоит обелиск розового гранита с урной. Надпись гласит:

писатель
Сергей Тимофеевич
Аксаков
1791 – 1859
публицист-славянофил
Константин Сергеевич
Аксаков
1817 – 1860

3 Могила Вадима Васильевича Пассека не сохранилась. Фотография памятника помещена в кн. МНИАИО (с. 194). На памятник В. В. Пассеку опирается автор «Прогулок по московским кладбищам» А. Т. Саладин. (А. В. Иванкив. Забытые фотографии А. Т. Саладина // МНИАИО. — С. 194.

Кладбище Данилова монастыря

Данилов монастырь был закрыт в 1929 году. Заботу о кладбище взяли на себя кладбищенская комиссия краеведческого общества «Старая Москва» и комиссия по благоустройству кладбища Данилова монастыря при том же обществе. Однако разыгравшаяся в том же 1929 г. газетная травля благоустроительной комиссии привела к тому, что в 1930 г. комиссия была закрыта, а районные власти начали распродавать надгробные памятники. В июле 1931 г. с монастырского кладбища удалось перенести прах А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, Н. В. Гоголя и Н. Г. Рубинштейна. Предполагалось также перенести прах декабристов В. М. Голицына (1803-1859) и Д. В. Завалишина (1804-1892) (у А. Т. Саладина не упомянуты), но это перенесение не состоялось. Кладбище было уничтожено, а на территории монастыря организован приемник-распределитель для детей репрессированных родителей и несовершеннолетних правонарушителей. В 1950-е годы с уже уничтоженного кладбища были перенесены могилы художника В. Г. Перова и Ф. М. Дмитриева.

После того как Данилов монастырь был передан Церкви, появилась надежда на восстановление, если не кладбища, то памяти о погребенных на нем людях. На территории монастыря возведена часовня в память об упокоенных на кладбище, в монастыре собираются сведения о некрополе с целью составления всеобъемлющего синодика.

В. Ф. Козлов. Судьба монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.) // МНИАИО; Ю. Н. Бураков. Под сенью монастырей московских. — М.: Московский рабочий. — 1992. — С. 37-39; В. Г. Лидин. Перенесение праха Н. В. Гоголя. Публикация Л. Ястржембского // Российский Архив. — М., 1991. Т. 1. — С. 243-245; А. В. Иванкив. Источники по истории московских кладбищ: дипломная работа студента V курса дневного отделения. — М.: МГИАИ, 1991. — С. 71-75.

1 Перенесение праха Н. В. Гоголя подробно описано присутствовавшим при этом В. Г. Лидиным. Его рассказ заслуживает того, чтобы привести из него обширные выдержки: «Могилу Гоголя вскрывали почти целый день. Она оказалась на значительно большей глубине, чем обычные захоронения. Начав ее раскапывать, натолкнулись на кирпичный склеп необычайной прочности, но замурованного в нем отверстия не обнаружили; тогда стали раскапывать в поперечном направлении... и только к вечеру был обнаружен еще боковой придел склепа, через который в основной склеп и был в свое время вдвинут гроб.

Работа по вскрытию склепа затянулась, и начинались уже сумерки, когда могила была наконец вскрыта... Вот что представлял собой прах Гоголя:

черепа в гробу не оказалось, и останки Гоголя начинались с шейных позвонков: весь остов скелета был заключен в хорошо сохранившийся сюртук табачного цвета. Под сюртуком уцелело даже белье с костяными пуговицами; на ногах были башмаки, тоже полностью сохранившиеся; только дратва, соединяющая подошву с верхом, прогнила на носках, и кожа несколько завернулась кверху, обнажая кости стопы. Башмаки были на очень высоких каблуках, приблизительно 4-5 сантиметров, это дает безусловное основание полагать, что Гоголь был невысокого роста. Когда и при каких обстоятельствах исчез череп Гоголя, остается загадкой. При начале вскрытия могилы, на малой глубине, значительно выше склепа с замурованным гробом, был обнаружен череп, но археологи признали его принадлежащим молодому человеку».

Относительно черепа Н. В. Гоголя В. Г. Лидин приводит легенду, которую «слышал лично – к сожалению, не помню от кого», что основатель Театрального музея А. А. Бахрушин в 1909 г., когда проводилась реставрация могилы Гоголя, подговорил монахов и смог добыть череп, который поместил в своем музее. Как сообщает публикатор воспоминаний Л. А. Ястржембский, попытки обнаружить в Театральном музее череп Н. В. Гоголя не увенчались успехом.

Памятник Н. В. Гоголю был перенесен вместе с прахом на 2-й участок Новодевичьего кладбища, вместе с памятником перенесена и ограда с бронзовым барельефом, работы Н. А. Андреева. В 1951 г. в связи со столетним юбилеем со дня смерти Н. В. Гоголя на его могиле был установлен новый памятник (работы скульптора Н. Томского и архитектора Л. Голубовского) – за саркофагом на месте гранитной глыбы, служившей основанием для креста, была установлена цилиндрическая колонна, увенчанная бюстом писателя. Врезная, золоченая надпись на колонне гласит:

«Великому русскому
художнику слова
Николаю Васильевичу
Гоголю
от правительства
Советского Союза
9 сентября 1951».

Любопытна судьба гранитной глыбы, снятой с памятника Гоголю. В свое время эта глыба была привезена с берегов Черного моря по распоряжению С. Т. Аксакова. В 1951 г. глыба была передана в мастерскую по изготовлению надгробий, где ее

обнаружила вдова М. А. Булгакова — Е. С. Булгакова. Стараниями Е. С. Булгаковой в 1953 г. глыба с могилы Н. В. Гоголя была установлена на могиле М. А. Булгакова. (Российский Архив. Т. 1 — М., 1991. — С. 243-246; Ермонская, Нетунахина, Попова. - 134).

2 Перенесение праха Н. М. Языкова описывает в своих воспоминаниях В. Г. Лидин: «От Языкова, похороненного под одним памятником с его другом и родственником Дмитрием Александровичем Валуевым, остались только разрозненные кости скелета и череп с очень здоровыми зубами. Скелет пришлось доставать по частям и археологу восстанавливать его в новом гробу — в анатомическом порядке». Над могилой Н. М. Языкова установлен обелиск серого гранита; надпись гласит:

«Поэт Николай Михайлович Языков
1803-1846".

(Новодевичье кладбище, 2-й участок). (Российский Архив. Т. 1. — С. 244).

3 Могила Д. А. Валуева не сохранилась.

4 Перенесение праха А. С. Хомякова описано у В. Г. Лидина: «Первой была вскрыта могила Хомякова. Огромный цинковый запаянный гроб частично обветшал и распался; внутри него был второй гроб, дубовый, его верхние доски прогнили. Вся фигура Хомякова сохранилась почти в том же виде, в каком он был похоронен 71 год назад. Верхняя часть черепа с густой шапкой волос была цела; сохранившийся казакин или славянофильская коричневая поддевка, завершавшаяся брюками, вправленными в высокие сапоги, заключала в себе весь остов скелета. Одеяние было такой прочности и такой сохранности, что останки подняли за плечи и ноги и целиком, ничего не нарушив, переложили в другой гроб. В изголовье Хомякова оказалась чашечка севрского фарфора с голубыми незабудками, видимо, оставшаяся после соборования. Рядом с прахом Хомякова находился прах его жены Екатерины Михайловны, родной сестры поэта Языкова, умершей за 8 лет до смерти Хомякова. В волосах, полностью сохранившихся в виде прически, был воткнут черепаховый гребень». А. С. Хомяков был перезахоронен на том же 2-м участке Новодевичьего кладбища. Над его могилой установлен прежний памятник, крест утрачен. (Российский Архив. Т. 1. — С. 244).

5 Могила Ф. В. Чижова не сохранилась.

6 Могила не сохранилась. В 1968 г. делегация Народной Республики Болгарии хотела возложить на могилу Ю. И. Венелина венок вечной памяти, но надгробие было уже давно снесено. (Ю. Н. Бураков. Под сенью монастырей московских. — С. 38).

7-11 Могилы не сохранились.

12 Памятник с могилы Ф. М. Дмитриева, работы М. М. Антокольского, изображающий статую Христа, в 1930 г. был перенесен в Голицынскую усыпальницу Донского монастыря, тогда — «Антирелигиозный музей искусства». Прах Ф. М. Дмитриева был перезахоронен в 1950-е годы на 6-м участке кладбища Донского монастыря. Памятник представляет собой черномраморную четырехугольную колонну, увенчанную урной. Надпись гласит:

«Первый русский
профессор-текстильщик
Федор Михайлович
Дмитриев
1829-1882".

13 Прах Н. Г. Рубинштейна был перенесен на Новодевичье кладбище и находится на 3-м участке, в одном ряду с могилой А. Н. Скрябина и С. И. Танеева. Памятник Н. Г. Рубинштейна представляет собой четырехугольную гранитную колонну, увенчанную бюстом музыканта. На лицевой стороне колонны вырезана надпись:

«Николай Рубинштейн
1835-1881
основатель московской
консерватории».

14-17 Могилы не сохранились.

18 Прах В. Г. Перова был перенесен уже после разрушения кладбища, в 1950-х годах, и захоронен на 6-м участке кладбища Донского монастыря. Памятник представляет собой обелиск серого гранита с барельефным портретом, изображающим художника за работой. Врезная надпись золочеными буквами гласит:

«Художник
Василий Григорьевич
Перов
28.XII.1833 – 29.V.1882".

19-22 Могилы не сохранились.

Даниловское кладбище

Даниловское кладбище сильно перепланировано, очень большая часть старой территории уничтожена и заасфальтирована (за церковью и перед входом), поэтому не удалось разыскать ни

одной могилы из описанных А. Т. Саладиным, по-видимому, они не сохранились. На тех участках, где еще есть старые надгробия, они немногочисленны и стоят особняком, семейных мест-усыпальниц нет.

Из известных деятелей дореволюционного периода можно указать могилы доктора медицины, профессора Московского университета Николая Порфирьевича Мансурова (1834-1892) и действительного статского советника, директора Коммерческих училищ Александра Николаевича Глаголева (1851-1906).

1 Могилы Голофтеевых (потомственного почетного гражданина Конона Никоновича (1821-1895) и Авдотьи Петровны (1750-1823), МН, т. I, 32), Солодовниковых (московского купца Герасима Кузьмича (1772-1870), потомственного почетного гражданина Михаила Герасимовича (1798-1871), Алексея Герасимовича (1800-1869), Василия Герасимовича (1813-1875), Никиты Герасимовича (1817-1862), московского купца Петра Никитича (1783-1848), его жены Елизаветы Андреевны (ум. 1865), Федора Никитича (1771-1809), МН, т. III, 142) — не сохранились.

2 Могилы Третьяковых сохранились лишь небольшой частью. В МН (III, 220-222) указано пятнадцать Третьяковых, похороненных на Даниловском кладбище — из них прах Павла и Сергея Михайловичей и Варвары Николаевны Третьяковых был перенесен на Новодевичье кладбище, сохранилась могила Михаила Захаровича (1801-1850) и Александры Даниловны — родителей основателей Третьяковской галереи. Памятник — колонна черного мрамора — сохранился неплохо, с него лишь сбит медальон и крест. Кроме того, на 29-м участке, слева от часовни стоит одинокий памятник — колонна розового гранита, поставленная над прахом детей Михаила Захаровича Третьякова, умерших одновременно в 1848 году: Николая, 3-х лет; Даниила, 11-ти лет; Михаила, 2-х лет и Александры, 5-ти лет (в МН не указаны).

Памятник над их могилой на Новодевичьем кладбище взят с могилы Павла Михайловича с Даниловского кладбища. На нем надписи: «Павел Михайлович Третьяков. 15 декабря 1832 — 4 декабря 1898», под ней: «Вера Николаевна Третьякова. 28 апреля 1844 г. — 25 марта 1899 г.», сбоку, слева: «Александра Павловна Боткина, урожденная Третьякова. 23 декабря 1867 — 30 марта 1959 г.», сбоку, справа: «Сергей Михайлович Третьяков. 19 января 1834 — 25 июля 1892» (1-й участок).

3 Могила не сохранилась.

4 Могила не сохранилась.

5 Могила не сохранилась.

6 Могила не сохранилась.

7 Могила не сохранилась.

Кладбище Новодевичьего монастыря

Некрополь Новодевичьего монастыря из всех монастырских некрополей по сохранности стоит на втором месте после Донского монастыря. Кладбище было почти уничтожено, и большинство могильных памятников восстановлены заново, по старым планам, описаниям и фотографиям, ряд могил является условным символом памяти. Однако большинство памятников деятелей культуры и искусства реставрированы и находятся в хорошем состоянии.

Еще до закрытия монастыря, 7.02.1919 г. была произведена приемка кладбища Новодевичьего монастыря похоронной секцией Хамовнического Совдепа от казначеи монастыря монахини Мастиды (Карповой). Позднее были сданы метрические книги, могильная книга монастыря, весь капитал, включая доходы от кладбища. В начале 1920 г. монастырь был закрыт. В 1922 г. на территории монастыря был открыт музей, во главе которого встала княгиня Елизавета Степановна Кропоткина, много сделавшая для сохранения монастырского некрополя. В 1925-1926 гг. развернулась работа по изучению кладбища, были составлены регистрационные книги. Всего на территории монастыря было зарегистрировано 2801 надгробие или могильный холм. В ряде случаев в примечании указано — «крест сбит», «памятник покосился», «упал», «нет образа» и т. д., это свидетельствует о медленном разрушении кладбища.

В 1927 г., для того чтобы спасти памятники над могилами выдающихся деятелей истории культуры кладбищенской комиссией общества «Старая Москва» и комитетом по охране могил выдающихся лиц при краеведческом обществе изучения Московской губернии, было составлено три списка взятых под охрану могил. Из 61 захоронения, числящегося в том списке, в настоящее время нет 15 могил.

В 1929 г. началось активное разрушение кладбища, которое продолжалось до 1935 года. Памятники сносились, сваливались в кучу, потом продавались как строительный материал соседнему Новодевичьему кладбищу. При этом с охранным списком «Старой Москвы» не считались, часть могил — А. П. Чехова, А. И. Эртеля, В. М. Альтфатера и другие перенесены; часть — А. А. Шаховского, А. С. Уварова, Д. А. Милютина и другие — снесены.

В 1934 г. Новодевичий монастырь вошел в состав Государственного Исторического музея, и началась работа по восстановлению некрополя. В 1935 г. на территории монастыря имелось 95 памятников, из которых 58 нуждались в полном восстановлении. Работы начались сразу и затруднялись тем, что в это время в монастыре жило большое количество людей, из которых многие вели домашнее хозяйство — разводили огороды, держали кур, уток и т. д. Территория монастыря постепенно

расчищалась от остатков могил, обломков, камней, разбивались газоны, асфальтировались дорожки.

По фотографиям 1929 года и охранному списку были восстановлены ряд надгробий. Тогда же были перенесены могилы поэта А. Н. Плещеева и его жены. В 1936 г. на новое место были перенесены могилы декабристов М. И. Муравьева-Апостола и А. Н. Муравьева. Позднее в 1950-е годы были восстановлены памятники над могилами В. С. Соловьева, Ф. И. Буслаева, М. Н. Загоскина, А. С. Уварова и других. В 1960 г. 27 могил были взяты под государственную охрану. Но и тогда, уже в более благоприятной обстановке оставшиеся памятники продолжали разрушаться, так исчезли надгробия Д. А. Столыпина и С. А. Тучкова, вошедшие в число взятых на охрану в 1960 году.

И все же, окончательно реставрированный, благоустроенный и музеефицированный некрополь Новодевичьего монастыря является одним из самых значительных монастырских некрополей в Москве. В настоящее время на территории монастыря 91 могила, в которой погребены 116 человек.

Из замечательных личностей, похороненных на кладбище Новодевичьего монастыря, не упомянутых Саладиным, можно указать: драматурга А. А. Шаховского, историка П. Н. Батюшкова, декабристов М. Ф. Орлова, П. И. Калошина, М. И. Муравьева-Апостола, А. Н. Муравьева — могилы которых сохранились. И декабристов Ф. Ф. Гагарина, А. Д. Башуцкого, Н. П. Крюкова, Н. В. Путяты и А. А. Тучкова — могилы которых не сохранились. Кроме того, в Новодевичьем монастыре были погребены — директор Оружейной палаты П. С. Валуев, один из основателей музея изящных искусств Ю. С. Нечаев-Мальцев и другие.

— — — — — — — — — —

О. А. Трубникова. Опыт изучения некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг XX в.); *Н. Ф. Трутнева.* Некрополь Новодевичьего монастыря (30-е — 90-е гг. XX в.); *А. П. Жегулевцева.* Московский некрополь декабристов // МНИАИО; *Ю. Н. Бураков.* Под сенью монастырей московских. — М: Московский рабочий, 1991; Декабристы: биографический справочник. — М: Наука, 1988.

1 Могила не сохранилась.

2 Памятник представляет из себя простую плиту черного мрамора, стоящую на основании старой часовни над могилами Уваровых. На плите надпись золотыми буквами:

Уваров Алексей Сергеевич
1825 — 1884
историк, археолог.

3 На памятнике нет креста.

4 Надгробие философа представляет собой простой памятник черного мрамора, без креста, с надписью:

Соловьев Владимир Сергеевич
1853 – 1900
публицист, философ.

5 Памятник сохранился полностью.

6 Ныне над могилой Н. В. Рукавишникова воздвигнуто надгробие черного мрамора с надписью:

Рукавишников Николай Васильевич
1845 – 1875
общественный деятель
Рукавишников Константин Васильевич
1848 – 1915

На памятнике стоит фигура ангела из белого мрамора, очевидно, сохранившаяся со старого памятника.

7 Могила не сохранилась.

8 Памятник сохранился полностью.

9 Над могилой нет распятия, сохранилась только плита с подставкой из белого мрамора. Вместо этого поставлен бюст поэта с надписью на постаменте: Денис Давыдов, герой Отечественной войны 1812 года, инициатор войсковых партизанских отрядов, военный писатель и поэт.

10 Памятник представляет собой простую стелу черного мрамора с надписью:

Загоскин Михаил Николаевич
1789 – 1852
писатель
Участник Отечественной войны 1812 года.

11 Над могилой установлен памятник — небольшая плита черного мрамора, с выбитым крестом и надписью золотыми буквами:

Иван Иванович Лажечников
Скончался 26 июня 1869 года.

12 Могила не сохранилась.

13 От часовни сохранилось только основание, на котором стоит плита с надписью:

Буслаев Федор Иванович
1818 – 1897

профессор Московского университета
историк, искусствовед.

14 Памятник сохранился полностью.

15 От памятника сохранилась глыба серого камня, с вырезанной в ней доской, повторяющей надпись на белой доске старого памятника.

16 Памятник представляет собой неправильную плиту черного мрамора, окруженную решеткой, с надписью:

Бодянский Осип Михайлович
1808 – 1879
профессор Московского университета
историк.

17 Часовня не сохранилась.

18 Могила не сохранилась.

19 Памятник сохранился полностью.

20 Памятник сохранился полностью.

21 Памятник сохранился хорошо, нет только мозаичного изображения Спасителя. Здесь же стоит стела серого мрамора с надписью:

Еллий Анатольевич Богданов
профессор Тимирязевской сельскохозяйственной
Академии
Род. 5 мая 1872 г.
Ум. 14 октября 1931 г.

22 Заросшей травою плиты на памятнике нет, вместо нее в глыбе выбита надпись, повторяющая старую.

23 Урна на памятнике не сохранилась.

24 Памятник сохранился полностью.

25 Памятник сохранился полностью.

26 Могила не сохранилась.

27 Памятник сохранился полностью.

28 На памятнике нет креста, а над надписью выбита свежая подпись: педагог. С другой стороны слова Евангелия: Помяни меня Господи, егда приидеши во царствие Свое.

29 Могила и памятник, работы скульптора Л. М. Брайловского, были перенесены в 1930-х годах на Новодевичье кладбище. В одной ограде с Чеховым покоятся — его жена Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868-1959) и отец Павел Георгиевич Чехов (1825-1898), могила и памятник которого также перенесены на это место (Ермонская, Нетунахина, Попова, 126; МН, т. III, 317).

30 Могила перенесена на Новодевичье кладбище.

31 Могила не сохранилась.

32 Могилы поэта и его жены были перенесены от западной стены монастыря к могилам Соловьевых, перед Смоленским собором, в 1935 г. Бюст на пьедестале был восстановлен в 1989 г., после реставрации (МНИАИО, с. 128).

33 Памятник находится рядом с могилой А. Н. Плещеева, креста на нем нет.

34 Могила не сохранилась.

35 Памятник, работы скульптора В. А. Поповой, сохранился полностью (Ермонская, Нетунахина, Попова, 128).

36 На могиле лежит плита с трудночитаемой надписью:

Московский художественный театр
артист
Александр Родионович Артем
Род. в 1842 г., сконч. в 1914 г.

В одной могиле с А. Р. Артемом похоронена Е. Н. Артемьева.

37 Хрустальный крест на могиле Скрябина до нас не дошел. Над могилой стоит четырехугольная колонна серого гранита с надписью:

Скрябин
1871 — 1915.

38 Могила не сохранилась. Памятник по композиции и мастерству исполнения напоминал работы И. П. Мартоса. Его фотография есть в кн. МНИАИО, с. 115.

39 Могила не сохранилась. Памятник являлся репликой на надгробие Рейсига, работы Штрейхенберга, находящееся в Александро-Невской лавре (МНИАИО 6, с. 116-117 (фото); Ермонская, Нетунахина, Попова, 153-155).

Кладбище Донского монастыря

Некрополь Донского монастыря — богатейший памятник истории, культуры и искусства, сохранился лучше других некрополей Москвы. В этом мы должны благодарить то счастливое обстоятельство, благодаря которому в 1923 г. в монастыре был открыт музей, в обязанности которого было вменено заботиться о сохранности некрополя. Монастырь был закрыт в начале 1920-х гг., но еще в 1919 г. обследовавший кладбище архитектор С. А. Теплов сообщал, что хулиганствующие граждане «сбивают кресты, выковыривают бронзовые доски и клейма, обивают скульптуру надгробий и иногда валят покачнувшиеся надгробия». В апреле 1921 г. в райсовете был заслушан доклад об угрожающем положении памятников архитектуры и скульптуры, по-видимому, он повлиял на местное руководство. В 1925-1926 гг. были выделены средства на реставрацию над-

гробных памятников М. М. Щербатову, М. М. Хераскову, П. Я. Чаадаеву, Кожуховой и др. Однако, продолжались и разрушения — в 1924 г. заводу «Динамо» были предоставлены как строительный материал три часовни над могилами Голицыных у западных ворот Донского монастыря.

Но, несмотря на это, можно считать, что судьба кладбища в обстановке тех лет сложилась вполне благополучно -- прекратились стихийные разрушения, часть могил была реставрирована, некропольный комплекс взят на охрану. Как вдруг совершенно неожиданно, в 1929 году возникла угроза кладбищу. Директор музея А. Леонов составил проект перепланировки монастыря, по которому предусматривалось разбить территорию кладбища «под спортплощадку и цветники, устройство музыкальной эстрады», а помещение монастыря приспособить под студенческие общежития. К счастью, у местных властей просто не хватило денег, исполнение было отложено. Узнав о готовящемся разрушении кладбища известный художник и коллекционер И. С. Остроухов обратился с просьбой сохранить хотя бы те памятники, которые были свезены в Донской монастырь с других, уже уничтоженных кладбищ Москвы, как представляющие особую художественную ценность. Неизвестно, сыграло ли свою роль это обращение или нет, но кладбище снесено не было.

Донской монастырь был излюбленным местом погребения московской знати, поэтому сохранившийся некропольный комплекс воистину уникален. Из погребений выдающихся людей, почему-то не отмеченных Саладиным, можно указать похороненных на кладбище Донского монастыря декабристов П. Д. Черевина, М. М. Нарышкина, В. П. Зубкова, С. П. Шипова, могилы которых сохранились, и графа В. А. Бобринского, Н. П. Годеина, А. Н. Юрьева, князя М. Ф. Голицына, могилы которых не сохранились. Кроме того, на кладбище Донского монастыря погребены: герой Отечественной войны А. П. Тормасов, ректор Московского университета А. А. Прокопович-Антонский, фаворит Екатерины II граф А. М. Дмитриев-Мамонов, его сын граф М. А. Дмитриев-Мамонов — прототип толстовского Пьера Безухова, основатель «Союза русских рыцарей» — предшествовавшего декабристским обществам. С русской литературой связаны могилы в Донском монастыре деда А. С. Пушкина — Л. А. Пушкина, его жены О. В. Пушкиной, бабушки поэта. В соборе покоится прах Вареньки Лопухиной (впоследствии, в замужестве Бахметьевой), бывшей первой любовью М. Ю. Лермонтова. На монастырском кладбище погребен поэт В. И. Майков.

— — — — — — —

В. Ф. Козлов. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.); *А. П. Жегулевцева.* Московский некрополь

декабристов // МНИАИО; *Ю. Н. Бураков.* Под сенью монастырей московских. — М: Московский рабочий, 1991; Декабристы: биографический справочник. — М: Наука, 1988.

1 Могила находится напротив северных ворот монастыря. Памятник установлен в 1951 г. и представляет собой стелу из полированного гранита с полукруглым завершением. Надпись гласит:

Поэт и драматург
Александр Петрович
Сумароков
1718 — 1777

2 Чугунная плита на могиле П. Я. Чаадаева сохранилась полностью.

3 Памятник сохранился полностью.

4 Памятник сохранился полностью.

5 Могила не сохранилась.

6 Могила не сохранилась.

7 Памятник сохранился полностью.

8 Памятник сохранился полностью (на надписи П. А. Козлов, скончавшийся в 1891 г., назван «болярином»).

9 Памятник сохранился полностью.

10 Памятник сохранился полностью (надгробие работы известного скульптора Г. Т. Замараева).

11 Памятник сохранился полностью.

12 Обелиск черного мрамора сохранился, но воинской арматуры, украшавшей его, нет. С другой стороны от старой надписи помещен портрет на керамике Иловайского и надпись биографического характера.

13 Памятники сохранились полностью.

14 Памятник сохранился полностью. На нем видны следы реставрации, поновлена надпись, плохое состояние которой отмечено Саладиным. (Стоит отметить, выходя за рамки поставленной перед комментарием задачи, что на кладбище Донского крематория похоронена старшая дочь А. С. Пушкина — М. А. Гартунг (1832-1919) — таким образом, Донской монастырь, так же как и Святогорский, можно считать семейной усыпальницей Пушкиных.)

15 Памятник частично разрушен, лишен четырех досок с надписями, урны и украшений. Одна из четырех досок восстановлена, на ней помещен отрывок из эпитафии.

16 Памятник сохранился полностью.

17 Старый памятник не сохранился, а ныне существующий установлен в 1950 г. Над могилой стоит колонна, окруженная круглой металлической оградой. Надпись гласит:

поэт
Иван Михайлович
Долгоруков
1764 – 1823

18 На памятнике установлен новый крест, выполненный из лабрадорита.

19 Памятник представляет собой горизонтально положенную плиту розового полированного гранита, с надписью:

Василий Осипович
Ключевский
1841 – 1911
его жена
Анисья Михайловна
1837 – 1909

(Об установке этого памятника см.: *Иванова Л. В.* «Старая Москва» и увековечение памяти В. О. Ключевского // Археографический ежегодник за 1991 год. – М: Наука, 1994. С. 200-202).

20 Над могилой поставлен новый памятник, повторяющий прежний – гранитный крест и мраморная доска, прислоненная к основанию. Но доске надпись:

Кн. Сергей Николаевич Трубецкой
5.7.1862, ум. 12.10.1905
Кн. Прасковья Владимировна Трубецкая
18.3.1860, ум. 5.12.1914

21 Могила не сохранилась.

22 Могила перенесена на Новодевичье кладбище. Она находится на 3-м участке в одном ряду с могилами Скрябина и Н. Г. Рубинштейна. Памятник представляет из себя четырехугольную колонну розового гранита с медной лирой в лавровом венке у основания колонны и надписью:

Танеев
Сергей Иванович
1856 – 1915

23 Памятник лишен креста.

24 Памятник, построенный по проекту Ф. О. Шехтеля с бюстом работы П. П. Трубецкого (1912), сохранился полностью.

25 Могила не сохранилась.

26 Могила не сохранилась.

27 Над могилой стоит простой памятник с отбитым крестом и надписью:

Якушкины:
Вячеслав Евгеньевич
4.XI.1856 – 2.XII.1912

Николай Вячеславович
18.IV.1887 – 7.IV.1945

Ольга Вячеславовна
23.XII.1890 – 27.IX.1983

Ирочка Бонч-Осмоловская
Ск. 29.XI.1913

В той же могиле похоронена В. А. Симонова (1888-1957).

28 Могила не сохранилась.

29 Могила не сохранилась.

30 Могила Серова перенесена на Новодевичье кладбище и находится на 2-м участке.

31 Памятник сохранился полностью. Поврежденный нос статуи отреставрирован, поставлена новая решетка и возведена новая защитная кровля. Авторство этого памятника действительно принадлежит Г. Т. Замараеву (Ермонская, Нетунахина, Попова, 87).

32 Памятник Льву Денисовичу Давыдову работы Г. Т. Замараева сохранился полностью.

33 Памятник Василию Александровичу Небольсину (1744-1803), также работы Замараева, сохранился полностью (Ермонская, Нетунахина, Попова).

34 Памятник на могиле статской советницы Марии Ивановны Нарышкиной (урожденной Салтыковой) (1738-1801) сохранился полностью.

35 Памятник князю Николаю Григорьевичу Щербатову (1778-1848) лишен досок, бывших с двух сторон, и основания и развернут в другую сторону – лицом от церкви, а возможно и перемещен.

36 Памятники Барышниковым работы Демут-Малиновского и Витали находятся в очень хорошем состоянии. Они окружены общей решеткой, и над ними возведена крыша. Там похоронены: Екатерина Ивановна Барышникова (урожденная Яковлева) (1772-1806), памятник работы В. И. Демут-Малиновского, Елизавета Ивановна (1819-1836), Александр Иванович (ум. 1801 г., младенцем), Иван Иванович (1792-1829), Иван Иванович (1749-1834) Барышниковы. Памятник И. И. Барышникову (младшему) принадлежит И. П. Витали (1829) (МП, т. II; Ермонская, Нетунахина, Попова, 93-100).

37 Памятник Петру Ивановичу Яковлеву разрушен, частично разобран, монумент потерял форму, везде торчат кирпичи, статуя снята.

38 Памятник над могилой Анны Петровны Кожуховой (урожденной княжны Трубецкой) (1793-1827) работы И. П. Мартоса (1830) находится в отличном состоянии (Ермонская, Нетунахина, Попова, 84-85).

39 Памятник над могилой Софьи Петровны Тутолминой (урожденной графини Паниной) (1772-1833) также работы Мартоса, сохранился не полностью. Ангелов на крышке саркофага нет.

40 Барельеф работы Витали с могилы Александра Семеновича Маслова (1750-1814) не сохранился.

41 Памятник над могилой Ивана Алексеевича Алексеева (1750-1816) работы И. П. Мартоса (1816) сохранился полностью (Ермонская, Нетунахина, Попова, 83-84).

42 Памятник сохранился полностью. По всей видимости, он является репликой, если не повторением надгробия Редера работы В. А. Кафки (1900) на Введенском кладбище (Ермонская, Нетунахина, Попова, иллюстрации).

43 Могила не сохранилась.

Дорогомиловское кладбище

Это кладбище было уничтожено одним из самых последних — в конце 1930-х годов. От него некоторое время сохранялся памятник воинам, павшим в 1812 году, описанный у Саладина. Сначала был поставлен новый памятник, который после сноса кладбища оставался на старом месте. Позднее он был перенесен к музею Бородинской панорамы. М. Д. Артамонов утверждает, что прах самих героев 1812 года был перезахоронен на Ваганьковском кладбище (14-й уч.).

Известно, что с Дорогомиловского кладбища была перенесена могила Е. А. Богданова, профессора Тимирязевской академии, сына известного зоолога А. П. Богданова (его могила описана у Саладина). Прах Е. А. Богданова был перенесен на кладбище Новодевичьего монастыря и похоронен в одной могиле с прахом его отца (см. Новодевичье кладбище, прим. 21). Так же некоторые захоронения обычных граждан были перенесены с Дорогомиловского на Востряковское кладбище.

— — — —

Д. В. Дормидонтов. Дорогомиловское кладбище // Доклад на II-й научной конференции «Исторический некрополь Москвы», 1.04.1994 г.; *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. — М: Орбита, 1990. — С. 27, 238, 680.

Еврейское кладбище

С Еврейского кладбища, уничтоженного в одно время с Дорогомиловским, была перенесена на Новодевичье кладбище могила И. И. Левитана. Она находится на втором участке кладбища, памятник сохранен прежний, сохранность его хорошая. Была перенесена могила известного революционера Н. С. Абельмана (1887-1918), в честь которого названы застава и улица в Москве. Кроме того, некоторым родственникам погребенных на Еврейском кладбище не знаменитых людей удалось добиться разрешения перенести их прах с разрушаемого кладбища. Эти могилы были перенесены на Востряковское кладбище.

Д. В. Дормидонтов. Дорогомиловское кладбище // Доклад на II-й научной конференции «Исторический некрополь Москвы», 1.04.1994.

Ваганьковское кладбище

Общие сведения о Ваганьковском кладбище читатель может получить из книги М. Д. Артамонова «Ваганьково». М.: Московский рабочий, 1991. А комментарий, так же как и к главе «Иноверческое кладбище на Введенских горах» будет включать в себя лишь описание современного состояния упомянутых А. Т. Саладиным могил и памятников. Следует добавить, что одним из источников книги М. Д. Артамонова являлась рукопись Саладина. Поэтому, опираясь на описания А. Т. Саладина Артамонов указал несуществующие ныне могилы, местонахождение которых известно, на планах кладбища. Настоящий комментарий обозначает эти могилы как несохранившиеся.

1 Часовня находится в небрежении, стены облупились, окна забиты железными листами, украшения со стен сбиты, ступеньки полуразрушены, верх разрушен. Часовню завершает простая железная крыша (15-й уч.).

2 Надпись на памятнике частично стерлась (Артамонов, 79-80, 160 — здесь и далее указаны страницы в книге Артамонова, посвященные этому захоронению) (14-й уч.).

3 Памятник сохранился полностью, но на лицевой его стороне, вместо прежних надписей, в 1930-х годах были сделаны следующие:

Семейство Шехтель
Федор Осипович
Академик архитектуры
род. 26 июля 1859
ум. 7 июля 1933

Наталья Тимофеевна
род. 17 июня 1860
ум. 2 июня 1936

Из старых надписей сохранилась только одна, слева от предыдущих:

Боря
р. 9 июля 1889
ум. 16 мая 1896

(Артамонов, 64-65, 178) (15-й уч.).

4 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 57, 140) (15 уч.).

5 Памятник представляет собой обелиск серого гранита с полустершейся надписью:

Лавровы
Вукол Михайлович
1852 – 1912
Софья Федоровна
1872 – 1924
Михаил Вуколович
1874 – 1929
Анна Романовна
1866 – 1954
Вукол Михайлович
1905 – 1982

(Артамонов, 153) (15-й уч.).

6 Могила не сохранилась (Артамонов, 154).

7 Могила не сохранилась.

8 Часовни нет, сохранились основание и надгробная плита. Памятник взят на государственную охрану (Артамонов, 40, 175) (15-й уч.).

9 От часовни сохранилась только кованая решетка без верха (19-й уч.).

10 На могиле Саврасова стоит обелиск из лабрадорита, тыльная сторона которого необработана, а на лицевой врезными золочеными буквами нанесен текст:

выдающийся русский художник
Алексей Кондратьевич Саврасов
1830 – 1897

«...Саврасов создал русский пейзаж, и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта в области русского искусства».
И. Левитан. (Артамонов, 59-60, 167) (18-й уч.).

11 Могила И. М. Сеченова перенесена на Новодевичье кладбище и находится на 4-м участке.

12 Часовня не сохранилась.

13 Над могилой стоит обелиск красного гранита с надписью:

Выдающийся русский ученый
Николай Алексеевич Умов
1840 – 1915
основатель учения
о движении энергии.

Памятник взят на государственную охрану (Артамонов, 37-38, 173) (18-й уч.).

14 Над могилой стоит обелиск красного гранита с беломраморным барельефом-портретом. Под портретом надпись:

Николай Николаевич
Златовратский
писатель-народник
1845 – 1911.

Памятник выполнен по проекту сына писателя скульптора А. Н. Златовратского, похороненного рядом с отцом. (Артамонов, 20, 146) (21-й уч.).

15 Памятник сохранился полностью. Памятник взят на государственную охрану. (Артамонов, 42, 174) (14-й уч.).

16 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 154) (14-й уч.).

17 Могилы не сохранились.

18 Памятник покосился, врос в землю, креста нет. Саркофаг над могилой жены Шевырева врос в землю еще больше – почти до половины. Артамонов сообщает, что крест над могилой С.П Шевырева упал и исчез недавно (Артамонов, 110, 178) (14-й уч).

19 Семейное место Филипповых сохранилось хорошо. Если не считать утери крестов и двух барельефов на памятниках, обычных разрушений для старых памятников, можно утверждать, что памятники сохранились полностью. Там похоронены: Иван Максимович (1824-1878), Татьяна Ивановна (1834-1881), Яков Иванович (1852-1895), Николай Иванович (1859-1898), Иван Иванович (ум. 1895 г.), его жена Екатерина Михайловна (ум. 1937 г), и их дети – Елена Ивановна Тушина (урожденная Филиппова) (ум. 1949 г.), Лидия Ивановна (ум. 1954 г.) и Алексей Иванович (1887-1968) Филипповы. (Артамонов, 175) (21-й уч).

20 От семейного места Салаевых сохранились только две отдельные могилы Федора Ивановича, Алексея Ивановича и Григория Ивановича Салаевых (Артамонов, 56, 166) (16-й уч.).

21 Решетка заменена, в остальном памятник сохранился полностью (Артамонов, 49, 142) (16-й уч.).
22 Над могилой стоит обелиск черного мрамора с надписью:

художник
Василий Иванович
Суриков
род. 14 января 1848
сконч. 6 марта 1916
— — -
жена его
Елизавета Августовна
Сурикова
сконч. 7 апреля 1888 г.
30 лет от роду.

К этому обелиску прислонена плита серого гранита, на которой в лавровом венке высечена надпись:

Василий Иванович Суриков
1848 — 1916.

В одной ограде с художником похоронена его дочь Елена Васильевна (1880-1963) (Артамонов, 58-59, 171) (21-й уч.).
23 Памятник сохранился полностью. Охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 149) (23 уч.).
24 Над могилой стоит обелиск черного мрамора с надписью:

Артист Малого театра
Михаил Валентинович Лентовский
род. в 1848 г. — сконч. 24. XII.1906 г.
от В. Т. О.

Памятник поставлен Всероссийским театральным обществом. (Артамонов, 73, 76-77, 154) (23-й уч.).
25 Могила не сохранилась (Артамонов, 129, 164).
26 Старый крест не сохранился. На его месте стоит маленький медный крест, поставленный, очевидно, совсем недавно (Артамонов, 35, 145) (23-й уч.).
27-31 Могилы не сохранились (Артамонов, 164,138,148,141,129,162).
32 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 140) (23-й уч.).
33 На памятнике заменена решетка (Артамонов, 139) (23-й уч.).
34 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 75-76,179) (23-й уч.).
35 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 75) (23-й уч.).

36 Могила не сохранилась (Артамонов, 41,166) (20-й уч.).

37 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 43,177) (20-й уч.).

38 Могила не сохранилась (Артамонов, 138).

39 Памятник сохранился, на нем нет только овального обелиска (Артамонов, 170) (20-й уч.).

40 Могила не сохранилась (Артамонов, 178).

41-42 Над могилой стоит небольшой гранитный камень, без креста с надписью:

Землеволец
Дм. Ал. Клеменц
1848 – 1914
Елизавета Николаевна Клеменц
1854 – 1914

(Артамонов, 16-18,149) (19-й уч.).

43 Могила не сохранилась (Артамонов, 18,144).

44 Памятник сохранился полностью. Охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 18,153) (23-й уч.).

45-46 Скорее всего обелиск над могилой А. И. Левитова служит памятником всем трем писателям. По крайней мере, памятников над могилами М. И. Орфанова и М. А. Воронова рядом с могилой Левитова нет (Артамонов, 18,139,161) (23-й уч.).

47 Памятник сохранился почти полностью – портрета-барельефа нет (Артамонов, 19,159) (23-й уч.).

48 Могила не сохранилась (Артамонов, 196,133).

49 Могила не сохранилась. В 1983 г. надгробие с его могилы пропало, и она затерялась (Артамонов, 50,174).

50 Памятник сохранился полностью и находится в отличном состоянии, недавно проведена реставрация. Памятник охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 79,168) (25-й уч.).

51 Памятник сохранился с незначительными разрушениями: отсутствует крест, укрепленный в верху обелиска, частично разрушена решетка (Артамонов, 152) (2-й уч.).

52 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 117-118,157) (2 уч.).

53 На памятнике нет креста, венчавшего урну (Артамонов, 152) (2 уч.).

54-55 Над могилами установлен новый памятник, представляющий собой колонну, перебитую кубом, из полированного гранита. Надпись, выполненная врезными золочеными буквами, гласит:

Выдающийся русский композитор
Алексей Николаевич
Верстовский
1799 – 1862 гг.

Артистка
Надежда Васильевна
Репина-Верстовская
1809 — 1867 гг.

Памятник охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 66,138,166) (2-й уч.).

56 Могила не сохранилась (Артамонов, 155).

57 Могила не сохранилась. В 1919 г. этот памятник был отмечен сотрудниками IV подотдела отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, как подлежащий охране ввиду его художественной ценности. В списках 1921 года, составленных в подсекции по охране и регистрации исторических могил и художественных надгробий при художественном отделе МОНО, памятник не значится (РГАЛИ, ф. 544, оп. 1, д. 17, л. 2; д. 15, л. 15 об). Ныне памятник почти развалился — осталась только одна пальма и решетка.

58 Памятник сохранился почти полностью, на нем новая доска, повторяющая старую (Артамонов, 156) (12-й уч.).

59 Памятник сохранился полностью. В одной решетке с Л. А. Рославлевой похоронен артист Олег Иванович Даль (1941-1981) (Артамонов, 87-88,166) (12-й уч.).

60 Могила не сохранилась (Артамонов, 90,135) (2-й уч.).

61 Ангела на памятнике нет, остался лишь постамент с надписью. Буквы поновлены золотой краской. Памятник охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 74,138) (6-й уч.).

62 Могила не сохранилась (Артамонов, 74,153).

63 Сохранность памятника хорошая, но портрета-барельефа нет (Артамонов, 78,158) (12-й уч.).

64 Сохранность памятника хорошая, только в середине креста нет образа. В одной решетке с А. А. Федотовым похоронены представители артистической династии Федотовых — народная артистка республики Гликерия Николаевна Федотова (1846-1925), Наталия Николаевна Федотова (ум. в 1920 г.), Арсений Николаевич Ляхов (1879-1936), Гликерия Александровна Федотова-Ляхова (ум. 1963г.). (Артамонов, 77-78,174) (12-й уч.).

65 Памятник находится в небрежении — бюста нет, в решетке все поросло сорной травой, сам памятник порос мхом (Артамонов, 137) (12-й уч.).

66-67 Сохранность памятников почти полная — крестов нет (Артамонов, 73-74,158) (9-й уч.).

68 Фигуры коленопреклоненного ангела на памятнике нет (Артамонов, 132) (9-й уч.).

69 Крест сбит с памятника и лежит отдельно. Памятник охраняется Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 82,140) (8-й уч.).

70 Памятник представляет из себя обелиск черного гранита в решетке, с надписью:

Артист Малого театра
Горев
Федор Петрович
1850 -- 1910

Памятник воздвигнут Всероссийским театральным обществом (Артамонов, 82,140) (8-й уч.).

71 Памятник находится в небрежении и разрушается. Сейчас сохранились только постамент и каркас от креста. Пространство внутри решетки заросло сорной травой (Артамонов, 171) (12-й уч.).

72 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 75, 154) (6-й уч.).

73 Памятник сохранился почти полностью, па нем заменен крест (Артамонов, 60,173) (11-й уч.).

74 На могиле воздвигнут черный мраморный обелиск с надписью:

Выдающийся русский химик
Владимир Васильевич
Морковников
1838 — 1904

Памятник охраняется Московским государственным университетом (Артамонов, 38,156) (27-й уч.).

75 Могила не сохранилась (Артамонов, 141).

76 Памятник сохранился хорошо, лишь заросла надпись. В одной могиле с архитектором похоронена его дочь Эмилия Константиновна Быковская (1885-1952) (Артамонов, 64,137) (27-й уч.).

77 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 64,137) (27-й уч.).

78 Памятник покосился, упал, лежит, опираясь одним концом на решетку, барельефного портрета нет (Артамонов, 153) (43-й уч.).

79 Памятник сохранился полностью (Артамонов, 136) (53-й уч.).

Армянское кладбище

Армянское кладбище не составляет исключения среди других действующих кладбищ относительно сохранности старых памятников,— они встречаются редко, но сохранность их в большинстве хорошая. Особенностью Армянского кладбища являются хорошо сохранившиеся часовни, придающие кладбищу неповторимый облик.

Кладбище Скорбященского монастыря

Кладбище Скорбященского монастыря было закрыто в 1919 году, а окончательно уничтожено в начале 1930-х гг. Лишь в 1929 и 1930 гг. удалось спасти некоторые захоронения. Из описанных Саладиным это три — Плевако, Дурова и младенца И. Шаляпина,— им и посвящен комментарий. Кроме того, на Введенское кладбище был перенесен прах библиографа Н. М. Лисовского (ум. в 1920), согласно прошению его вдовы. Остальные могилы выдающихся деятелей, а в их числе философа Н. Ф. Федорова (почему-то не упомянутого у Саладина), неоднократно обращавшегося к проблеме некрополя и памяти о мертвых, — были уничтожены.

В. Ф. Козлов. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920-30-е гг.) // МНИАИО; *Ю. Н. Бураков.* Под сенью мнастырей московских. — М: Московский рабочий, 1991; Сведения о перенесении праха Дурова, Шаляпина и Лисовского сообщил Д. В. Дормидонтов на II-й научной конференции «Исторический некрополь Москвы», 1 04.1994 г.

1 Могила Ф. Н. Плевако была перенесена на Ваганьковское кладбище и находится на пятом участке. Над могилой стоит деревянный крест в ограде. К кресту прикреплена фотография под стеклом — прежний памятник Плевако на кладбище Скорбященского монастыря, под фотографией надпись:

«Не с ненавистью судите,
А с любовью судите,
Если хотите правды»
Ф. Плевако.

Вместе с Ф. Н. Плевако похоронены его жена Мария Андреевна (1850-1914) и дочь Варвара Федоровна (1883-1962).

2 В мае 1930 г. прах Дурова был извлечен, кремирован и увезен в Воронеж, где захоронен в «уголке Дурова».

3 Прах младенца Игоря Шаляпина, сына певца, был перенесен на Новодевичье кладбище (2-й уч.).

Миусское кладбище

Из всех городских кладбищ, сохранившихся до нашего времени, Миусское пострадало от сознательного разрушения и

времени больше всех. В 1930-х годах кладбищенский храм был закрыт, колокольня снесена, разрушены большинство могил, на месте которых выстроены различные постройки. Старые могилы одиноки среди новых, их немного. Основная масса старых погребений второй половины XIX - начала XX в. - в виде небольших мраморных саркофагов, все поросшие мхом.

Сложно указать на Миусском кладбище погребения известных деятелей науки и культуры, поскольку большинство могил новые и людей малоизвестных.

1 Памятник сохранился почти полностью, если не считать отсутствия креста, обычного для такого типа памятников (4-й уч.).

2 На могиле Никифорова стоял памятник работы А. С. Голубкиной (1912 г.). В начале 1920-х годов он разрушился окончательно (Ермонская, Петунахина, Попова, 131, 133, 135).

3-8 Могилы не сохранились.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* *Составлен А. Т. Саладиным.*

УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ *

* *Составлен А. Т. Саладиным.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Саладин Алексей Тимофеевич

Очерки истории московских кладбищ

Редактор Трифонов Ю.А.
Художник Волошин А.А.
Художественный редактор Трифонов А.Ю.
Корректор Комарова З.В.

ЛР № 061544 от 18.08.92
Сдано в набор 15.01.96. Подписано в печать 27.06.97.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Кудряшевская».
Печать офсетная. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,27.
Тираж 5.000 экз. Заказ № 453.

Издательство «Книжный сад»
119619, Москва, Боровский пр., 6-36.

Книжная фабрика № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь
Московской обл., ул. Тевосяна, 25.